

"Десять причин для любви"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Джулия Куин

Десять причин для любви

Пролог

Несколько лет назад

Он не мог спать.

В этом не было ничего нового. Пора было к этому привыкнуть.

Но нет. Каждую ночь Себастьян Грей закрывал глаза с надеждой уснуть. А почему бы и нет? Он был абсолютно здоров, в ясном уме и твердой памяти, то есть вполне счастливый человек. Не было у него причин не спать.

Но уснуть у него не получалось.

Правда, так случалось не всегда. Иногда — и он понятия не имел, почему было то так, то иначе, — он клал голову на подушку и тут же проваливался в благодатный сон. Но остальное время он ворочался, вставал, чтобы почитать, пил чай, снова ворочался, метался, крутился, снова садился, смотрел в окно, опять ворочался, крутился и, наконец, махнув рукой на тщетные усилия, вставал и любовался рассветом.

Сколько рассветов он перевидел! По правде говоря, теперь Себастьян считал себя знатоком рассветов на Британских островах. Экспертом!

Разумеется, потом наступит изнеможение и где-нибудь после рассвета он погрузится в сон. В постели или в кресле, а то и прижавшись лицом к столу. Бывали и такие неприятные случаи. Такое происходило не каждый день, но достаточно часто, чтобы он заработал прозвище лежебоки и сони, что его крайне забавляло. Ведь не было на свете ничего, что доставляло ему такое удовольствие, как бодрящее свежее утро, и, разумеется, никакая трапеза не насыщала так, как здоровый английский завтрак.

И потому он приучил себя жить, как умел с этой своей слабостью. У него вошло в привычку завтракать в доме кузена Гарри, во многом из-за того, что тамошняя экономка подавала чертовски хорошую еду, но также и потому, что Гарри теперь всегда ждал его появления, а это означало, что Себастьян в девяти случаях из десяти обязан был к нему явиться. То есть он не мог позволить себе засыпать каждое утро в половине седьмого. Что, в свою очередь, приводило к тому, что на следующий вечер он был более усталым, чем обычно, и, забираясь в постель, мог рассчитывать легче заснуть.

Теоретически.

Нет, подумалось ему, он несправедлив. Не стоит обращать свой сарказм вовнутрь. Его грандиозный план воплощался в жизнь не идеально, но все-таки... иногда срабатывал. Он спал гораздо лучше. Просто не сегодня.

Себастьян поднялся и, подойдя к окну, уперся в него лбом. Снаружи было холодно, и стекло сразу заледенило его. Он любил это ощущение. Это было великолепно. Это ярко напоминало ему, что он принадлежит к человечеству. Он мерз и, значит, был жив. Он мерз и, значит, не был неуязвимым. Ему было холодно, и, значит...

Он отступил на шаг и презрительно фыркнул. Он мерз, и это значило, что ему холодно. И ничего больше.

Он удивился тому, что не шел дождь. Когда он ночью приехал домой, дождь вроде бы собирался. Будучи на континенте, он неплохо научился предсказывать погоду. Так что, по-видимому, дождь вскоре начнется.

Он прошелся к середине комнаты и зевнул. Может быть, стоит почитать что-нибудь? Иногда это нагоняло на него сон. Разумеется, это как когда. Он мог чувствовать себя бесконечно сонным, но не засыпал. Закрывал глаза, укладывал поудобнее подушку и...

И ничего.

Он просто лежал и ждал, ждал, ждал. Он пытался опустошить ум от мыслей, потому что именно это и следовало бы сделать в первую очередь. Это было необходимо. Пусть перед ним возникнет чистый лист. Пустое полотно. Если бы он мог обнять абсолютную пустоту, он сумел бы заснуть. В этом он был уверен.

Но ничего не получалось. Потому что каждый раз, как Себастьян Грей пытался обнять пустоту, погрузиться в нее, возвращалась война, и он тонул в ней.

Он это видел. Чувствовал. Снова и снова. Все те вещи, которые вполне достаточно было увидеть и почувствовать один раз... Более чем достаточно.

И потому он открывал глаза. Потому что тогда перед его взором была его же обычная спальня, с мягкой постелью. Одеяло было зеленым, занавески — золотистыми, а стол — деревянным.

И еще было тихо. Днем сюда проникали городские звуки, но ночью в этой части города почти всегда стояла тишина. Поистине поразительно, каким наслаждением было слушать эту тишину. Слушать ветер и, может быть, переключку птиц, а не прислушиваться настороженно к шагам или выстрелам. А то и к чему-то похуже.

Казалось бы, ему должно прекрасно спаться в этой чудесной тишине.

Он снова зевнул. Может быть, все-таки почитать? Днем он захватил несколько книг из библиотеки Гарри. Особенно выбирать там было не из чего: Гарри любил читать по-французски или по-русски. И хотя Себастьян тоже знал оба эти языка (их общая бабушка по материнской линии на этом настаивала), пользоваться ими не было для него так же естественно, как для Гарри. Читать на каком-то языке, кроме английского, было для него работой, а Себастьян сейчас хотел развеяться.

Неужели это слишком много: желать от чтения просто возможности отдохнуть?

Вот если бы ему нужно было написать книгу, это было бы занятие для души. И смерти там были бы, но не слишком много. И безусловно, не главных персонажей. Это действовало бы слишком угнетающе.

А еще там бы обязательно была любовная история. И опасности. Опасность — это прекрасно!

Возможно, еще чуточку экзотики. Но не слишком много. Себастьян подозревал, что большинство авторов небрежно относились к подготовительным исследованиям. Он недавно прочел роман, где действие происходило в арабском гареме. И хотя Себастьян находил идею насчет гарема увлекательной и интересной — даже весьма интересной, — он сомневался, что

автор разобрался в деталях и был точен. Он любил приключения, как многие люди, но даже ему трудно было поверить, что героиня, мужественная англичанка, сумела сбежать, вывесив из окошка змею и спустившись по ней на землю.

Усугубив издевательство над читателем прямым враньем, автор даже не потрудился сообщить, с какой змеей она это проделала.

Нет, право, он превзошел бы подобных писак.

Если он решит написать книгу, он поместит место действия в Англию. По крайней мере змей здесь не будет, это точно.

А героем станет не какой-то жалкий денди, занятый лишь покровом своего жилета. Если он возьмется писать книгу, герой у него будет героическим!

Но с загадочным прошлым. Чтобы было поинтереснее.

И конечно, не обойтись без героини. Ему нравились женщины. Он сумеет описать одну из них. Как он ее назовет? Как-нибудь обычно. Например, Джоанна. Нет, это звучит слишком воинственно. Может быть, Мэри? Или Анна?

Да, Анна. Это имя ему нравится. Звучит приятно. Но если он введет ее в свой роман, у нее не будет семьи. Некому будет звать ее по имени. Ему нужно дать ей хорошую фамилию. Чтобы легко слетала с языка. Приятно звучала.

Сейнсбери.

Он помедлил, обдумывая. Сейнсбери. Почему-то звучание напомнило ему сыр.

Что ж, неплохо. Он любил сыр.

Анна Сейнсбери. Очень неплохое имя. Анна Сейнсбери. Мисс Сейнсбери. Мисс Сейнсбери и...

И что?

Как насчет героя? Должна ли у него быть какая-то профессия? Карьера? Разумеется, Себастьян знал достаточно об образе жизни аристократии, чтобы нарисовать точный портрет вальяжного лорда.

Однако это будет скучно. Если он решит написать книгу, в ней должна быть чертовски увлекательная история. Чтобы не оторваться!

Он может сделать героя военным. Он много знает об этом. Сделать его, например, майором? Мисс Сейнсбери и загадочный майор?

Нет, глуповато! Не нужно изысков.

Может, генерал? Нет, генералы слишком заняты. И не так уж их много бродит вокруг. А вот если он хочет поинтереснее, стоит добавить туда парочку герцогов.

А как насчет полковника? Ранг достаточно высокий, чтобы обладать властью и авторитетом. Он может быть из хорошего рода... кто-то с деньгами, но не слишком большими? Младший сын! Младшие сыновья должны сами пробивать себе путь в жизни.

Итак, мисс Сейнсбери и загадочный полковник. Да, если он решит писать книгу, он так ее и назовет.

Но стоит ли всем этим заниматься? Он зевнул. Где он найдет время для этого? Он бросил взгляд на свой маленький письменный стол. Совершенно пустой, за исключением чашки остывшего чая. Нигде не было видно ни бумажки...

Солнце уже всходило. Пора ложиться в постель. Он еще может прихватить несколько часов сна, перед тем как встать и отправиться к Гарри на завтрак.

Он посмотрел на окно, в которое уже начали светить косые лучи восхода, помедлил. Ему понравилось, как звучит эта фраза.

Нет, как-то неясно получается. Можно подумать, что речь идет о бокалах.

Косые лучи рассвета засветились в оконном стекле.

Вот это уже неплохо. Но нужно как-то развернуть происходящее. Ввести социальный аспект.

Косые лучи рассвета засветились в оконном стекле, а мисс Анна Сейнсбери, скорчившись под ветхим одеялом, задумалась, как делала уже не раз, где ей найти деньги на следующую трапезу.

Вот теперь все было хорошо. Даже ему самому захотелось узнать, что случилось с мисс Сейнсбери, почему ей грозит голод, а ведь он все это и придумал.

Себастьян пожевал губу. Может, стоит это записать? И добавить собачку...

Он уселся за стол. Бумага. Ему нужна бумага. И чернила. Что-то должно было найтись в ящиках стола.

Косые лучи рассвета засветились в оконном стекле, а мисс Анна Сейнсбери, скорчившись под одеялом, задумалась, как делала уже не раз, где ей найти денег на следующую трапезу. Она посмотрела вниз на верную колли, тихо лежавшую на коврике у ее кровати, и поняла, что пришло время принять судьбоносное решение. От этого зависели жизни ее братьев и сестер.

Смотрите-ка! Получился целый абзац. И он практически не занял у него времени.

Себастьян поднял взгляд на окно. Косые лучи рассвета все еще просачивались сквозь оконное стекло.

Косые лучи рассвета светились в оконном стекле, а Себастьян Грей был счастлив.

Глава 1

Мейфэр, Лондон.

Весна 1822 года

— Ключ к счастливому браку, — подчеркнул лорд Викерс, — это держаться подальше от собственной жены.

Казалось бы, это утверждение не должно было иметь никакого влияния на жизнь и судьбу мисс Аннабел Уинслоу, но десять вещей делали это изречение лорда Викерса болезненно близким ее сердцу.

Во-первых, лорд Викерс был ее дедом по материнской линии, что непосредственно приводило к тому, что, во-вторых, названной женой была ее родная бабушка, которая, в-третьих, недавно решила вырвать Аннабел из ее тихой счастливой жизни в Глостершире, дабы, по ее словам, «придать ей лоск и выдать замуж».

Не менее важным было и то, что, в-четвертых, лорд Викерс говорил это лорду Ньюбери, который, в-пятых, однажды уже был женат и, кажется, успешно, но, в-шестых, жена его умерла, и теперь он был вдовцом, а его сын, в-седьмых, умер годом раньше, не оставив собственного сына.

Это, опять же в-седьмых, означало, что лорд Ньюбери искал новую жену. К тому же в-восьмых, он считал, что союз с Викерсом — это то, что надо, и в-девятых, он положил глаз на Аннабел, потому что, в-десятых, у нее были широкие бедра!

О Господи! Кажется, у нее получилось два «в-седьмых».

Аннабел вздохнула, потому что это было ближе всего к тому, чтобы сгорбиться на стуле, что ей категорически не позволялось. Впрочем, какая разница, если пунктов будет одиннадцать, а не десять. Ее бедра оставались по-прежнему широкими, и лорд Ньюбери был решительно настроен, чтобы его следующий наследник провел девять месяцев именно между ними.

— Старшая из восьми, вы говорите, — пробормотал лорд Ньюбери, задумчиво ее разглядывая.

Задумчиво?! Как бы не так. Казалось, он просто облизывался!

Аннабел бросила отчаянный взгляд на свою кузину, леди Луизу Маккэнн, приехавшую в этот день с визитом. Они очень мило общались, пока неожиданно не явился лорд Ньюбери. Лицо Луизы оставалось совершенно невозмутимым, как принято было в светском обществе, но Аннабел заметила, что глаза ее сочувственно расширились.

Если Луиза, чьи манеры всегда были абсолютно корректны, что бы ни происходило вокруг, не смогла удержаться от ужаса, Аннабел явно влипла в большие неприятности.

— И, — продолжал лорд Викерс с гордостью, — каждый из них родился крепким и здоровым.

Он поднял бокал, как бы приветствуя свою старшую дочь, плодовитую Френсис Викерс Уинслоу, которую, как не могла не вспомнить Аннабел, он называл только Этой Дурочкой, вышедшей замуж за Этого Проклятого Дурака!

Лорд Викерс был очень недоволен, когда его дочь вышла замуж за сельского джентльмена с весьма ограниченными средствами. И, насколько было известно Аннабел, своего мнения он так никогда и не изменил.

С другой стороны, мать Луизы вышла замуж за младшего сына герцога Феннивика всего за три месяца до того, как старший сын герцога совершил необдуманный прыжок на необученном как следует жеребце и сломал свою аристократическую шею. По словам лорда Викерса, это был

«чертовски удачный прыжок».

Разумеется, удачный для матери Луизы, а не для покойного наследника. Или его коня.

Неудивительно поэтому, что до нынешней весны пути Аннабел и Луизы пересекались очень редко. Уинслоу со своим многочисленным потомством, втиснутым в слишком маленький домик, имели мало общего с Маккэннами, которые, если не пребывали в их похожем на дворец лондонском особняке, проводили время в древнем замке на границе Шотландии.

— Отец Аннабел был одним из десяти детей, — сообщил лорд Викарс.

Аннабел повернула голову, чтобы рассмотреть его внимательнее. Это заявление было ближе всего к комплименту ее покойному отцу, который когда-либо прозвучал из уст лорда Викарса.

— Неужели? — осведомился лорд Ньюбери с хищным блеском в глазах.

Аннабел втянула губы и сжала руки на коленях, отчаянно размышляя, что она может сделать, чтобы произвести впечатление бесплодной.

— Ну и, конечно, у нас самих семеро детей, — скромно объявил лорд Викарс, поводя в воздухе рукой, как делают мужчины, не отягощенные правилами приличия.

— Так что вы не всегда держались достаточно далеко от леди Викарс, — фыркнул лорд Ньюбери.

Аннабел судорожно глотнула. Когда лорд Ньюбери фыркал, или посмеивался, или вообще двигал головой, казалось, что его челюсти издают какие-то звуки и при этом трясутся. Это было ужасное зрелище. Оно напоминало ей трясущийся студень из телячьей ножки, которым пичкала ее их экономка, когда Аннабел болела. Право, этого было достаточно, чтобы получить отвращение к любой пище.

Она задумалась, как долго нужно воздерживаться от любой пищи, чтобы заметно уменьшить размер бедер, желательно до полной невозможности иметь детей.

— Так что подумайте об этом, — произнес лорд Викарс, добродушно хлопая старого приятеля по спине.

— О, я думаю, — откликнулся лорд Ньюбери. Он повернулся к Аннабел, в его бледно-голубых глазах горел нескрываемый интерес. — Я думаю совершенно определенно.

— Обычно эти раздумья очень переоценивают, — объявила леди Викарс. Она приветственным жестом поднесла к губам бокал с шерри и осушила его.

— Забыл, что ты здесь, Маргарет, — промолвил лорд Ньюбери.

— Я никогда об этом не забываю, — проворчал лорд Викарс.

— Разумеется, я имею в виду джентльменов, — продолжала леди Викарс, протягивая свой бокал к тому из мужчин, кто первым сумеет его наполнить. — Леди всегда должна думать.

— В этом наши мнения расходятся, — произнес лорд Ньюбери. — Моя Маргарет держала свои мысли при себе. У нас был великолепный брак.

— Вы хотите сказать: она держалась от вас подальше? — хмыкнул лорд Викарс.

— Готов подтвердить: у нас был великолепный союз.

Аннабел посмотрела на Луизу, сидевшую в благопристойной позе на стуле рядом. Ее кузина была хрупким существом с узкими плечиками, светло-каштановыми волосами и бледно-бледно-зелеными глазами. Аннабел всегда казалось, что рядом с ней она выглядит какой-то громадиной. Ее собственные волосы были темными и волнистыми, кожа легко загорала, стоило ей подольше побыть на солнце, а фигура... с двенадцати лет привлекала к себе нежелательное мужское внимание.

Но это внимание никогда не было настолько нежелательным, как сейчас, когда лорд Ньюбери разглядывал ее, словно засахаренный фрукт.

Аннабел сидела тихо, старательно подражая кузине, и старалась, чтобы на лице не отразились ее мысли. Бабушка и так вечно ругала ее за чересчур выразительные гримасы.

«Ради всего святого, — привычно твердила она, — прекрати улыбаться, словно знаешь что-то особенное. Джентльмены не любят, когда женщины в чем-то осведомлены. По крайней мере, их жены. — В этот момент леди Викерс обычно делала большой глоток и прибавляла: — Вот после того как выйдешь замуж, будешь стараться узнать как можно больше. Предпочтительно с другими джентльменами, а не со своим мужем».

Если Аннабел ничего не знала до этого, то теперь она кое-что узнала наверняка. Например, тот факт, что, по крайней мере, трое викерсовских отпрысков, вероятнее всего, не были Викерсами. Аннабел постепенно осознавала, что ее бабушка, кроме привычки залихватски ругаться, имела весьма своеобразное представление о морали.

Глостершир начинал ей казаться какой-то райской страной. В Лондоне все выглядело таким... блестящим. Ну разумеется, настоящего блеска там не было. По правде говоря, все в Лондоне было каким-то серым, припорошенным пылью и сажой. Аннабел даже не понимала, почему ей пришло в голову слово «блестящий». Возможно, потому, что все здесь было непросто. И уж точно не прямодушно. Скорее — каким-то скользким.

Она вдруг поняла, что ей безумно хочется выпить стакан молока или что-нибудь такое же свежее и здоровое. Возможно, это помогло бы ей вернуть ощущение уравновешенности. Она никогда не была чопорной, и одному Богу известно, что из всего семейства Уинслоу именно она могла задремать в церкви. Но каждый день в столице она испытывала новые потрясения и не раз попадала в ситуации, когда могла лишь растерянно открыть рот и сконфузиться.

Аннабел находилась здесь уже целый месяц. Месяц! И ее все еще не покидало ощущение, что нужно двигаться на цыпочках, потому что постоянно сомневалась, все ли говорит и делает правильно.

Она ненавидела это ощущение.

Дома совсем другое дело. Она не всегда была права, но зато почти всегда уверена в себе. В Лондоне все правила были другими. И того хуже, здесь все знали всех. А если не знали их, то знали о них. Получалось, что свет обсуждал какую-то тайную историю, о которой Аннабел не имела ни малейшего представления. В каждом разговоре были какие-то подводные течения, какой-то скрытый смысл. Между тем Аннабел, кроме того, что больше других Уинслоу была способна задремать в церкви, была больше всех склонна резать правду в глаза. Здесь она неизменно чувствовала страх, что скажет что-либо обидное или оскорбительное.

Или оконфузится.

Или поставит в неловкое положение кого-то другого.

Она приходила в ужас от такой возможности. Ей была просто невыносима мысль, что она может каким-то образом подтвердить мнение деда, что ее мать действительно была дурочкой, а отец — полным дураком и она сама ушла от них совсем не далеко.

Имелась тысяча способов выставить себя идиоткой, причем каждый день возникали для этого все новые ситуации. Постоянно избегать их было тяжело до изнеможений.

Лорд Ньюбери наконец откланялся. Аннабел встала и присела в книксене, стараясь не замечать, как его взгляд впился в ее грудь. Дед вышел из комнаты вместе с гостем, оставив ее наедине с Луизой, бабушкой и графином хереса.

— Надеюсь, твоя матушка будет довольна, — объявила леди Викерс.

— Чем, мэм? — растерянно осведомилась Аннабел.

Бабушка одарила ее скучающим взглядом с оттенком недоверия.

— Графом. Когда я согласилась принять тебя, я и мечтать не могла, что ты заполучишь кого-то выше барона. Тебе повезло, что он оказался в отчаянном положении.

Аннабел криво улыбнулась. Как чудесно оказаться объектом чьего-то отчаяния!

— Хочешь бренди? — предложила бабушка.

Аннабел покачала головой.

— А ты, Луиза? — Леди Викерс склонила голову в сторону другой внучки, которая ответила мгновенным решительным отказом.

— На вид он неказист, это верно, — продолжала леди Викерс. — Но в молодости был достаточно красив, так что твои дети, во всяком случае, уродами не будут.

— Это обнадеживает, — слабым голосом отозвалась Аннабел.

— Несколько моих подруг положили на него глаз, но он смотрел только на Маргарет Китсон.

— Ваших подруг, — пробормотала Аннабел. Современницы ее бабушки хотели выйти замуж за лорда Ньюбери. Современницы ее бабушки хотели выйти замуж за человека, который, судя по всему, хотел жениться на ней!

Господи Боже!

— И он скоро умрет, — не останавливалась бабушка. — Чего же еще тебе желать?

— Я, пожалуй, выпью вашего бренди, — заявила Аннабел.

— Аннабел! — ахнула Луиза, бросая на нее взгляд, в котором ясно читалось: «Что ты делаешь?»

Леди Викерс одобрительно кивнула и налила ей бокал.

— Только не говори деду, — произнесла она, передавая ей бокал. — Он не одобряет, когда

спиртное пьют дамы моложе тридцати.

Аннабел сделала большой глоток. Он прокатился по ее горлу жаркой волной, но она даже не подавилась. Дома ей никогда не давали даже хереса, по крайней мере, не до ужина. Но здесь и сейчас ей было необходимо подкрепиться.

— Леди Викерс, — прозвучал голос дворецкого, — вы просили напомнить вам, когда придет время ехать на вечер к миссис Марстон.

— А-а, верно, — откликнулась леди Викерс, со стоном поднимаясь на ноги. — Она нудная старая сплетница, но стол держит отменный.

Аннабел и Луиза встали и стояли, пока бабушка не вышла из комнаты, но едва дверь за ней закрылась, просто рухнули на стулья.

— Что произошло, пока меня не было? — спросила Луиза.

— Как я понимаю, ты имеешь в виду лорда Ньюбери? — вздохнула Аннабел.

— Я провела в Брайтоне всего четыре дня. — Луиза бросила быстрый взгляд на дверь, удостоверившись, что там никого нет, и настойчивым шепотом продолжала: — А теперь он хочет жениться на тебе?!

— Он пока этого не заявлял, — ответила Аннабел с осторожной надеждой. Если судить по тем знакам внимания, которое проявлял к ней лорд Ньюбери последние четыре дня, он сейчас мчится в Кентербери за специальным разрешением на брак без предварительного оглашения. Чтобы получить его к концу недели!

— Ты знаешь его историю? — поинтересовалась Луиза.

— Кажется, знаю, — ответила Аннабел. — По крайней мере, частично.

Но уж наверняка не настолько полно, как Луиза. У Луизы шел второй лондонский сезон, а кроме того, она родилась в этом кругу. Родословная Аннабел включала в себя деда-виконта, но сама она была дочерью сельского джентльмена и не более того. А Луиза проводила каждые весну и лето своей жизни в Лондоне. Ее мать — тетя Аннабел, Джоан, — умерла несколькими годами ранее, но у герцога Феннивика было несколько сестер, которые все занимали видное положение в обществе. Возможно, Луиза была застенчивой, скорее всего от нее меньше всего можно было ждать сплетен и слухов, но знала она все!

— Ему очень нужна жена, — сказала Луиза.

Аннабел постаралась изобразить небрежное пожатие плеч.

— А мне — муж.

— Иногда не грех и потерпеть.

Аннабел не стала возражать, хотя, по правде говоря, если она не выйдет замуж хорошо и скоро, одно небо знает, что случится с ее семьей. У них никогда не было средств в достатке, но пока был жив отец, им еще как-то удавалось сводить концы с концами. Она не знала толком, каким образом им удалось обеспечить оплату школы для всех четверых ее братьев, но все они обучались там, где надо: получали достойное джентльменов образование в Итоне. Не станет

Аннабел отвечать за то, что им придется оставить эту школу.

— Его жена умерла... ох, я не знаю, сколько лет назад, — продолжала Луиза. — Впрочем, это значения не имеет, поскольку у него был абсолютно здоровый сын. А у сына имелись две дочери, так что жена его явно не была бесплодной.

Аннабел кивнула, мысленно удивляясь, почему всегда считают бесплодной женщину. Разве не может бесплодным быть мужчина?

— Но затем сын его умер. По-моему, от какой-то лихорадки.

Вообще-то эта часть истории была Аннабел известна, но она была уверена, что Луиза знает больше, и потому поторопилась спросить:

— Разве нет никого, кто мог бы ему наследовать?.. Наверняка сыщется какой-нибудь брат или кузен.

— Есть племянник, — подтвердила Луиза. — Себастьян Грей. Но лорд Ньюбери его ненавидит.

— Почему?

— Не знаю, — пожала плечами Луиза. — Никто не может ничего утверждать наверняка. Возможно, это зависть. Мистер Грей потрясающе красив. Все дамы от него без ума.

— Хотелось бы мне на него посмотреть, — задумчиво проговорила Аннабел. Она представила себе красавца блондина, с мускулами, распирающими жилет, который движется сквозь толпу обезумевших дам. А еще лучше вообразить, что кто-то из оставшихся в здравом уме хватает его за ногу и тем сбивает с ног... Привидится же такая чушь!

— Аннабел!

Аннабел очнулась от мечтаний. Луиза обращалась к ней с необычной для нее настойчивостью, так что необходимо было ее выслушать.

— Послушай меня, это важно, — произнесла Луиза.

Аннабел кивнула и ощутила прилив какого-то непривычного чувства... то ли благодарность, то ли... нет, наверняка любовь. Она лишь недавно узнала свою кузину, но между ними возникла сильная привязанность, и она знала, что Луиза сделает все, что в ее силах, чтобы удержать Аннабел от несчастливого союза.

К несчастью, возможности Луизы в этом вопросе были очень ограничены. И потом, она не представляла себе, не могла вообразить, груз долга, который достался старшей дочери обедневшей семьи.

— Послушай меня, — умоляла ее тем временем Луиза. — Сын лорда Ньюбери умер, кажется, около года назад, и безутешный отец начал искать себе невесту, когда прах его сына еще не остыл.

— Но тогда почему он до сих пор никого не нашел?

Луиза покачала головой:

— Он почти женился на Мэриэл Уиллингем.

— На ком? — заморгала Аннабел, пытаюсь сообразить, о ком идет речь.

— Вот именно. Ты о ней никогда не слыхала. Она умерла.

Брови Аннабел взлетели вверх. Как-то странно безразлично сообщила кузина эту трагическую историю.

— За два дня до свадьбы она простудилась.

— Она скончалась всего в два дня? — поразилась Аннабел. Такие вопросы задавать было не принято, но она должна была знать.

— Нет. Но лорд Ньюбери настоял, чтобы свадьбу отложили. Он сказал, что это для ее же блага, что она слишком больна, чтобы выстоять церемонию в церкви, но все понимали, что он просто хотел удостовериться, что она, по крайней мере, достаточно крепкая, чтобы родить ему сына.

— А потом?

— А потом она действительно умерла. Она болела около двух недель. Это было очень печально. Она всегда была добра ко мне. — Луиза вздохнула и продолжала: — Для лорда Ньюбери это кончилось удачно: если бы он успел на ней жениться, то должен был бы соблюдать траур. А он и так собрался жениться в скандально короткий срок после смерти сына. Если бы мисс Уиллингем умерла не перед свадьбой, а позже, ему пришлось бы носить траур еще целый год.

— И сколько же он прождал, прежде чем начать поиски новой невесты? — осведомилась Аннабел, заранее страшась ответа.

— Не более двух недель. По правде говоря, я думаю, что он не ждал бы так долго, если б не понимал, что такого ему не простят. — Луиза обвела взглядом комнату. Взгляд ее упал на бокал в руке Аннабел. — Пожалуй, я бы выпила чаю.

Аннабел поднялась и позвонила в колокольчик, так как не хотела, чтобы Луиза отвлеклась от своего рассказа.

— Вернувшись в Лондон, он стал ухаживать за леди Френсис Сефтон.

— Сефтон? — переспросила Аннабел. Имя звучало знакомо, но она не могла связать его с какой-то конкретной личностью.

— Да, — оживленно продолжала Луиза. — Вот именно. Ее отец — граф Бромптон. — Она наклонилась вперед. — Леди Френсис — третья из девяти детей.

— О Боже!

— Мисс Уиллингем был старшей всего из четырех, но она... — Голос Луизы прервался. Она явно не знала, как выразиться повежливее.

— У нее была такая фигура, как у меня? — подсказала Аннабел.

Луиза мрачно кивнула.

Аннабел скорчила гримаску.

— Полагаю, что на тебя он дважды не посмотрел.

Луиза опустила глаза на свою хрупкую фигурку.

— Никогда. — И затем с сарказмом прибавила: — Слава Богу!

— Что произошло с леди Френсис? — поинтересовалась Аннабел.

— Она сбежала. С лакеем.

— Святые небеса! Наверное, это было раннее увлечение. Ты как считаешь? Не станет же леди сбежать с лакеем лишь для того, чтобы избежать брака с графом.

— Ты так думаешь?

— А как же иначе? — покачала головой Аннабел. — Это же непрактично.

— Сомневаюсь, что она рассуждала практично. Полагаю, что она подумала о браке с этим... этим...

— Умоляю, не заканчивай эту фразу.

Луиза доброжелательно согласилась.

— Если уж так хочется избежать брака с лордом Ньюбери, — продолжала Аннабел, — я придумала бы что-то получше, чем выйти замуж за лакея. Разве что она уже была влюблена в этого слугу. Тогда это все меняет.

— Ну, это толком неизвестно. Она сбежала с ним в Шотландию, и больше никаких вестей от нее не было. А потом сезон кончился. Я уверена, что лорд Ньюбери именно с того момента стал искать невесту, но это проще делать во время сезона, когда все собраны вместе. К тому же, — подумав, добавила Луиза, — если бы он уже ухаживал за кем-то, я вряд ли бы об этом услышала. Он ведь живет в Гемпшире.

А Луиза проводила всю зиму в Шотландии, в своем холодном замке.

— А теперь он, значит, вернулся, — кивнула Аннабел.

— Да. И поскольку потерял целый год, он хочет найти кого-то побыстрее. — Луиза посмотрела на нее, горестным взглядом, в котором смешались жалость и покорность судьбе. — Если он заинтересовался тобой, то не станет тратить время на ухаживания.

Аннабел знала, что так и есть, и понимала, что если лорд Ньюбери сделает ей предложение, отказать ему будет очень трудно. Дед и бабушка уже намекали ей, что одобряют этот брак. Матушка наверняка позволила бы ей отказать, но она находилась почти в ста милях от Лондона. И Аннабел ясно представляла себе выражение глаз матушки, когда та уверяла бы ее, что дочери вовсе не обязательно выходить замуж за графа.

В ее глазах наверняка светилась бы любовь, но и тревога. Последнее время тревога не сходила с лица матери. Первый год после смерти отца преобладало горе, но теперь возобладали тревога и забота. Аннабел осознавала, что мысли о том, как содержать семью, вытеснили все другие чувства, не оставляя места для других переживаний.

Лорд Ньюбери, если и в самом деле захочет на ней жениться, окажет их семье достаточную финансовую поддержку, чтобы тревога и заботы матушки существенно смягчились. Он заплатит за образование братьев и обеспечит сестер приданым...

Аннабел не согласится выйти за него замуж, пока он не примет ее условия. Письменно.

Но она забегает вперед. Он еще не сделал ей предложения. А она еще не решила, скажет «да» или «нет». Или решила?

Глава 2

На следующее утро

— Ньюбери положил глаз на следующую.

Себастьян Грей посмотрел на кузена Эдварда. Тот сидел напротив и ел какую-то массу, похожую на пирог, которая даже с другого конца комнаты пахла отвратительно. Голова разламывалась — слишком много шампанского было выпито накануне, — и вообще лучше бы в комнате было темно.

Он смежил веки.

— Думаю, на этот раз все обстоит серьезно, — произнес Эдвард.

— Он был серьезно настроен все последние три раза, — отозвался Себастьян, не открывая глаз.

— Хм-м... Это точно, — услышался голос Эдварда. — Не повезло ему. Смерть, бегство из-под венца, а что там случилось в третий раз?

— Явилась к алтарю с ребенком.

Эдвард фыркнул:

— Может, ему стоило взять именно эту? По крайней мере, он бы точно знал, что она не бесплодна.

— Я подозреваю, — откликнулся Себастьян, меняя положение, чтобы лучше уместить на диване свои длинные ноги, — что он сам не знает, чего хочет. — Он прекратил старания улечься поудобнее и перекинул обе ноги через край дивана, так что они повисли в воздухе. — Как ни трудно это себе представить.

Он какое-то время пытался подумать о дяде, но затем постарался выбросить его из головы. Мысли о графе Ньюбери обычно приводили его в плохое настроение, а у него и так болела голова. Они часто ссорились, дядя и племянник, но это, в общем, не имело значения до того, как полтора года назад умер Джеффри, кузен Себастьяна. Как только выяснилось, что вдова Джеффри не беременна и что предполагаемым наследником графского титула стал Себастьян, Ньюбери поспешил в Лондон на поиски невесты, объявив, что скорее умрет, чем допустит, чтобы Себастьян ему наследовал.

Абсурдность этого заявления графа не смутила. Так или иначе, он оказался в положении странном и сомнительном. Если граф сумеет найти себе жену и та родит ему сына — а уж он, Бог свидетель, об этом постарается, — Себастьян останется всего-навсего одним из лондонских светских, но не титулованных джентльменов. С другой стороны, если Ньюбери не удастся обзавестись сыном вообще или жена родит ему только дочерей, Себастьян унаследует четыре особняка, кучу денег и один из самых древних в стране титул восьмого графа.

А это означало, что никто не знал, как с ним обращаться. Являлся ли он самым заманчивым

призом на ярмарке невест или еще одним охотником за приданым? Догадаться было невозможно.

Это было бесконечно забавно. По крайней мере, для Себастьяна.

Никто не хотел рисковать, полагая, что он не станет графом. Поэтому его охотно приглашали повсюду, что доставляло массу удовольствия человеку, любившему хорошую кухню, хорошую музыку и хороший разговор. Дебютантки так и порхали вокруг него, невероятно его забавляя. А что касается более зрелых дам, свободных брать радости жизни, где они подвернутся...

Что ж, очень часто они выбирали его разделить их удовольствия. И то, что он был красив, лишь добавляло им азарта. К тому же он был изумительным любовником. И притом мог в конце концов стать следующим графом Ньюбери...

Все это в совокупности делало его неотразимым.

Однако раскалывающаяся голова и легкая тошнота делали Себастьяна равнодушным к подобным перспективам. Так что сейчас он устоял бы даже перед Афродитой, спустись она с потолка в своей перламутровой раковине, одетая лишь в несколько стратегически расположенных лепестков. Право, сейчас его могло просто стошнить ей на ноги.

И вообще, чтобы доказать, что она богиня, ей следовало бы оказаться в его комнате совершенно голой. Полностью обнаженной.

Впрочем, его и тогда могло бы вывернуть наизнанку.

Он зевнул, слегка поворачиваясь на левый бок, и задумался, сможет ли заснуть. Он плохо спал предыдущей ночью (проклятое шампанское) и ночь накануне (без особых причин), а диван кузена вполне годился для отдыха. Кстати, и свет в комнате был не слишком ярким... если не открывать глаз... и единственным звуком было жевание Эдварда. Когда же он наконец насытится?

Как подумаешь, просто удивительно, как же чавкал он за столом.

Не говоря уже о запахах. Мясной пирог! Кто может поглощать мясной пирог перед человеком в его состоянии?

Себастьян застонал.

— В чем дело? — поинтересовался Эдвард.

— Эта твоя еда!.. — проворчал Себастьян.

— Хочешь есть?

— Ни в коем случае!

Глаза Себастьяна были закрыты, но он мысленно представил, как Эдвард пожал плечами. Нет, этим утром явно не стоило рассчитывать на братское милосердие.

Значит, Ньюбери пустился на ловлю очередной кобылы-производительницы. Пожалуй, Себастьяну удивляться этому не следовало. Он и не удивился, черт побери всё! Просто дело было в том...

Дело было в том...

Тысяча чертей! Он не знал, в чем именно было дело. Но простым оно не было.

— Ну и кто она на этот раз? — спросил он, потому что не был уж совсем не заинтересованным.

Наступила пауза, так как Эдварду нужно было проглотить пищу, и затем последовал ответ:

— Внучка Викерса.

Себастьян задумался. У лорда Викерса было несколько внуков. Что было вполне естественно, так как у Викерсов было что-то около пятнадцати детей.

— Ну и пусть ее, — пробурчал он.

— Ты ее видел? — спросил Эдвард.

— А ты? — откликнулся Себастьян. В этом сезоне он поздно явился в город, так что если эта внучка вышла в свет только в нынешнем году, он ее не знал.

— Выросла в деревне. По слухам, такая плодовитая, что птички при виде ее начинают вить гнезда.

Вот это заявление заслуживало того, чтобы открыть глаз. Даже оба.

— Птички? — повторил Себастьян. — Неужели?

— Мне показалось, что это удачное определение, — несколько смущенно ответил Эдвард.

Себастьян со стоном принял сидячее положение. Немногим более удобное, чем раньше.

— И все же каким образом юная леди, белоснежная девственница — на чем, я уверен, настоял Ньюбери — может доказать свою плодовитость?

— Конечно, это не просто. Но ее бедра... — пожал плечами Эдвард, его руки описали полукруги в воздухе, а в глазах появился особенный блеск. — И ее груди... — Тут он просто содрогнулся, и у Себастьяна создалось впечатление, что у бедняги кузена вот-вот потекут слюнки.

— Эдвард, держи себя в руках, — упрекнул его Себастьян. — Не забывай, что сидишь на диване, который Оливия только что заново обила.

Эдвард обиженно посмотрел на него и вернулся к своей тарелке. Они находились в гостиной сэра Гарри и леди Оливии Валентайн, где бывали очень часто. Эдвард приходился братом Гарри и потому жил здесь. А Себастьян любил в этом доме завтракать. Кухарка Гарри недавно освоила новый рецепт омлета с совершенно волшебным результатом. «Наверное, положила побольше масла, — подумал Себастьян. — Все делается вкуснее, когда кладут больше масла». Он уже неделю не пропускал ни одного завтрака в Валентайн-Хаусе.

Кроме того, ему нравилось здешнее общество.

Гарри и Оливия уехали на две недели в деревню, не исключено, что в попытке сбежать от Эдварда и Себастьяна. Поэтому два кузена тут же опустились до своих холостяцких привычек: спали до полудня, ленч ели в гостиной и повесили мишень для игры в дартс на дверь второй

гостевой спальни.

Себастьян в этом состязании шел впереди. Четырнадцать побед к трем.

Вообще-то шестнадцать к одной, так как на середине турнира просто пожалел Эдварда. От этого игра стала интереснее. Правдоподобно проигрывать оказалось гораздо труднее, чем выигрывать. Но он сумел, и Эдвард ничего не заподозрил.

Восемнадцатая игра должна была состояться нынешним вечером. Себастьян, разумеется, ее не пропустит. Он почти переехал сюда, убеждая себя, что кто-то должен присматривать за юным Эдвардом, хотя по правде...

Он мысленно приказал себе не думать. Этой правды было достаточно.

Себастьян зевнул. Боже, как же он устал! Он не понимал, зачем ему понадобилось так напиться прошлой ночью. Он не делал этого давным-давно. Но вчера он рано отправился в постель, а потом не смог заснуть и поднялся, но писать не мог, потому что...

Никакое не «потому что». Это и раздражало. Он просто не смог работать. Слова не шли, а ведь он оставил свою несчастную героиню прячущейся под кроватью. А герой лежал в этой кровати. Это должно было стать самой рискованной сценой из всех ранее им написанных. Казалось бы, сама новизна ситуации должна была облегчить писание!..

Но нет. Мисс Спенсер продолжала пребывать под кроватью, а ее шотландец — в кровати над ней. А Себастьян не приблизился к концу двенадцатой главы, так и застряв на месте с прошлой недели.

После двухчасового сидения за письменным столом над листом чистой бумаги он наконец сдался. Он не мог спать, не мог писать, так что с досады встал, оделся и отправился в клуб.

А там было шампанское. Кто-то что-то праздновал, и не присоединиться было бы непростительной грубостью. К тому же там оказалось несколько очень хорошеньких девушек, хотя почему они находились в клубе, Себастьян так и не понял.

А может, они были вовсе не в клубе? Может быть, он потом куда-то отправился?

Господи Боже! Стар он для подобных развлечений.

— Возможно, она еще скажет ему «нет», — произнес Эдвард, вроде бы ни с того ни с сего.

— Что?

— Ну, эта внучка Викерса. Возможно, она откажет Ньюбери.

Себастьян откинулся назад и прижал пальцы к вискам.

— Да с какой же стати?

— Мне кажется, ты ее не знаешь.

— Не знаю. Но Викерс захочет союза с Ньюбери. Они друзья, и у Ньюбери есть деньги. И если только у этой девицы нет очень снисходительного отца, ей придется делать то, что велит дед. Ох, погоди! — Он вскинул брови и наморщил лоб, чтобы встряхнуть неповоротливые мысли. — Вот если эта девица из Феннивиков, она скажет «нет».

— Уж слишком ты осведомлен.

Себастьян пожал плечами:

— Мне многое известно... возвращаюсь в общество.

Он любил наблюдать. Просто поразительно, сколько всего можно рассказать о человеческих существах только на основании наблюдений. Наблюдать и слушать. И вести себя так мило и обаятельно, что люди забывали о том, что у него есть мозги.

Себастьяна редко принимали всерьез, и, пожалуй, ему это нравилось.

— Нет, погоди. — Он мысленно представил себе хрупкую малышку, такую худенькую, что когда она поворачивалась боком, словно растворялась в воздухе. — Это не может быть девица Феннивик. У нее грудей вовсе нет.

Эдвард прикончил последний пирожок с мясом, но запах, к несчастью, не исчез моментально.

— Надеюсь, ты говоришь это не на основании собственного опыта, — произнес он.

— Я прекрасный знаток женских форм и могу судить о них даже издали. — Себастьян окинул взглядом комнату в поисках какого-нибудь неалкогольного напитка. Например, чаю. Да, чай должен помочь. Его бабушка всегда говорила, что это лучший напиток на свете, за исключением водки.

— Что ж, — сказал Эдвард, наблюдая, как Себастьян встал с дивана, чтобы вызвать дворецкого, — если она выйдет за него, считай, что ты потерял графство.

Себастьян снова плюхнулся на диван.

— Начнем с того, что оно никогда моим не было.

— Но могло бы стать, — наклонился вперед Эдвард. — Оно могло быть твоим. Я, наверное, тридцать девятый в очереди на какой-либо титул, но ты... ты мог бы стать Ньюбери.

Себастьян с трудом глотнул, прогоняя поднимшуюся в горле горечь. Ньюбери — это его дядя, громадный, громогласный, с мерзким дыханием и таким же отвратительным характером. Трудно было вообразить, что он мог бы повести к алтарю невесту-девушечку.

— Честно говоря, Эдвард, — посмотрел он на кузена как мог искренне, — мне это действительно все равно.

— Ты не можешь так думать всерьез.

— И все же я думаю именно так, — пробормотал Себастьян.

Эдвард посмотрел на него как на сумасшедшего. Себастьян решил отреагировать на это, вновь улегшись на диване во весь рост. Он закрыл глаза, не собираясь открывать их, пока не принесут чай.

— Я не говорю, что не получил бы удовольствия от сопутствующих ему удобств, — уточнил он. — Но я прожил тридцать лет без этого, причем двадцать девять из них даже без подобных перспектив.

— Удобств, — растерянно повторил Эдвард, цепляясь к слову. — Всего-навсего удобств?!

Себ пожал плечами:

— Нет, я, разумеется, нашел бы прилагающиеся деньги чрезвычайным удобством.

— Удобством! — повторил Эдвард потрясенно. — Только ты смог бы назвать все это лишь удобством.

Себастьян снова лениво пожал плечами и попытался задремать. Получалось, что он вообще так и спал: урывками. Немного тут, немножко там, на диванах, в креслах, где угодно, за исключением собственной постели. Однако сейчас заснуть не удавалось, так как ум его был взбудоражен последней новостью о поведении дядюшки.

Ему действительно было все равно, унаследует ли он графство или нет. Людям трудно было поверить в такое, но это было так. Если его дядюшка женится на внучке Векерса и займет от нее сына... что ж, тем лучше для него. Значит, он, Себастьян, титула не получит. Он не станет волноваться из-за потери того, на что никогда и не рассчитывал.

— Большинство людей, — громогласно объявил он (поскольку в комнате с ним находился только Эдвард, он мог без последствий выглядеть театральным шутком), — знают, что им полагается унаследовать титул. Человек всегда считается наследником. Если кто-либо не убьет тебя раньше, ты наследуешь.

— Прошу прощения?

— То есть его можно называть очевидным наследником, — пробормотал Себастьян.

— Ты всегда после попойки даешь уроки языка?

— Щен! — Это было любимым прозвищем Себастьяна для Эдварда, и пока оно оставалось в семейном кругу, Эдвард не обижался. Так что и сейчас он только фыркнул. — Хватит болтать! — вздохнул Себастьян и продолжил: — С наследником предполагаемым все только лишь предполагается. Никто не может знать ничего определенного.

— Ты считаешь, что сообщая мне нечто новое? — осведомился Эдвард не столько саркастически, сколько с интересом, стоит ли обращать на эти слова особое внимание.

Но Себастьян не отвлекался на его вопросы.

— И вот в моем случае я именно наследник предполагаемый — и т. д., и т. п. Так что Ньюбери пытается заполучить некую юную девицу с большими грудями и широкими бедрами, предполагающими плодовитость.

Эдвард мечтательно вздохнул.

— Заткнись, — угрожающе произнес Себ.

— Если бы ты их увидел, ты понял бы, что я имею в виду.

В его голосе звучало такое нескрываемое вожеление, что Себастьян вынужден был открыть глаза и посмотреть на него:

— Тебе просто нужна женщина.

Эдвард передернул плечами.

— Пошли мне какую-нибудь. Я приму твои ошметки.

Он заслуживал лучшего, но сейчас Себастьяну не хотелось вдаваться в тонкости, в его ослабленном состоянии.

— Право, мне необходим этот чай!

— Подозреваю, что тебе нужно что-нибудь покрепче.

Себ выгнул бровь.

— Тебя, кажется, раздражает невнятность твоего положения, — объяснил Эдвард. — Наследник ты или нет?

Себастьян поразмыслил над этим замечанием.

— Нет. Не столько раздражает, сколько слегка тяготит.

Эдвард взялся за газету, и они оба замолчали; Себастьян смотрел через всю комнату в окно. Зрение у него всегда было отличное, так что он мог наблюдать хорошеньких женщин, прогуливающихся по другой стороне улицы. Он смотрел на них, не думая ни о чем важном. Кажется, в этом сезоне был моден лазурно-голубой цвет. Хороший выбор: он прекрасно смотрелся на большинстве. Но вот насчет юбок он не был уверен: они были чересчур жесткими и коническими. Приятно на вид, но весьма неудобное, по мнению мужчины, озабоченного тем, как бы их вздернуть.

— Чай!.. — прервал размышления Себастьяна возглас Эдварда. Служанка поставила поднос с чаем на стол между ними, и они на мгновение замерли. Двое крупных мужчин с большими руками разглядывали изящный чайничек.

— О, где же наша дорогая Оливия, когда она так нам нужна?! — вздохнул Себастьян.

Эдвард ухмыльнулся:

— Я непременно расскажу ей, что ты ценишь ее за умение разливать чай.

— Возможно, это самая основательная причина завести себе жену. — Себастьян наклонился над подносом в поисках кувшинчика с молоком. — Тебе подлить?

Эдвард покачал головой.

Себастьян плеснул немного молока в чашку, а затем решил, что слишком хочет пить, чтобы дожидаться, пока чай настоится как следует. Он налил его себе и с наслаждением вдохнул заструившийся аромат. Поразительно, как это сразу успокоило его желудок.

Может быть, ему стоит поехать в Индию. Страну обетованную. Страну чая.

Он сделал крупный глоток, и тепло прокатилось по горлу в самый желудок. Это было изумительно. Просто идеально.

— Ты никогда не собирался съездить в Индию? — спросил он Эдварда.

Эдвард в ответ лишь слегка поднял брови. Перемена темы разговора была неожиданной, но он привык к Себастьяну и не очень удивился.

— Нет. Там слишком жарко, — сообщил он.

Себастьян задумался над ответом.

— Полагаю, что ты прав.

— И еще там малярия, — добавил Эдвард. — Я как-то встречал человека, у которого была малярия. — Он содрогнулся. — Тебе бы это не понравилось.

Себастьян посмотрел на больных малярией во время военных действий в Португалии и Испании, когда был там в составе 18-го гусарского полка. Определение «не понравилось бы» являлось явным преуменьшением.

И потом, было бы затруднительно продолжать его тайную писательскую карьеру, находясь за границей. Его первый роман «Мисс Сейнсбери и загадочный полковник» имел невероятный успех. Настолько, что Себастьян написал затем «Мисс Давенпорт и темный маркиз», потом «Мисс Трусдейл и молчаливый джентльмен», а вслед им самый успешный из всех — «Мисс Баттеруорт и безумный барон».

Разумеется, все публикации шли анонимно. Если бы стало известно, что он пишет готические романы...

Он на мгновение представил себе это. Что произойдет, если это выплывет на свет Божий?! Самые чопорные представители светского общества перестанут его узнавать. Впрочем, это не так уж и плохо. А вот остальные... сочтут это прелестным. Его будут носить на руках. Неделями.

Однако потом пойдут вопросы. Люди будут просить его описать их истории. А это будет бесконечно нудно.

Ему нравилось, что у него есть тайна. О его писательстве не знала даже семья. И если даже их интересовало, откуда берутся у него деньги, вопросов они не задавали. Гарри, наверное, считал, что он получает пособие от матери, а к завтраку является каждый день из экономии.

Кроме того, Гарри не нравились его книжки. Он переводил их на русский. (И получал за это бешеные деньги, наверное, больше, чем он, Себастьян, за написание их оригиналов по-английски). Но он их не любил. Считал глупостью и часто заявлял об этом вслух. А Себастьяну не хватало духу сообщить ему, что автор «Сары Горли» — на самом деле он — его кузен.

Гарри почувствует себя очень неловко.

Себастьян пил чай и наблюдал, как Эдвард читает газету. Если наклониться вперед, он сможет прочесть обращенную к нему страницу. Его зрение всегда было необычайно острым. Но видимо, все же недостаточно. Шрифт лондонской «Таймс» был слишком мелким. Тем не менее, он попытался прочесть, по крайней мере, заголовки.

Эдвард положил газету и внимательно посмотрел на него:

— Тебе скучно?

Себ допил чай.

— О, ужасно! А тебе?

— Как сказать... И вообще, я не могу читать газету, когда ты на меня глазеешь.

— Я так тебя отвлекаю? — улыбнулся Себ. — Отлично.

Эдвард покачал головой и протянул ему газету:

— Хочешь почитать?

— Ни в коем случае! Прошлым вечером я попался лорду Ворту, и он заговорил меня. Все толковал о новых таможенных пошлинах. Теперь еще и читать об этом будет так же приятно, как грызть ногти на ногах.

Эдвард изумленно уставился на него:

— Твое воображение на грани фантастических ужасов.

— Только на грани? — пробормотал Себ.

— Я старался быть вежливым.

— Ради меня ты можешь не стараться.

— Видимо, так.

Себ выдержал паузу, и когда Эдвард решил, что разговор окончен, произнес:

— Ты стареешь и становишься скучным, Щен.

Эдвард выгнул вопросительно бровь:

— А каким тогда считать тебя?

— Древним. Но интересным, — с ухмылкой ответил Себастьян. Толи подействовал чай, то ли поддразнивание кузена, но он начал чувствовать себя лучше. Голова все еще болела, но по крайней мере можно было не опасаться, что его вывернет на ковер. — Ты собираешься посетить сегодня прием у леди Тробрайдж?

— Это в Хэмпстеде? — осведомился Эдвард.

Себ кивнул и налил себе еще чаю.

— Наверное. Ничего лучшего у меня не предвидится. А ты?

— Кажется, — у меня свидание с прелестной леди Селларс. На пустоши.

— На пустоши?

— Я всегда любил дикие заросли, — пробормотал Себастьян. — Мне только нужно придумать, как протащить на прием одеяло так, чтобы этого никто не заметил.

— Кажется, ты предпочитаешь заросли с комфортом?

— Мне нравятся свежий воздух и приключение. А без ссадин от сучков и травы я с удовольствием обойдусь.

— Что ж, если кто-то и сумеет такое устроить, так это только ты, — произнес Эдвард, вставая из-за стола.

Себ поднял на него глаза, удивленный и, пожалуй, несколько разочарованный.

— Куда ты собрался?

— У меня назначена встреча с Хоби.

— А-а. — Тогда его нельзя было задерживать. Разочаровывать Хоби было никак невозможно. Всем известны особые отношения между джентльменом и изготовителем его сапог.

— Ты будешь здесь, когда я вернусь? — спросил Эдвард от двери. — Или намерен отправиться домой?

— Наверное, останусь, — откликнулся Себастьян, делая последний глоток чая и вновь откидываясь на диван. Был всего-навсего полдень, и ему еще не надо было торопиться домой, чтобы подготовиться к вечеру с леди Тробрюбридж и леди Селларс. До этого оставалось еще несколько часов.

Эдвард кивнул ему и отбыл. Себастьян закрыл глаза и попытался уснуть, но через десять минут поднялся и схватил газету.

Очень трудно засыпать в одиночестве.

Глава 3

Тем же вечером.

Позднее

Не может она выйти за него замуж. О Господи! Ну не может, и все.

Аннабел метнулась в полутемный коридор, не обращая внимания на то, куда он ведет. Она пыталась исполнить свой долг. Пыталась вести себя как подобает. Но сейчас ее просто мутило, желудок рвался к горлу, и вообще ей был необходим свежий воздух.

Бабушка настояла, чтобы они явились на ежегодный прием к леди Тробрюбридж, и Аннабел, после того как Луиза объяснила, что это будет за городом, немного в сторону Хэмпстеда, даже обрадовалась такой возможности хоть на время отдалиться от Лондона. Вокруг дома был разбит великолепный сад, переходящий напрямую в знаменитую Хэмпстед-Хит. И, если позволит погода, хозяйка дома прикажет зажечь факелы, так что гости смогут перейти на воздух.

Но прежде чем Аннабел смогла познакомиться с чем-то, кроме бального зала, ее обнаружил лорд Ньюбери. Она присела в книксене и улыбнулась, старательно притворяясь, что польщена его вниманием. Она протанцевала с ним... дважды... не говоря ни слова, когда он наступал ей на ноги. Смолчала и тогда, когда его рука передвинулась ей на ягодицы.

Выпила с ним лимонада в уголке бального зала, пытаюсь завязать с ним разговор, надеясь и

молясь, что его заинтересует что-нибудь еще — что угодно! — кроме ее груди.

Но затем он каким-то образом ухитрился вытеснить ее в коридор. Аннабел даже не поняла, как он это проделал. Сказал что-то насчет приятеля и послания, которое нужно срочно передать... а потом загнал ее в темный угол и прижал к стене.

— Господи Боже! — простонал он, хватая одну ее грудь мясистой рукой. — Я даже пальцы не могу сомкнуть вокруг нее.

— Лорд Ньюбери! — вскричала Аннабел, стараясь вывернуться из его хватки. — Пожалуйста, перестаньте... Что вы себе позволяете?

— Обхвати меня ногами, — приказал он, прижимаясь губами к ее рту.

— Что? — попыталась она сказать, попыталась закричать, но едва могла оторвать рот, не в силах совладать с его напором.

Он что-то проворчал и толкнулся в нее, его возбужденная плоть резко уперлась в ее живот. Свободной рукой он ухватил ее за ягодицу, стремясь приподнять ее ногу и закинуть себе за бедро.

— Подними юбку, если хочешь. Я хочу понять, как широко ты раздвинешься.

— Нет, — ахнула она. — Я не могу... Это неприлично!

— Мораль леди и тело шлюхи, — хихикнул он и сжал ее сосок через тонкую ткань платья. — Идеальное сочетание.

Аннабел охватила паника. Ей и раньше приходилось сталкиваться с нежелательным вниманием, но никогда со стороны аристократа. Со стороны человека, за которого ей предлагалось выйти замуж.

Означало ли это, что он ждет от нее вольного поведения, пренебрежения нормами морали? Даже до того, как попросил ее руки?

Нет, не может он так думать. Конечно, он граф и привык, что все слушаются любого его приказа, но это не значит, что он может компрометировать уважаемую молодую леди.

— Лорд Ньюбери, — произнесла она, стараясь говорить строго. — Отпустите меня. Немедленно!

Но он лишь улыбнулся и попытался снова ее поцеловать. От него пахло рыбой, и руки у него были вялые и холодные... Она не могла этого вынести. Нет, не об этом она мечтала. Она не жаждала романтики или настоящей любви... Ну, Господи Боже, не знала она, чего ждала. Только не подобного отношения к себе. Не этого ужасного мужчины, притиснувшего ее к стене в чужом доме.

Не такой должна оказаться ее жизнь. Не может она быть такой!..

Она не знала, откуда взялась у нее сила, — он ведь весил, наверное, не меньше, чем хороший боров, — но ей удалось втиснуть обе руки между ними и резко его оттолкнуть.

Он качнулся назад, ударился о какой-то столик, выругался, едва не потеряв равновесие совсем. У Аннабел едва хватило времени, чтобы подхватить юбки выше щиколоток и убежать. Она не

знала, гонится за ней лорд Ньюбери или нет. Не задерживаясь, не оглядываясь, она добежала до открытых французских окон и выскочила в боковой сад.

Оказавшись снаружи, она прислонилась к каменной стене и замерла, пытаясь перевести дыхание. Сердце билось отчаянно, а тело покрылось легкой испариной, от которой она задрожала на холодном ветерке.

Она чувствовала себя запачканной. Не внешне, разумеется. Лорд Ньюбери не смог заставить ее усомниться в своих моральных принципах и убеждениях. Но вот кожу ее словно жгло от мерзости его прикосновений...

Ей хотелось немедленно выкупаться. Скинуть всю одежду, взять большой кусок мыла и тщательно смыть с себя всякое воспоминание о происшедшем. Даже теперь ее грудь, ту, которую он хватал, неприятно теснило. Это была не боль, а, скорее, сознание чего-то неправильного, постыдного. Все ее тело было охвачено этим ощущением. Ничего не болело. Только вот это саднящее чувство попытки надругательства над своей чистотой.

Она видела вдали свет факелов, освещавших сад позади дома, но здесь царил густой полумрак. Эта часть поместья явно не предназначалась для прогулок гостей. Очевидно, ей не стоило здесь находиться, но она не могла заставить себя вернуться в дом. По крайней мере следовало перевести дух.

На противоположной стороне лужайки стояла каменная скамья. Аннабел подошла к ней и просто плюхнулась на нее с громким стоном, прозвучавшим отнюдь не женственно. Да и само движение выглядело неэлегантно, такое она не могла позволить себе в Лондоне.

А вот бродя с братьями и сестрами по родному Глостерширу, она не раз поступала именно так.

Как ей не хватало дома! Она тосковала по своей постели, по своей собаке и сливовым пирожкам кухарки.

Она тосковала по матери и очень-очень сильно по отцу, а больше всего ей доставало твердой почвы под ногами. В Глостершире она знала, чего от нее ждут. Знала, чего ожидать от других людей.

Неужели это так много: четко понимать, что она делает и с какой целью? Света, лившегося из дома, не хватало, чтобы осветить ночное небо, но на нем уже здесь и там начинали загораться звезды.

Чтобы ярко сиять, им нужно пробиться через загрязненный воздух города, подумала Аннабел. Бедные звезды!

И это тоже было как-то неправильно.

— Пять минут, — громко произнесла она. Через пять минут она вернется на вечер. Через пять минут она вновь обретет равновесие. Через пять минут она вновь сможет приклеить к лицу вежливую улыбку и приветствовать реверансом мужчину, только что лапавшего ее.

Через пять минут она скажет себе, что сможет выйти за него замуж.

И если повезет, то через десять минут сможет даже в это поверить.

А пока у нее есть четыре минуты для себя.

Четыре минуты...

Или их уже нет?

Она напряглась, услышав чей-то шепот. Нахмурясь, повернулась к дому и заметила в проеме французского окна силуэты, мужчины и женщины. Она вздохнула. Наверное, они тайно выбрались в сад на свидание. Другого объяснения быть не может. Раз они предпочли сад не перед домом и боковую дверь, они явно желали остаться незамеченными.

Аннабел не хотела им мешать.

Она вскочила на ноги, намереваясь найти другой путь возвращения в дом, но парочка приближалась слишком быстро, так что если она хотела избежать встречи с ними, ей оставалось только уйти поглубже в тень. Она поспешила прочь — не бегом, конечно, но достаточно быстро, — и вскоре оказалась у живой изгороди, отмечавшей границу между садом и пустошью. Ее не слишком привлекала необходимость пробираться сквозь кусты, поэтому она свернула вдоль них и увидела просвет в живой изгороди, открывавший удобный проход на пустошь.

Пустошь! Огромное чудесное, прекрасное пространство, так не похожее на дымный и скученный Лондон.

Однако здесь ей определенно не стоило находиться. Разумеется, Луиза пришла бы в ужас. Дед был бы в ярости. А бабушка...

Ну, бабушка, по всей вероятности, рассмеялась бы, но Аннабел уже успела понять, что ей не следует подражать бабушкиному поведению.

Она задумалась, сумеет ли найти обратный путь с пустоши в сад Тробрэджей. Это было большое поместье, и тут наверняка имелся не один проход в живой изгороди. Но пока...

Она поглядела вдаль, на открывшийся перед ней простор. Как замечательно было обнаружить такое дикое место неподалеку от города! Буйные заросли были темны, а воздух... В нем чувствовалась бодрящая свежесть, по которой она, как оказалось, отчаянно соскучилась. Он был не просто чистым и прозрачным — она понимала, что ей этого не хватало с первого дня, как вдохнула мутноватый газ, по какой-то ошибке считавшийся в Лондоне воздухом. Но этот воздух, чуть терпкий и холодный, с каждым вдохом покусывал ей кожу и горло.

Райское наслаждение!

Она подняла глаза к небу, подумав, не светят ли здесь и звезды ярче. Нет, такого чуда она не заметила, но тем не менее не опускала голову и медленно пошла назад, любуясь тонким серпом месяца, криво повисшим над зарослями.

Такая ночь обязана была быть волшебной. И была бы, если б не этот противный граф с повадками мужлана, который грубо облапал ее, хотя по возрасту годился ей в дедушки. Ночь была бы волшебной, если б на ней было сейчас алое платье, гораздо более подходившее к цвету ее лица, чем этот розовый, какой-то бледно-пионовый цвет.

И еще если бы ветер дул в такт вальсу. Если бы шорох листьев напоминал звуки кастаньет, а где-то в тумане ждал ее прекрасный принц.

Конечно, здесь не было тумана, но и принца тоже не было. А был похотливый старик, который

пытался делать с ней ужасные вещи. И, в конце концов, ей придется позволить ему это.

Ее целовали три раза в жизни. Первым был Джонни Метэм, который настаивал, чтобы его звали Джон, но поскольку ему было всего восемь лет, когда он чмокнул ее в губы, он, безусловно, был Джонни.

Второй раз это был Лоуренс Фенстоун, который сорвал у нее поцелуй в День мая, три года назад. Уже стемнело, и кто-то подлил рома в обе чаши с пуншем, так что вся деревня распоясалась. Аннабел удивилась, но не рассердилась и, по правде говоря, просто расхохоталась, когда он попытался сунуть язык ей в рот.

Это казалось таким нелепым!

Но Лоуренса это не позабавило, и он гордо зашагал прочь, слишком уязвленный в своей мужской гордости, чтобы продолжать ухаживания. Потом он не разговаривал с ней целый год, до тех пор пока не вернулся из Бристоля с робкой женой, миниатюрной глупенькой блондинкой. То есть совершенной противоположностью Аннабел.

А третий поцелуй она получила сегодня, когда лорд Ньюбери вжался всем телом в нее и то же самое проделал с ее ртом.

Внезапно тот старый эпизод с Лоуренсом Фенстоуном и его языком почему-то не показался ей забавным.

Лорд Ньюбери сделал то же самое, пытаясь втиснуть свой язык между ее губами, но она крепко стиснула зубы, так что даже челюсть заболела. А затем она сбежала. И пусть такое поведение можно посчитать трусостью, но иногда это единственный благоразумный выход. Пусть даже это привело ее на пустошь и какая-то влюбленная парочка преградила ей дорогу обратно в бальный зал. Что выглядело несколько комично.

Впрочем, это не важно.

Она надула щеки, а затем медленно выдохнула воздух, неторопливо направляясь назад. Ну и ночка выдалась! И вовсе она не была волшебной. Не была...

— Ох!

Ее ступня соприкоснулась с чем-то — Господи! Кажется с чужой ногой?! — Аннабел, отшатнувшись, чуть не упала. Единственное, о чем она подумала, — это что споткнулась о мертвое тело.

По крайней мере, она понадеялась, что на мертвое. Безжизненное тело уж точно представляло гораздо меньшую угрозу ее репутации, чем живое.

* * *

Себастьян был человеком терпеливым, и ему несложно было подождать минут двадцать, чтобы они с Элизабет вернулись в бальный зал вполне респектабельно, то есть врозь. Прелестной леди Селларс следовало беречь свою репутацию, не то, что ему. Не то чтобы их связь была такой уж тайной. Элизабет была молода и красива и уже одарила мужа двумя сыновьями. К тому же, если Себастьян не ошибался, лорда Селларса гораздо больше интересовал его мужественный секретарь, чем собственная жена. Такое в жизни тоже случается.

Так что никто не ожидал от леди Селларс, что она станет хранить ему верность. Никто.

Но внешние приличия все же принято соблюдать, а потому Себастьян удовлетворенно оставался на одеяле (ловко пронесенном сюда предприимчивым лакеем) и любовался ночным небом.

Здесь, на пустоши, царили мир и покой, хоть ветерок доносил далекие звуки бальной музыки. Он ведь не слишком отдалился от сада Труубриджей. Элизабет не настолько любила приключения. Но все же он чувствовал себя крайне одиноким.

И самое странное — ему это нравилось.

Не часто он наслаждался одиночеством. По правде говоря, почти никогда. Но было какое-то очарование в безлюдье пустоши, в том, чтобы находиться на ее открытом пространстве. Это напомнило ему войну. Долгие ночи без крыши над головой... под пологом деревьев.

Он ненавидел эти ночи.

Было непонятно и странно, что окружение, вызвавшее в памяти войну, сейчас принесло его душе такое удовлетворение... Впрочем, немногие нынешние мысли были ясны и понятны. Так что не стоило и искать в них смысл.

Он закрыл глаза. Под веками угнездилась черно-коричневая тьма, совсем не похожая на лиловый сумрак ночи. У тьмы всегда было столько оттенков. Это было странно и даже несколько тревожно. Но...

— Ох!

Чья-то нога споткнулась о его левую голень, и он открыл глаза, как раз вовремя, чтобы заметить женщину, падающую назад.

Прямо на его одеяло.

Он улыбнулся. Все-таки небеса были к нему благосклонны.

— Добрый вечер, — промолвил он, приподнимаясь на локтях. Женщина ничего не ответила, что было неудивительно, ведь она пыталась сообразить, каким образом приземлилась прямо на попку. Он наблюдал, как она пыталась подняться на ноги. Это давалось ей с трудом. Почва под одеялом была неровной, а незнакомка, судя по прерывистому дыханию, никак не могла восстановить равновесие.

Он задумался, не назначено ли у нее тоже свидание. Возможно, где-то неподалеку по темной пустоши бродит какой-то нетерпеливый джентльмен, который только и ждет момента, чтобы на нее наброситься.

Себастьян склонил голову набок, рассматривая даму, которая отряхивала платье, и решил, что, по всей вероятности, ошибся: она не производила впечатления любительницы приключений, делающей что-то украдкой и опасющейся быть замеченной. Кроме того, на ней было надето что-то белое или бледно-розовое... словом, какого-то «девственного» оттенка. Разумеется, девианток тоже можно соблазнять — хотя Себастьяну никогда этого не приходилось делать. У него были некоторые твердые, устоявшиеся принципы, пусть в это почти никто не верил. Но по его наблюдениям, за девственницами следовало ухаживать в домашней обстановке. Не спеша и обстоятельно. Таких не заманишь на прогулку по диким зарослям пустоши. Даже самая глупая

девица вовремя опомнится и сообразит, куда ее ведут.

Если только...

А вот это уже становилось интересным. Может быть, эта неуклюжая леди уже лишилась девственности? Может быть, она направлялась навстречу своему любовнику? Этот предприимчивый джентльмен, видимо, очень хорошо справился со своими обязанностями в первый раз, если девица стремилась на повторное свидание. Себастьян из достоверных источников знал, что редкая девушка испытывает удовольствие в первый раз. Это противоречит ее природе.

С другой стороны, его в высшей степени научные сведения могут быть ошибочными. Все женщины, с которыми он спал в последнее время, лишились девственности в постели со своими мужьями. Которые, по определению, в постели стоили немногого. Иначе почему их жены стремились завоевать внимание Себастьяна?

В любом случае, как ни приятны были его размышления, все-таки выглядело крайне сомнительным, что именно эта молодая леди направлялась на свидание с любовником. Девственность была, пожалуй, единственным высоко ценимым достоянием юной незамужней девицы, и обычно они старались его не растратить, а сохранить как сокровище.

Так что же она здесь делала? Одна? Он улыбнулся. Ему всегда нравились тайны и загадки. Почти так же как хорошая мелодрама.

— Могу я вам чем-то помочь? — осведомился он, потому что на его предыдущее приветствие она не откликнулась.

— Нет, — ответила она, энергично тряхнув головой. — Простите. Я пойду дальше. Я не могу здесь оставаться. — Она внимательно посмотрела на него и нервно глотнула.

Неужели она его знает? У нее был такой вид, словно он ей знаком. А может быть, она поняла, что он собой представляет: какой-то распутный повеса, с которым не следует оставаться наедине.

Он никак не мог бы упрекать ее за такую оценку.

Однако он ее не знал. В этом он был уверен. Он редко забывал лица и наверняка не забыл бы ее. Она была прелестна в своей буйной растрепанности, словно была частью этой пустоши. У нее были темные и, кажется, кудрявые волосы. Выбившиеся из прически локоны спускались на шейку. И такой шаловливый ротик, склонный легко смеяться... даже теперь, когда она была со всей очевидностью растеряна и смущена.

И самое главное, она выглядела... теплой.

Он сам удивился такому определению. Просто не было случая прибегнуть к нему раньше, тем более по отношению к совершенно незнакомому человеку. Но она выглядела именно теплой, словно ее личность была теплой... и смех будет теплым... и ее дружба тоже.

А в постели... она и там, несомненно, окажется именно такой.

Не то чтобы он всерьез об этом задумался. Несмотря на всю свою теплоту, она излучала невинность. И это означало, что для него она запретна. К девственнице он не должен проявлять интереса. Никакого. Он не мог быть даже в дружеских отношениях с ней, потому

что кто-то немедленно это неверно истолкует или извратит, и тогда последуют упреки или — того хуже — несбыточные ожидания, и ему придется убираться подальше от Лондона, куда-нибудь в охотничью хижину в Шотландии.

Себастьян знал, что ему следует делать. Он всегда понимал, в чем состоит его долг. Трудность таилась в том — по крайней мере, его трудность, — чтобы это осуществить.

Он мог подняться на ноги, как джентльмен, каковым и являлся, указать ей направление к дому и отправить восвояси.

Да, он мог это сделать, но какая бы в этом была радость?

Глава 4

Когда мертвое тело пожелало ей доброго вечера, Аннабел пришла к мрачному заключению, что оно совсем не такое уж мертвое, как она надеялась.

Разумеется, она была рада за него — ну, что он живой, — но вот что касается ее самой, его внезапное оживление сулило неудобства.

«Господи Боже!» — хотелось ей застонать. Только этого ей нынче вечером и не хватало!

Она вежливо отклонила его предложение помощи и как-то сумела подняться на ноги, не смутившись окончательно.

— Что привело вас на пустошь? — поинтересовался этот воскресший джентльмен по-светски непринужденно, словно они болтали где-то в гостях в пристойном и достойном окружении.

Она смотрела на него сверху вниз. Он все еще лежал, опираясь на локоть, на одеяле. На одеяле! Откуда здесь одеяло?!

Это не обещало ничего хорошего.

— Почему вы хотите это знать? — услышала она свой голос. Что, несомненно, доказывало ей самой: она лишилась рассудка. Ведь ей следовало обойти его и как можно скорее направиться к дому. Или переступить через него и опять-таки бежать отсюда. Ни в коем случае не следовало вступать с ним в разговор. Даже если б она наткнулась по пути на влюбленную парочку в саду, это было бы менее опасно для ее репутации, чем оказаться застигнутой на пустоши наедине с каким-то незнакомцем. Да еще с одеялом!

Но если он и собирался напасть на нее и изнасиловать, то никак не торопился к этому приступать. Он всего лишь пожал плечами и просто сказал:

— Я очень любопытный.

Какое-то мгновение она смотрела на него. И, кажется, видела его впервые, но тут было слишком темно... А он разговаривал так, словно они были уже представлены друг другу.

— Мы знакомы? — поинтересовалась она.

— Не думаю, — загадочно усмехнулся он.

— Но может быть, я видела вас раньше?

Тут он рассмеялся и решительно заявил:

— Нет, конечно, но это не означает, что мы не можем очень мило поболтать.

Из этого Аннабел заключила, что он повеса и отлично это понимает. Более того, сознает, что является неподходящей компанией для незамужней леди. Она бросила взгляд в сторону дома. Ей следовало бы направиться туда. Чего, собственно, она ждет? На что надеется?

— Я не кусаюсь, — успокоил ее мужчина. — И не намерен делать ничего такого, из-за чего вам стоит тревожиться. — Он сел и похлопал рукой по одеялу: — Присаживайтесь.

— Я постою, — ответила она: Потому что еще не совсем утратила здравый рассудок. По крайней мере она на это надеялась.

— Вы уверены? — Он одарил ее обаятельной улыбкой. — Право, здесь, внизу, гораздо удобнее.

«Сказал мухе паучок». Аннабел едва удержалась от нервного смешка.

— Вы от кого-то скрываетесь? — поинтересовался он.

Она в этот момент снова глядела в сторону дома, но при этом вопросе резко повернула голову к нему.

— Это случается и с лучшими из нас, — заметил он почти извиняющимся тоном.

— Значит ли это, что и вы от кого-то скрываетесь?

— Не совсем. — Он слегка наклонил голову, как бы пожимая плечами. — Скорее, я жду своей очереди.

Аннабел очень хотелось выглядеть невозмутимой, но брови ее невольно подскочили вверх.

Губы его чуть изогнулись в легкой усмешке. В выражении его лица не было ничего порочного, и все же она ощутила некоторое возбуждение. Какое-то предвкушение пронзило ее.

— Я могу объяснить вам все в деталях, — продолжал он. — Но подозреваю, что это прозвучит не вполне пристойно.

Ничего пристойного с ней в этот вечер не происходило. Так что вряд ли он сообщит ей нечто такое, от чего она придет в смятение.

— Я не хочу высказывать скороспелые предположения, — продолжил незнакомец с улыбкой, — но, судя на цвету вашего наряда, вы не замужем.

Она коротко кивнула.

— А это означает, что ни при каких обстоятельствах я не должен сообщать вам, что находился здесь с дамой, не являющейся моей женой.

О-о, здесь ей следовало бы стать шокированной! И на какое-то время утратить дар речи. Но почему-то ей это не удалось. Он был таким обаятельным. Прямо источал шарм. И теперь улыбался ей так, словно только что поведал ей веселую шутку. И — она не могла этому противиться — ей захотелось посмеяться над этой шуткой. А заодно — войти в его клуб, его круг... словом, быть частью чего угодно, с ним связанного. Чувствовалась в нем харизма,

магнетизм... Но было ясно, что даже когда он был мальчишкой в Итоне или еще где-то там, все сверстники к нему невольно тянулись.

Некоторые люди просто рождаются такими.

— Так кого вы избегаете? — продолжил он расспросы. — Самым подходящим субъектом будет назойливый поклонник, но это не объясняет отчаянного побега именно сюда... из дома. Ведь так легко затеряться в толпе. К тому же гораздо менее опасно для репутации.

— Мне не стоит объяснять, — пробормотала она.

— Ну, разумеется, нет, — согласился он. — К чему излишние откровения? Но насколько забавнее будет, если расскажете.

Она сжала губы, стараясь не рассмеяться.

— Вас кто-нибудь хватится? — спросил он.

— Рано или поздно.

— Наверное, то лицо, от которого вы убегаете?

Аннабел подумала о лорде Ньюбери с его уязвленной гордыней.

— Думаю, у меня еще есть немножко времени, прежде чем он начнет поиски.

— Он? — осведомился джентльмен. — Заговор сужается.

— Заговор?! — возразила она с гримаской. — Это неудачное определение. Это не та книжка, которую кому-нибудь захочется прочитать. Поверьте.

Он рассмеялся ее словам и снова похлопал по одеялу:

— Садитесь же. Мои джентльменские принципы оскорбляет то, что я лежу, а вы стоите.

Она постаралась высокомерно поднять брови.

— Тогда, возможно, вам следует встать.

— О нет! Этого я сделать никак не могу. Это превратит нашу встречу в нечто слишком официальное. Как по-вашему?

— Учитывая то, что мы не были друг другу представлены, некоторая официальность, пожалуй, будет кстати.

— О нет! — возразил он. — Вы все переворачиваете с ног наголову.

— Вы считаете, что я должна вам представиться?

— Не делайте этого ни в коем случае, — провозгласил он с некоторой долей театральности. — Делайте что хотите, но не называйте мне своего имени. Не ровен час во мне пробудится совесть, а это нам нужно меньше всего.

— Значит, у вас все-таки имеется совесть?

— К сожалению, да.

Аннабел испытала облегчение. По крайней мере, он не собирается утаскивать ее в темноту и не станет приставать к ней, как лорд Ньюбери. Тем не менее, ей следовало вернуться в бальный зал. Была у него совесть или нет, но он явно не принадлежал к тем джентльменам, с которыми молодой незамужней леди стоило оставаться наедине. В этом она была абсолютно уверена.

И вновь она подумала о лорде Ньюбери, который принадлежал к тому сорту джентльменов, с каким ей считалось возможным быть наедине.

Она подумала и опустилась на одеяло рядом с незнакомцем.

— Отличный выбор, — поаплодировал ей Себастьян.

— Я всего на минуту, — пробормотала она.

— Разумеется.

— Дело не в вас, — промолвила она несколько дерзко. Но ей не хотелось, чтобы он решил, будто она осталась из-за него.

— Вон там... — Легким поворотом запястья она указала на боковой сад. — Там мужчина и женщина... э-э...

— Наслаждаются обществом друг друга?

— Вот именно.

— И поэтому вы не можете вернуться на вечер?

— Мне, знаете ли, не хочется им мешать.

Он сочувственно кивнул:

— Да, это было бы неловко.

— И весьма.

Он задумчиво свел брови:

— Хотя если бы там был мужчина с мужчиной... Полагаю, что это оказалось бы еще более неловко.

Аннабел ахнула, хотя, по правде говоря, не испытывала негодования, которое бы следовало ей испытывать. Сидеть рядом с ним было так... обольстительно... особенно оказаться включенной в шутивную игру его ума...

— Или женщина с женщиной. Я не прочь посмотреть на такое.

Аннабел отвернулась, инстинктивно скрывая от него краску, бросившуюся ей в лицо, и тут же почувствовала себя глупой, потому что было темно, и он все равно ничего не смог бы рассмотреть.

А может быть, смог бы? Он, казалось, принадлежал к тем мужчинам, что могут определить, смущается ли женщина, по дыханию ветра или расположению звезд.

Это был мужчина, который знал женщин.

— Полагаю, что вы их и не рассмотрели? — поинтересовался он. — Ну, этих наших настроенных на любовь друзей?

Аннабел потрясла головой:

— Я была слишком занята тем, чтобы убежать подальше.

— Конечно. Очень разумно с вашей стороны. Однако это грустно. Если б я знал, кто они, я бы мог точнее предположить, как долго они будут заняты.

— В самом деле?

— Знаете ли, не все мужчины одинаковы, — скромно объяснил он.

— Подозреваю, что мне не стоит продлевать разговор на эту тему, — заявила Аннабел.

— Не стоит, если вы благоразумны. — Он снова улыбнулся ей, и — Господи Боже! — у нее перехватило дыхание.

Кто бы ни был этот мужчина, зубная фея щедро его одарила. Зубы у него были белоснежные и ровные, а усмешка — широкой и заразной.

Это было чертовски несправедливо. Ее собственные нижние зубы были слегка кривоваты, как и у ее братьев и сестер. Местный хирург как-то сказал, что может их выправить, но когда он подступился к ее рту со щипцами, Аннабел просто сбежала.

Но этот мужчина... его улыбка внезапно озарила все лицо и вообще все вокруг. Подобное утверждение звучало нелепо, но тем не менее было именно так. Да, был полный мрак, но Аннабел может поклясться, что сам воздух вокруг них стал теперь сиять и искриться.

Или это так и было, или она выпила пунша не из той чаши. Ведь одна предназначалась для юных леди, а другие — для остальных гостей. До этого момента Аннабел не сомневалась, что она... ну, почти уверена. Это была чаша, стоявшая справа. Ведь Луиза ей сказала, что для них чаша справа. Ведь так? А она какую взяла?

В общем, вероятность ошибки была пятьдесят на пятьдесят.

— А вы что, всех знаете? — спросила она, потому что должна была что-то сказать. В конце концов, он сам затронул эту тему.

Он недоуменно поднял брови:

— Прошу прощения?

— Вы попросили меня описать эту парочку, — объяснила она. — Вы всех здесь знаете или только тех, кто ведет себя не слишком пристойно?

Он громко рассмеялся:

— Нет, всех я не знаю, но, к сожалению, я знаю почти всех.

Аннабел подумала о тех людях, которых встретила за последние несколько недель, и криво усмехнулась:

— Да, я понимаю, что это может нагнать тоску.

— А вы леди умная и проницательная, — произнес он. — Таких я люблю.

Он с ней флиртовал. Аннабел постаралась подавить вспышку удовольствия, которое прокатилось по ее телу. Он действительно был очень красив, этот мужчина. Его волосы были темного цвета, среднего между ореховым и шоколадным, и небрежно буйными... Модные молодые джентльмены тратили часы, чтобы заставить свои выглядеть так. Лицо его было... Аннабел не была художницей и так и не выучилась описывать черты лица, тем более что его черты выглядели одновременно неправильными и совершенными.

— Очень рада, что у вас есть совесть, — прошептала она.

Он глянул в ее сторону и даже слегка наклонился к ней, глаза его искрились смехом.

— Что вы сказали?

Она ощутила, что краснеет, и на этот раз знала, что он это заметил. Что она должна была сказать теперь? «Я рада, что у вас есть совесть, потому что если бы вы надумали поцеловать меня, я бы, кажется, это разрешила».

Он был полной противоположностью лорду Ньюбери. Молодой, красивый, остроумный. Немного дерзкий... и весьма опасный. Он относился к тем джентльменам, которых молодые леди клялись избегать и о которых втайне мечтали. И ближайшие несколько минут он был в полном ее распоряжении.

Еще несколько минут. Она могла себе позволить еще несколько минут. И все.

Он, должно быть, понял, что она не собирается повторять то, что сказала, и вместо этого спросил тоном обычной светской беседы:

— Это ваш первый сезон?

— Первый.

— И вы получаете от него удовольствие?

— Это зависит оттого, в какой момент вы зададите мне этот вопрос.

Он усмехнулся углом рта:

— Неоспоримая правда. Получаете ли Вы удовольствие в эту минуту?

Сердце Аннабел дрогнуло.

— Очень большое, — ответила она, будучи не в силах поверить тому, как ровно звучал ее голос. Наверное, она неплохо освоила притворство, которое в этом городе сходило за высшую добродетель.

— Я счастлив это слышать. — Он склонился к ней еще ближе. — Горжусь своим умением принимать гостей.

Аннабел опустила глаза на одеяло, потом с сомнением перевела взгляд на его лицо.

Он ответил теплой улыбкой.

— Нужно уметь хорошо принимать гостей, какими бы скромными ни были условия.

— Но вы ведь не станете утверждать, что поселились на Хэмпстед-Хит?

— Нет, конечно! Я грешен — равнодушен к комфорту. Но провести здесь день-два, наверное, было бы забавно. Как вы считаете?

— Я почему-то подозреваю, что радость новизны этого рассеется с восходом солнца.

— Нет, — задумчиво рассуждал он. В глазах его появилось какое-то рассеянное выражение, и он продолжал: — Возможно, вскоре после этого, но не с восходом солнца.

Ей хотелось спросить его, что он имеет в виду, но она не совсем понимала, в какой форме. Он, казалось, был настолько глубоко погружен в свои мысли, что было бы непростительной грубостью их прервать. Поэтому она просто ждала и наблюдала за ним с выражением любопытства на лице, зная, что когда он посмотрит на нее, то прочтет в ее глазах вопрос.

Но он так и не стал поворачиваться к ней и спустя минуту или две сказал:

— Утром все выглядит по-другому. Свет более плоский. И немного красный. Он улавливает в воздухе туман, словно подползая под него снизу. Все становится новым, — мягко продолжал он. — Все.

У Аннабел перехватило дыхание. Это звучало так... тоскливо. От этого ей захотелось остаться рядом с ним на одеяле, пока на восточном горизонте не взойдет солнце. Он заставил ее захотеть увидеть пустынь в утреннем свете. Он заставил ее захотеть увидеть его в утреннем свете.

— Я хотел бы искупаться в нем, — пробормотал он. — Только утренний свет и больше ничего.

Это должно было бы ее шокировать, но Аннабел почувствовала, что он говорит не с ней. На протяжении всего разговора он ее поддразнивал, испытывал, как далеко может зайти, прежде чем она выкажет себя чопорной жеманницей и убежит прочь. Но сейчас... он произнес самую, казалось, большую нелепость, и все же она понимала... что говорилось это не ей. В эту минуту он жил какой-то своей внутренней жизнью.

— Я думаю, вы поэт, — промолвила она и улыбнулась, потому что по какой-то причине это ее порадовало.

Он коротко хохотнул.

— Это было бы чудесно... если бы было правдой. — Он снова повернулся к ней, и она поняла, что необычный момент прошел. В какую бы потаенную часть своей души он ни погрузился, теперь вынырнул, отложил ее в сторону и крепко запер. Попробуй прикоснись! Он снова стал лихим и обаятельным мужчиной, с которым жаждали быть все девушки.

Мужчиной, на которого хотели быть похожи все мужчины.

А она даже не знала его имени! Впрочем, так было даже лучше. Со временем она узнает, кто он, и он сделает то же самое и тогда пожалеет ее, бедную девушку, вынужденную выйти замуж за лорда Ньюбери. А может быть, он станет презирать ее, полагая, что она затевает это ради денег... что, в сущности, она и делала.

Она подобрала под себя ноги, опираясь не столько на колени, сколько на правое бедро. Это была ее любимая поза, совершенно непригодная для Лондона, но такая удобная для нее. Она смотрела прямо перед собой и вдруг поняла, что смотрит в другую сторону от дома. И это было так хорошо. Она не знала, куда бы указал компас. Может быть, она смотрела в сторону родного дома? Или на восток, в сторону континента, где она никогда не была и, наверное, никогда не будет. Лорд Ньюбери не был похож на человека, любящего путешествовать, и его интерес к ней ограничивался только ее способностями к деторождению, чего он и не скрывал, так что она сомневалась, что он позволит ей отправиться в путешествие без него.

Ей всегда хотелось увидеть Рим. Возможно, ей и не пришлось бы туда отправиться, даже если бы не было лорда Ньюбери, похотливо смотрящего на ее широкие бедра... но шанс все же оставался.

Она на миг закрыла глаза в печали. Она уже думала о своей новой жизни, словно ее брак был делом свершившимся. Она продолжала твердить себе, что еще может отказаться, но этот дальний отчаянный уголок ее мозга пытался утвердить свою независимость. Его практическая часть уже смирилась.

Вот так-то. Если лорд Ньюбери сделает ей предложение, она его примет. Как бы ей ни было противно и мерзко, она это делает. Разве есть выход?

Она тяжело вздохнула, чувствуя себя полностью побежденной обстоятельствами. Не будет у нее никакого Рима, никакой романтики, ни тысячи других вещей, о которых она теперь запрещала себе даже думать. Но зато ее семья будет обеспечена, и, как сказала бабушка, не исключено, что Ньюбери скоро умрет. Это была гадкая греховная мысль, но не могла же она вступить в этот брак без всякой надежды на спасение.

— Вы что-то сильно задумались, — произнес теплый голос у нее над ухом.

Аннабел медленно кивнула.

— Предлагаю пенни за ваши мысли.

Она горестно улыбнулась:

— Они того не стоят.

— Думаете о том, как вам следует поступить? — предположил он, хотя это и не звучало как вопрос.

— Нет. — Она на минутку затихла, затем сказала: — Я подумала обо всех вещах, которые мне не придется сделать в жизни.

— Понимаю. — Он помолчал немного, затем вздохнул: — Мне очень жаль. Поверьте.

Она внезапно повернулась в его сторону, словно сбросив оцепенение, и уставилась на него искренним откровенным взглядом.

— Вы когда-нибудь были в Риме? Я знаю, это сумасшедший вопрос, потому что я даже не знаю вашего имени и не хочу его знать, но все-таки вы были когда-нибудь в Риме?

Он покачал головой.

— А вы?

— Нет.

— Я был в Париже... и Мадриде — ответил он.

— Вы были солдатом, — понимающе кивнула она. Потому что как еще можно повидать эти города в нынешнее время?

Он слегка пожал плечами:

— Это не самый приятный способ повидать мир, но кругозор расширяет.

— А для меня эта поездка сюда — самое далекое путешествие от дома, — промолвила Аннабел.

— Сюда? — Он недоуменно посмотрел на нее и ткнул пальцем в землю. — На эту пустошь?

— Именно, — подтвердила она. — По-моему, Хэмпстед еще дальше от моего дома, чем Лондон. А впрочем, может, и нет.

— А это имеет значение?

— Думаю, да, — произнесла она и сама удивилась своему ответу, потому что совершенно очевидно, что никакого значения это не имело. И все же у нее было ощущение, что имело.

— С такой уверенностью не поспоришь, — пробормотал он веселым шепотом.

Она невольно усмехнулась в ответ:

— Мне всегда нравится быть уверенной.

— Как всем нам?

— Возможно, лучшим из нас, — с вызовом проговорила она, вступая в эту шутивную игру.

— Кое-кто говорит, что быть всегда уверенным неразумно.

— Кое-кто?

— О, не я, — уверил он ее, — но некоторые полагают так.

Она рассмеялась, громко и раскатисто... от души. Она вела себя глуповато и невоспитанно, и это было чудесное ощущение. Как будто она парила над событиями.

Он фыркнул в ответ, а затем спросил:

— Как я понимаю, путешествие в Рим относится к числу тех вещей, которые вам не суждено никогда осуществить?

— Да, — ответила она, и голос ее все еще дрожал от смеха. Ей больше не было грустно от того,

что она не увидит Рима. Зато она смогла так душевно посмеяться.

— Я слышал, что там бывает очень пыльно.

До тех пор они оба смотрели вперед, но теперь она повернулась и ее профиль четко обрисовался на фоне ночи.

— Неужели?

Он тоже повернул голову, и теперь они уже смотрели друг на друга.

— Разумеется, когда там не идет дождь.

— Вы это знаете по слухам, — объявила она.

Он улыбнулся, не разжимая губ. Одними глазами.

— Я это слышал.

Его глаза... Ох уж эти его глаза!.. Они встретили ее взгляд с потрясающей прямоотой. И она там увидела... Нет, не страсть, потому что с чего бы там возникнуть страсти? Но светилось в них что-то поразительное, что-то жаркое и заговорщическое...

Такого в ее жизни еще не было. Потому что она смотрела на этого человека, этого красивого мужчину, который вполне мог быть игрой ее воображения, и видела лицо лорда Ньюбери, мясистое и рыхлое, его голос звучал в ее ушах, насмешливо... издевательски... И вдруг на нее накатила отчаянная тоска.

Этот момент, который она переживает сейчас, видно, так и останется в ее памяти — случайным, мимолетным впечатлением.

— Мне нужно собираться, — тихо произнесла она.

— Ну что ж... — так же безрадостно откликнулся он.

Она не двинулась с места. Казалось, что она не может заставить себя пошевелиться.

Поэтому поднялся он, поскольку являлся, как она и подозревала, истинным джентльменом. Не только по названию, но и по сути. Он протянул ей руку, и она взяла ее и — словно взлетев на ноги — встала на ноги и подняла к нему лицо, посмотрела ему в глаза и увидела... увидела всю ожидавшую ее впереди тоскливую жизнь.

Увидела все, что ей не суждено было иметь...

И прошептала:

— Может быть, вы меня поцелуете?

Глава 5

Существовала тысяча причин, по которым Себастьяну не следовало делать того, о чем просила его эта молодая леди, и только одна (желание), из-за которого он должен был откликнуться.

Он откликнулся на это желание.

До того момента он даже не подозревал, что хочет ее. О, конечно, он заметил, что она прелестна, даже чувственна в своей невинной, бессознательной манере. Он всегда замечал подобные свойства в женщинах. Для него это было также естественно, как наблюдать погоду. Наблюдение, что «у Лидии Смитстоун необычайно очаровательная нижняя губка», не слишком отличалось для него от утверждения «Эта туча в той стороне несет дождь».

Для него это было так.

Но когда она взяла его за руку и его кожа коснулась ее кожи, в нем что-то вспыхнуло. Сердце его подпрыгнуло, дыхание прервалось, а когда она поднялась, ему показалось, что нечто волшебное, чудесное, как ветерок, вплыло в его объятия.

За исключением того, что, когда она поднялась на ноги, она не оказалась в его объятиях. Она стояла перед ним. Близко, но все-таки недостаточно.

Он почувствовал себя обездоленным.

— Поцелуйте меня, — прошептала она, и он не мог отказать ей, как не мог приказать своему сердцу не биться. Он поднес ее пальчики к своим губам, затем коснулся ее щеки. Ее глаза, полные жадного томления, встретились с его глазами.

И сразу его взгляд наполнился тем же томлением. Что бы он там ни прочел в ее глазах, это привнесло в его душу нечто сладостное и нежное. Даже какую-то тоску.

Тоска... Он не мог припомнить, когда в последний раз чувствовал что-то похожее. Неправильно жил, наверное.

Это заставило его захотеть этого поцелуя... захотеть ее... с какой-то странной напряженностью.

Он не ощущал тепла. Не ощущал жара. Но что-то внутри его — может быть, совесть, может быть, душа — горело огнем. Что же с ним происходит?

Он не знал имени этой девушки, не знал о ней ничего, кроме того, что она мечтает о Риме и пахнет фиалками.

И на вкус как ванильный крем. Это он теперь знал. И это, понял он, когда его язык прошелся по нежной внутренности ее верхней губки, он никогда не забудет.

Скольких женщин он перецеловал? Слишком много... не сосчитать. Он начал целовать девочек задолго до того, как узнал, что с ними можно делать и кое-что еще, и так никогда и не останавливался. И юношей в Гемпшире, и солдатом в Испании, и лондонским повесой... он всегда находил женщин интересными. И помнил их всех. Действительно помнил. Он слишком ценил прекрасный пол, чтобы позволить воспоминаниям о них превратиться в своей голове в серую туманную массу.

Но сейчас было нечто иное. Это не была просто очередная женщина, которую он не собирался забыть. Это был особый момент. Удивительное ощущение — держать ее в своих руках и ощущать запах ее кожи, ее вкус, ее прикосновение, чудесный идеальный звук, который она издала, когда ее дыхание превратилось в томный стон.

Он запомнит и температуру воздуха, и направление ветра, и точный оттенок серебра, которое разбросал лунный свет по траве.

Он не осмелился поцеловать ее со всей страстью. Она была еще такой невинной. Мудрой, проникательной, но невинной, и он готов был съесть свою шляпу, если она до этого целовалась более двух раз. Поэтому он подарил ей поцелуй, о котором грезят юные девушки: нежный, бережный... Легкое касание губ, чуть щекочущее трение, малейшее чуть порочное скольжение языка о язык.

И на этом все должно закончиться. Некоторые вещи джентльмен просто не мог себе позволить, каким бы волшебным ни казался момент. Поэтому с величайшей неохотой он отстранился от нее.

Но лишь на то расстояние, чтобы можно было упереться носом в ее носик.

Он улыбнулся.

Он чувствовал прилив счастья.

А затем она проговорила:

— И это все?

Он замер.

— Прошу прощения?

— Я думала, должно быть, что-то еще, произнесла она недоуменно. Скорее, даже озадаченно.

Он попытался не рассмеяться. Знал, что этого делать нельзя. У нее был такой серьезный вид, смех оскорбил бы ее до глубины души. Он крепко сжал губы, изо всех сил удерживая в себе веселые пузырьки шутливости, которая бурлила и рвалась наружу.

— Это было приятно, — сказала она, и это прозвучало так, словно она пыталась его успокоить.

Он должен был прикусить язык, иначе расхохотался бы в голос.

— Все в порядке, — сказала она, награждая его сочувственной улыбкой, какой улыбаются ребенку, не преуспевающему в играх.

Он открыл рот, чтобы назвать ее по имени, и вспомнил, что не знает его.

Он поднял руку. Точнее, палец. Это был приказ: «Прекратите! Ни слова больше».

Ее брови вопросительно поднялись.

— Есть еще кое-что, — сказал он.

Она открыла рот и начала что-то говорить.

Он приложил палец к ее губам.

— Да, есть нечто большее.

И на этот раз он поцеловал ее по-настоящему. Он взял в плен ее губы своими, он исследовал, покусывал, поглощал... Он обхватил ее руками, привлек к себе, сильно прижал, так что ощутил всем телом ее соблазнительные изгибы.

А она была аппетитной и соблазнительной. Нет, она была скорее сочной. У нее было тело женщины, округлое и теплое, с мягкими изгибами, которые молили, чтобы их гладили и сжимали. Она принадлежала к тому типу женщин, в которых мужчины себя теряют, с радостью отдавая им весь здравый смысл и рассудок.

Она относилась к тем женщинам, которых мужчина не покидает среди ночи. Она будет теплой и нежной, мягкой подушкой и одеялом одновременно.

Она была сиреной. Роскошной экзотической соблазнительницей, которая при этом оставалась абсолютно невинной. Она понятия не имела, что делает. Черт побери, она, наверное, не имела понятия, что делает он. И при этом хватило одной неопытной улыбки, крохотного вздоха, чтобы он пропал. Абсолютно.

Он ее хотел. Он хотел узнать... познать ее. Каждый дюйм ее тела. Его кровь кипела, тело пело, и если бы он не услышал в эту минуту какой-то визгливый крик со стороны дома, одному небу известно, что бы он натворил.

Она тоже напряглась, головка повернулась направо, ушко ловило звуки суматохи.

Себастьяну хватило этого, чтобы прийти в себя, если не полностью, то хотя бы слегка. Он оттолкнул ее от себя грубее, чем намеревался, и, тяжело дыша, положил руки на бедра.

— Да, это было гораздо больше, — потрясенно промолвила она.

Он посмотрел на нее сверху вниз. Волосы ее слегка растрепались и выглядели гораздо небрежнее, чем раньше. А ее губы... он и раньше считал их пухлыми и сочными, но теперь создавалось впечатление, что их укусила пчела.

Любой, кто когда-либо целовался всерьез, сразу бы понял, что она только что целовалась. Как следует. По-настоящему.

— Вам, наверное, захочется привести в порядок прическу, — сказал он и был уверен, что это, вероятно, самое глупое замечание после поцелуев, которое ему доводилось произносить. Но он никак не мог вернуть свое привычное самообладание. Красота и грация, по-видимому, требовали присутствия рассудка.

Кому бы это могло прийти в голову?

— Ох, — еле выговорила она, поднимая руки к волосам и безуспешно пытаясь их пригладить. — Мне очень жаль.

Ей не за что было извиняться, но Себастьян был так занят попытками привести свои мысли в порядок, что промолчал.

— Этого не должно было случиться, — наконец произнес он. И это было правдой. И он прекрасно это понимал. Никогда он не пускался во флирт с невинными девицами, к тому же почти на виду у переполненного людьми бального зала.

Он никогда не терял над собой контроль. Это просто было не в его характере. И потому был яростно зол на себя. Это было совершенно непривычное и потому вдвойне неприятное ощущение. Он не раз чувствовал жалость и много раз насмеялся над собой, а об испытанной многократно досаде мог бы написать книгу. Но ярость?!

Ему такого ощущать не приходилось, и этого он себе никак не желал. Ни по отношению к другим, и уж точно ни по отношению к себе самому.

Если бы она его не попросила... Если бы не подняла на него свои большие бездонные глаза, не прошептала задыхающимся шепотом «Поцелуйте меня», он никогда бы этого не сделал. Это была очень слабая отговорка — он это знал, — но было некоторое утешение в том, что не он заварил эту кашу.

Некоторое, но не слишком большое. Несмотря на все свои грехи, лжецом он не был.

— Мне жаль, что я попросила вас об этом, — натянуто проговорила она.

Он почувствовал себя подонком.

— Я мог не согласиться, — отозвался он, но далеко не так великодушно, как должен был бы.

— Очевидно, я неотразима, — пробормотала она с грустной улыбкой.

Он бросил на нее пронзительный взгляд. Потому что она была в самом деле неотразима. У нее было тело богини и улыбка сирены. Даже теперь ему требовалась вся его сила воли, чтобы не схватить ее в объятия... швырнуть ее на землю... и целовать, целовать, целовать...

Он содрогнулся: Куда все это может его завести?

— Вам нужно идти, — сказала она.

Он сделал широкий жест рукой:

— После вас.

Глаза ее расширились.

— Я не пойду назад первой.

— Неужели вы думаете, что я отправлюсь туда, оставив вас одну на пустоши?

Она подбоченилась:

— Вы целовали меня, не зная моего имени.

— Вы сделали то же самое, — бросил в ответ он.

Она возмущенно ахнула, и Себастьян почувствовал непонятное удовлетворение от того, что победил в их словесной перепалке. Что тоже было весьма тревожно. Он обожал эти шуточные дуэли, но, Господи, они были для него чем-то вроде танца, а не таким никому не нужным состязанием!

Какой-то бесконечный миг они смотрели друг на друга, и Себастьян не знал, хочет ли он, чтобы она со злости выпалила свое имя и потребовала, чтобы он назвал свое.

Он подозревал, что в ее голове крутятся те же мысли.

Но она ничего не сказала, только смотрела на него сверкающим взглядом.

— Несмотря на мое недавнее поведение, — наконец произнес он, потому что хотя бы один из них должен был вести себя по-взрослому, и он подозревал, что эта роль отводится ему, — я джентльмен. И потому не могу бросить вас одну в этой глуши.

Ее брови взлетели вверх, и она удивленно взглянула на него:

— Вы называете это глушью?

Он начал задумываться, что, собственно говоря, такого есть в этой девушке, что сводит его с ума. Потому что она, прости Господи, умела вызвать досаду, когда принималась возражать.

— Прошу прощения, — произнес он снисходительным тоном аристократа, более похожим на его обычную манеру и потому позволившим ему снова почувствовать себя самим собой. — Я, несомненно, оговорился.

— А что, если эта парочка все еще... — Она умолкла и растерянно махнула рукой в сторону лужайки.

Себастьян досадливо вздохнул. Если бы он был один — как ему следовало быть, — он бы направился через лужайку с жизнерадостным возгласом: «Иду мимо! Те, кто не пребывает в обществе законного спутника, пожалуйста, скройтесь с глаз».

Это было бы восхитительно смешно. В свете принято так шутить.

Но невозможно так себя вести, сопровождая незамужнюю леди.

— Они почти наверняка уже ушли, — промолвил он, приближаясь к разрыву в живой изгороди и осторожно выглядывая в сад. Обернувшись назад, он добавил: — А если нет, им точно так же не захочется быть обнаруженными. Нагните голову и смело ступайте вперед.

— У вас, кажется, большой опыт в подобных делах, — заявила она.

— Не буду хвастаться, — улыбнулся он. — Но и дилетантом себя не считаю.

— Понятно. — Ее подбородок напрягся, и он заподозрил, что если б находился ближе, услышал бы, как скрипнули ее зубы. — Как мне повезло! — продолжила она. — Меня обучал мастер своего дела.

— Видимо, вы везучая...

— Вы считаете это комплиментом?

— Простите, — ответил он. — Ляпнул не подумав.

Ее рот полуоткрылся, и Себастьян готов был стукнуть себя. Она хорошо скрыла потрясение, явно была молодой женщиной с быстрой реакцией, но прежде чем удивление на ее лице сменилось возмущением, он заметил вспышку искренней обиды.

— Что я, собственно, имел в виду, — начал он, еле сдерживая потребность застонать. — Это что когда я... Нет, когда вы...

Она выжидающе смотрела на него. А он понятия не имел, что сказать. Стоя растерянно, как идиот, он осознал, что существовало по крайней мере десять причин, по которым эта ситуация была совершенно неприемлемой.

Во-первых, он не знал, что сказать. И это было нелепо, потому что, во-вторых, он всегда знал, что сказать, и, в-третьих, особенно женщинам.

В-четвертых, с ним трудно было сравниться в словесной легкости. В-пятых, он никогда в жизни не обижал женщину, разве что она этого заслуживала, но в данном случае, в-шестых, эта женщина ничего подобного не заслужила. И это означало, что, в-седьмых, ему нужно было извиниться, но, в-восьмых, он понятия не имел, как это сделать.

Готовность извиняться зависит от склонности веста себя так, что это требует извинений. А он никогда так себя не вел, считая себя истинным джентльменом. Это была одна из его особенностей, которой он невероятно гордился.

В-девятых, он понятия не имел, что говорить, и, в-десятых, что-то при общении с этой девушкой делало его абсолютным дураком.

Дураком!

Каким образом человечество выносит такую ситуацию, как неловкое молчание перед лицом женщины? Себастьян находил это невыносимым.

— Вы просили меня поцеловать вас, — сказал он. Это было не первое, что пришло ему в голову, скорее второе.

От ее возмущенного «Ах!» — его силы хватило бы, чтобы повернуть прилив, — у него возникло ощущение, что лучше бы ему было дождаться седьмого соображения.

— Вы обвиняете меня в... — Она оборвала себя на полуслове, и губы ее сжались в прямую сердитую линию. — Ну, что бы то ни было... в чем-то вы меня все-таки обвиняете. — И когда он было решил, что она уже сдалась, решительно закончила: — Только никак не пойму, в чем именно.

— Я вас ни в чем не обвиняю, — покачал головой он. — Я просто напоминаю, что вы хотели поцелуя и я откликнулся на это и...

И что? Что он хотел ей сказать? И куда делся его рассудок? Он не мог додумать целую фразу... тем более выговорить ее.

— Я мог бы воспользоваться этой ситуацией, — чопорно произнес наконец он, пытаюсь оправдаться. Господи... это звучит как проповедь.

— А вы утверждаете, что не воспользовались?

Неужели возможно, чтобы она была такой наивной?! Он наклонился к ней, впереv глаза в ее зрачки.

— Вы понятия не имеете, каким множеством способов я не воспользовался по отношению к вам, — объявил он с гордостью. — Что только я мог бы с вами сделать. Сколько...

— Что именно? — резко проговорила она. — Выражайтесь яснее. Он придержал язык, а вернее, прикусил его. Не мог же он в самом деле поведать ей, сколькими способами он мог ею воспользоваться.

Ею. Этой мисс Незнакомкой.

И все-таки его явно куда-то заносит.

— О Господи! Ради всего святого! — услышал он свой голос. — Как, в конце концов, вас зовут?

— Я понимаю, что вы просто жаждете это узнать, — фыркнула она.

— И все-таки? — отрезал он.

— Раньше, чем вы назовете свое?

Он выдохнул полной грудью и подумал, что рассудок определенно изменил ему в этот вечер.

— Это мне кажется, или еще десять минут назад мы с вами разговаривали как цивилизованные, вполне светские люди?

Она открыла рот, чтобы заговорить, но он ей это не позволил.

— Нет-нет, — продолжал он, возможно, слишком поспешно, — это был более чем вежливый разговор. Я мог бы назвать его даже приятным.

Ее взгляд смягчился, но не настолько, чтобы он счел ее послушной — даже и близко это не походило на нечто подобное, но все же она смягчилась.

— Я не должна была просить вас поцеловать меня, — сказала она. — Так не поступают приличные девушки.

Но он обратил внимание на то, что она за это не извинилась. И еще заметил, что он очень этому рад.

— Вы, конечно, понимаете, — тихо продолжала она, — что гораздо важнее мне узнать, кто вы, чем наоборот.

Он опустил глаза на свои руки. Они не были сжаты в кулаки или скрючены в когтистые лапы. Руки обычно выдают людей. Они напрягаются, они трясутся, они вцепляются друг в друга, словно могут каким-то невероятным волшебством спастись от свалившейся на них злой напасти.

Эта девушка крепко вцепилась в ткань своей юбки. Очень крепко. Она нервничала. Однако продолжала держаться с замечательным достоинством. И Себастьян сознавал, что она говорит правду. Она не могла сделать ничего, что погубило бы его репутацию, в то время как он всего лишь неловким или лживым словом мог уничтожить ее судьбу навсегда. Не первый раз в жизни он необычайно порадовался тому, что не родился женщиной. Но, пожалуй, впервые он получил такое яркое и ясное доказательство того, что мужчинам живется гораздо легче.

— Меня зовут Себастьян Грей, — решительно произнес он и коротко, но почтительно поклонился: — Я очень рад познакомиться с вами, мисс...

Но продолжать он не мог, потому что она ахнула, потом побледнела, а затем стала выглядеть просто больной.

— Уверю вас, — продолжал он, не уверенный, вызван ли его резкий тон шутливостью или необъяснимым волнением, — что моя репутация не настолько беспросветна. Меня пока еще принимают в обществе.

— Я не должна была оказаться здесь с вами, — отчаянным голосом пролепетала она.

— Это мы уже выяснили.

— Себастьян Грей. О, Боже мой! Себастьян Грей!

Он наблюдал с интересом ее реакцию. Даже с некоторым раздражением. Почему, черт возьми, его имя повергло незнакомку в такой душевный трепет?

— Уверяю вас, — произнес он, испытывая досаду от того, что повторяется. Сколько раз за последние минуты он начинал фразу с этих слов! — Поверьте, у меня нет ни малейшего намерения нанести урон вашей репутации. Общение со мной нисколько не навредит вам.

— Нет, разумеется, нет, — промолвила она, и тут же мирный тон ее слов сменился взрывом нервного смеха. — Мы не должны были встречаться, Себастьян Грей.

Она подняла глаза к небу, и он почти ожидал, что она непременно погрозит небесам кулаком.

— Себастьян Грей! — повторила она, не в силах прийти в себя.

— Как я понимаю, вас уже предупреждали обо мне?

— О да! — последовал ее слишком быстрый ответ. А затем она вдруг вернулась с небес на землю и посмотрела ему прямо в глаза. — Мне нужно идти. Немедленно.

— Как мне помнится, я уже говорил вам об этом, — пробормотал он.

Она посмотрела в сторону бокового сада, поморщилась при мысли, что придется пройти мимо влюбленной пары, и сказала себе:

— Пригнуться и напролом!

— Некоторые всю жизнь живут с этим девизом, — с грустной улыбкой произнес он.

Она бросила на него пронзительный взгляд, словно прикидывала, не сошел ли он с ума в эти последние две минуты. Не желая снова извиняться, Себастьян лишь пожал плечами. Наконец он начинал ощущать себя самим собой. Так что вполне имел право не терять присутствия духа.

— А вы? — поинтересовалась она. — Останетесь здесь?

— Сам не знаю. Буду под звездным небом вспоминать нашу встречу. Во всех подробностях.

Она еще раз внимательно посмотрела на него, несколько раз моргнула и повторила, словно убеждая себя:

— Мне нужно идти.

И ушла. Нагнула голову и рванулась вперед.

Так и не назвав ему свое имя.

Глава 6

На следующий день

— Ты сегодня что-то очень тихая, — сказала Луиза.

Аннабел кротко улыбнулась кухне. Вместе с теткой Луизы они выгуливали ее собачку в Гайд-парке. Но леди Косгроув столкнулась с одной из своих многочисленных знакомых, и хотя они продолжали находиться в поле ее зрения, слышать их она не могла.

— Я просто устала, — ответила Аннабел, — мне было трудно уснуть после вчерашнего вечера.

Это не было полной правдой, но при этом не являлось и ложью. Накануне ночью она долго лежала без сна, хотя и с закрытыми глазами.

Она категорически не желала рассматривать потолок. Принципиально! Ибо всегда считала: лежать с открытыми глазами в ожидании сна выглядит большой глупостью.

Однако, как и куда бы она ни смотрела, невозможно было избежать мыслей о вчерашней совершенно невероятной встрече.

Себастьян Грей...

Себастьян Грей!

Эти слова похоронным звоном гремели в ее голове. В списке мужчин, с которыми ей никак не следовало целоваться, он занимал одно из первых мест — наряду с королем, премьер-министром и трубочистом.

И, откровенно говоря, она подозревала, что в этом списке он идет даже впереди трубочиста.

До вчерашнего вечера у Трубриджей она знала не слишком много о Себастьяне Грее. Только что он был наследником лорда Ньюбери и что они с дядей, не выносили друг друга. Но едва разнесся слух, что лорд Ньюбери проявляет к Аннабел матримониальный интерес, как каждый стремился сообщить ей что-то о графе и его племяннике. Ладно, пусть не каждый, потому что большинство светских дам ею не интересовались ни в малейшей степени, но все, кого она знала, торопились поделиться с ней своим мнением.

Он был красавец. (Разумеется, племянник, а не граф.) Он был повесой. (Опять же племянник.)

Он вроде бы не имел никаких денег и проводил массу времени у своих кузенов по материнской линии. (Все это относилось к племяннику, потому что если б она вышла замуж за лорда Ньюбери, и он оказался бы нищим, она просто бы озверела.)

Аннабел покинула бал сразу после своего злосчастного приключения на пустоши, но мистер Грей, по всей видимости, еще оставался. Он, должно быть, произвел большое впечатление на Луизу, так как этим утром та — Господи, спаси! — больше ни о ком не могла говорить.

Мистер Грей то и мистер Грей это... и как же это было возможно, что Аннабел не увидела его на вечере? Куда же она смотрела? Аннабел пожала плечами и пробормотала что-то вроде «Понятия не имею». Но это было не важно, потому что Луиза продолжала щебетать о том, какая у него улыбка и какие у него глаза (такие серые, Боже, какое это удивительное совпадение!)... и, разумеется, все обратили внимание на то, что он покинул вечер рука об руку с замужней женщиной.

Это последнее как раз не удивило Аннабел. Он ведь откровенно заявил ей, что, перед тем как она на него наткнулась, миловался с замужней дамой.

Однако у нее было ощущение, что это какая-то другая замужняя женщина. Та дама с одеяла заботилась о своей репутации и удалилась со сцены до мистера Грея. Никто прибегающий к подобным предосторожностям не станет дерзко уезжать с ним рука об руку. А это означало, что есть другая замужняя женщина, то есть у него было их две! Святые небеса! Да он на деле оказывался еще хуже, чем о нем говорят.

Аннабел прижала пальцы к вискам. Неудивительно, что у нее разболелась голова. Она слишком сильно задумалась. Слишком серьезно и о предметах весьма фривольных. Если на нее напало наваждение, то почему бы его предметом не стало что-то важное? Например, новый закон о жестоком обращении со скотом? Или тяжелое положение бездомных? Ее дед только об этом и говорил всю неделю, так что у Аннабел не было никаких причин не увлечься этими темами.

— У тебя все еще болит голова? — поинтересовалась Луиза. Впрочем, ее не очень отвлек ответ, потому что Фредерик, ее до нелепости толстый бассет-терьер, заметил в отдалении приятеля и просто разрывался от лая. — Фредерик! — вопила она, спотыкаясь и чуть не падая на неровной почве.

Фредерик остановился в своем порыве, хотя оставалось неясным, было ли это из-за того, что Луиза не выпустила из рук поводок, или из-за полного его изнеможения. Он испустил тяжелый вздох, и Аннабел удивилась, что он не свалился тут же на землю от усталости.

— По-моему, кто-то продолжает тайком подкармливать его сосисками, — сурово проворчала Луиза.

Аннабел отвела глаза.

— Не ты ли это, дорогая?

— Он выглядел таким голодным, — жалобно откликнулась Аннабел.

Луиза махнула рукой в сторону своей собаки, пузо которой едва не волочило по земле.

— Так выглядят голодные?!

— У него были голодные глаза.

Луиза бросила на нее скептический взгляд.

— Твой пес умеет неплохо притворяться, — заметила Аннабел.

Луиза покачала головой. Возможно, она при этом еще возвела глаза к небу, но Аннабел смотрела на Фредерика, который в этот момент скучающе зевнул.

— Он отлично бы играл в карты, — рассеянно заметила Аннабел. — Если бы умел говорить. Или имел отдельный большой палец.

Луиза еще раз посмотрела на нее своим особым взглядом. «Он у нее получается весьма выразительным, — подумалось Аннабел. — Даже если она приберегает его только для своей семьи».

— У тебя он точно бы выиграл, — промолвила Аннабел.

— Это вряд ли сойдет за комплимент, — откликнулась Луиза.

И это было верно, потому что в картах Луиза была безнадежна. Аннабел пыталась обучить ее всему: пикету, висту, двадцати одному. Для человека, который мог делать в обществе совершенно непроницаемое лицо, Луиза теряла все свою невозмутимость, когда дело доходило до карточной игры. Впрочем, они все-таки играли вместе, потому что наблюдать за ней было очень забавно.

Притом Луиза никогда не обижалась на подшучивание.

Аннабел опустила взгляд на Фредерика, который, постояв на месте тридцать секунд, облегченно вздохнув, шлепнулся на траву.

— Я скучаю по моей собаке.

Луиза посмотрела через плечо на свою тетку, все еще поглощенную разговором.

— Повтори-ка его кличку.

— Мышь.

— Это было жестоко с твоей стороны.

— Назвать его Мышью?

— Разве он не борзая?

— Я могла назвать его Черепахой.

— Фредерик! — воскликнула Луиза и бросилась вытаскивать что-то — Аннабел предпочитала не знать, что именно, — из его пасти.

— По крайней мере, это лучше, чем Фредерик, — фыркнула Аннабел. — Господи, я и не подумала: Фредериком зовут моего брата!

— Фредерик, отпусти, — бормотала Луиза. Выхватив что-то у него изо рта, она обернулась к кухне: — У моего пса достойное имя.

— Еще бы! Ведь он такой высокородный.

Луиза выгнула бровь, сейчас она смотрелась со стороны герцогской дочерью до кончиков пальцев.

— Собаки заслуживают достойных имен.

— И кошки тоже?

Луиза презрительно надула губки:

— Кошки — совершенно другое дело. Они ловят мышей!

Аннабел только открыла рот, чтобы поинтересоваться, почему это мешает давать им достойные имена, но, прежде чем она успела вымолвить хоть слово, Луиза схватила ее за руку и прошипела ее имя.

Аннабел попыталась высвободить руку.

— Ох! Ну что случилось?

— Вон там, — отчаянно прошептала Луиза. Ее голова дернулась налево, но не резко, чтобы не обращать на себя внимание. Впрочем, ей это не удалось. Видимо, слишком велико было потрясение. — Себастьян Грей! — отчаянно прошептала она.

Аннабел слышала не раз выражение «сердце ушло в пятки» и сама его употребляла, но впервые она на себе прочувствовала его истинный смысл. Все ее тело встрепенулось, сердце, провалилось куда-то в желудок, кровь зашумела в ушах, а мозг улетел куда-то за море.

— Пойдем отсюда, — еле выговорила она. — Пожалуйста.

Луиза удивленно уставилась на нее:

— Ты не хочешь с ним познакомиться?

— Нет! — Аннабел было все равно, что в ее голосе звучит отчаяние. Она просто хотела побыстрее уйти.

— Ты ведь шутишь? Не правда ли? Тебе же должно быть интересно.

— Вовсе нет. Уверяю тебя. Впрочем, мне, возможно, придется встретиться с этим человеком, но я не хочу, чтобы это было так...

Луиза растерянно заморгала:

— Как — так?

— Я к этому еще не готова. Я...

— Полагаю, ты права, — задумчиво произнесла Луиза.

Слава Богу!

— Он, наверное, сочтет, что ты имеешь обязательства перед его дядей, и будет соответственно заранее судить о тебе. А уж что он подумает...

— Именно так, — сказала Аннабел, хватаясь за это глупое объяснение как за соломинку.

— Или же он попытается отговорить тебя от этого шага.

Аннабел нервно посмотрела на то место, где Луиза видела мистера Грея. Не откровенно, а лишь слегка повернув голову. Если ей удастся сбежать, прежде чем он ее заметит...

— Конечно, я не сомневаюсь, что тебя следует отговорить от этого, — продолжала Луиза. — И мне все равно, сколько денег у лорда Ньюбери, — никакую молодую леди нельзя принуждать к замужеству. Мы все-таки пока живем в цивилизованном обществе.

— Я еще ни на что не дала согласия, — почти вскричала Аннабел. — Пожалуйста, можно нам просто уйти?

— Нам нужно дождаться моей тети, — нахмурилась Луиза. — Ты не видела, куда она пошла?

— Луиза!

— Что с тобой происходит, дорогая?

Аннабел опустила глаза. Ее руки тряслись. Она не должна встречаться с Греем. По крайней мере должно пройти какое-то время. Она не может оказаться лицом к лицу с мужчиной, с которым целовалась, который является наследником человека, которого она целовать не хочет, но за которого, наверное, выйдет замуж. О да! И она не может забыть, что если выйдет замуж за человека, которого не хочет целовать, то, по всей вероятности, обеспечит его новым наследником и таким образом отрежет от титула мужчину, которого целовать мечтала.

Да уж, ему очень понравится вся эта трагикомическая история.

Рано или поздно ей придется познакомиться с мистером Греем. Этого не избежать. Но разве нужно делать это прямо сейчас? Крайне необходимо иметь немного времени на подготовку.

Аннабел никогда не думала, что она такая трусиха. Нет, конечно, она не трусиха. Всякий разумный человек постарается избежать подобной ситуации... и половина неразумных тоже.

— Аннабел, — окликнула ее Луиза с досадой в голосе. — Объясни, почему так важно, чтобы мы немедленно ушли?

Аннабел постаралась придумать причину. Она очень старалась. Но в голове крутилась только правда, которой она не была готова поделиться. Поэтому стояла молча, пытаясь сообразить, как ей выпутаться из этой глупой ситуации.

Но, увы, этот момент легкой паники оказался очень кратким. Его сменила гораздо более страшная паника, потому что вскоре стало ясно, что выбраться из этого капкана ей не удастся. Дама, облакачивающаяся на руку мистера Грея, вроде бы узнала Луизу, и Луиза уже приветственно ей махала.

— Луиза! — прошипела Аннабел.

— Я не могу ее игнорировать, — шепотом ответила ей Луиза. — Это леди Оливия Валентайн. Ее отец — граф Радленд. Кузен мистера Грея в прошлом году женился на ней.

Аннабел застонала.

— Я думала, она уехала из города, — хмурясь, продолжала Луиза. — Должно быть, только что вернулась. — И, повернувшись к кухне, добавила: — Пусть тебя не смущает ее внешность. Она добрейшая душа.

Аннабел не знала, то ли пугаться, то ли смущаться. Не обращать внимания на ее внешность? Что это значило?

— Она очень красива, — объяснила Луиза.

— Какое это...

— Нет, я просто имею в виду... — Луиза оборвала себя на полу фразе, явно не умея передать словами все обаяние леди Валентайн. — Ты сама сейчас все оценишь.

Слава Богу, поразительно красивая леди Валентайн шла не слишком быстро. Однако Аннабел поняла, что у нее есть не более пятнадцати секунд, прежде чем они встретятся. Она схватила Луизу за руку и прошипела:

— Не говори им ничего про лорда Ньюбери.

Луиза широко открыла глаза:

— Ты думаешь, что они еще не в курсе?

— Не знаю. Может быть, нет. Не думаю, что это уже всем известно.

— Конечно, нет. Но тебе не кажется, что если это и станет кому-нибудь известно, то в первую очередь мистеру Грею?

— Возможно, без имени. Все говорят обо мне как об этой «Викерсовой девчонке».

Это было верно. Аннабел вывели в свет лорд и леди Викерс. Никто и не слыхивал о семействе ее отца, что, как не раз подчеркивал ее дед, очень даже неплохо. По его мнению, дочери было бы лучше никогда не становиться Уинслоу.

Луиза нервно нахмурилась:

— Я уверена, они наслышаны о том, что я тоже внучка Викерсов.

Аннабел в полной панике судорожно вцепилась в руку Луизы.

— Тогда не говори им, что я твоя кузина.

— Этого я сделать не могу.

— Но почему?

— Не знаю, — заморгала Луиза. — Но это было бы как-то неприлично.

— К черту приличия. Просто сделай это ради меня. Пожалуйста.

— Хорошо. Но я все равно считаю, что ты ведешь себя странно.

С этим Аннабел спорить не могла. Она пережила в последние дни несколько удивительных приключений, и слово «странная» вполне могло теперь относиться к ней.

Глава 7

Пятью минутами ранее

— Право, очень жаль, что вы вышли замуж за моего кузена, — пробормотал Себастьян, направляя Оливию в обход большой кучи конского навоза, которую пропустили при уборке. — Я считаю этот брак не самым идеальным.

Оливия выгнула свою безупречную бровь:

— И это говорит человек, который каждое утро завтракает в моем доме.

— Ах, вы не смогли бы положить этому конец, — ответил Себастьян с легкой улыбкой. — Традиция слишком укоренилась еще до вашего появления на сцене.

— Еще учтите, что я не ругаю вас за три дюжины дырок от дартс в двери гостевой спальни.

— Это виноват Эдвард. Я стрелок меткий.

— И все же, Себастьян, это ведь съемный дом.

— Знаю, знаю. Странно, что вы повторили аренду и на этот год. Разве вам не хочется жить подальше от своих родителей?

Когда Оливия вышла замуж за Гарри, она переехала в его дом, расположенный буквально по соседству с лондонским домом ее родителей. Большая часть их ухаживаний проходила через окна. Себастьян находил это очаровательным.

— Мне нравятся мои родители, — объявила Оливия.

Себастьян покачал головой:

— Это какой-то допотопный взгляд. От него веет патриархальностью.

Оливия с удивлением повернулась к нему.

— Я знаю, что родители Гарри были... — Она слегка покачала головой: — В общем, не важно, какими они были. Но я не думала, что ваши мало отличались.

— Это верно. И мне не хотелось бы проводить с ними время. — Себастьян задумался. — Особенно с отцом. Поскольку он умер.

Оливия закатила глаза:

— В этом утверждении звучит что-то такое, что может отлучить вас от церкви.

— Слишком поздно, — пробормотал Себастьян.

— Я думаю, что вам нужна жена, — промолвила Оливия, прищуривая глаза.

— Вам грозит опасность потерять свой титул идеальной женщины, — предостерег ее он, — если будете отстаивать институт брака.

— Вы мне так никогда и не рассказали, чем я заслужила столь почетный титул — «идеальная женщина».

— Вы никогда не терзали меня разговорами насчет женитьбы.

— Не хотелось бы признавать это добродетелью.

Он кивнул, соглашаясь.

— Но еще меня восхищает ваша божественная способность не лишаться чувств, что бы я ни говорил.

— О, я часто бываю шокирована, — покачала головой Оливия. — Просто хорошо это скрываю.

— Это же замечательно.

Некоторое время они прогуливались молча, затем она снова сказала:

— Вам следует жениться.

— Разве я когда-нибудь утверждал, что избегаю брака?

— Но, — медленно произнесла Оливия, — но вы же еще не были под венцом.

— Просто потому, что еще не встретил идеальную женщину. — Он снисходительно улыбнулся. — Увы, Гарри нашел вас первый.

— Не говоря уже о том, что вам бы неплохо успеть жениться до того, как ваш дядя заведет себе другого наследника.

Себастьян повернулся к ней с хорошо разыгранным потрясением:

— Как, Оливия Валентайн, вы настолько меркантильны?

— Это правда.

— Но и такой риск, — вздохнул Себастьян.

— Верно! — вскричала Оливия с таким энтузиазмом, что он решил — ему следует изобразить испуг. — Вы именно такой! Вы — воплощенный риск! Вы...

— Вы засыпаете меня комплиментами. Мне даже страшно.

Оливия проигнорировала его слова.

— Поверьте мне, когда я скажу, что все юные леди предпочтут вас вашему дяде.

— Вы в этом уверены?

— Но если у него появится наследник, вы ничего не получите. Так станут ли юные соискательницы рисковать, выбирая красавца повесу, который, возможно, ничего не наследует, или грузного графа, уже обладающего титулом?

— Это, пожалуй, самое благожелательное описание моего дядюшки, которое я когда-либо слышал.

— Многие, наверное, предпочтут синицу в руке, но другие подумают, что если подождут, то не исключено, что смогут заполучить и красавца повесу, и титул.

— Ваши рассуждения делают честь вашему полу. Их нельзя приветствовать.

Оливия пожала плечами:

— Не все из нас могут выйти замуж по любви. — И когда он уже было решил впасть от ее слов в уныние, она хлопнула его по руке и добавила: — Но к вам это не относится. Вы слишком отличаетесь от всех, чтобы жениться по каким-то иным мотивам.

— Вы вновь убеждаете меня в своем совершенстве, — пробормотал Себ.

Оливия одарила его невеселой улыбкой.

— Скажите, — обратился к ней Себастьян, обводя ее вокруг еще одной кучки, на этот раз собачьего происхождения, — где обретается идеальный муж идеальной женщины? Или, иными словами, зачем вам понадобились сегодня мои услуги в качестве сопровождающего?

Разумеется, кроме желания отточить на мне свои матримониальные изыски.

— Гарри глубоко погружен в очередной свой проект. И не выйдет в свет по меньшей мере неделю, а я... — Она погладила себя по животику, достаточно округлившемуся, чтобы подчеркнуть ее беременность. — Мне нужен воздух.

— Продолжает работать над романами Сары Горли? — небрежно поинтересовался Себастьян.

Оливия открыла было рот, чтобы заговорить, но прежде чем произнесла хоть звук, в воздухе прогремел резкий щелчок выстрела.

— Какого черта?! Это что такое? — почти прокричал Себастьян. Господи Боже, они ведь находились в этом дурацком парке. Он огляделся, сознавая, что голова его дергается и крутится туда-сюда, как у детской игрушки. Но сердце его отчаянно билось, а в голове продолжало звучать эхо проклятого выстрела и...

— Себастьян, — жалобно проговорила Оливия. — Себастьян!

— Что такое?

— Моя рука, — пролепетала она.

Он увидел, что она нервно глотнула, и, опустив глаза, заметил, что яростно сжимает ее предплечье. Он немедленно отпустил его, пробормотав:

— Простите. Я не сознавал, что делаю.

— Ничего особенного, — отозвалась она, слабо улыбаясь и растирая больное место другой рукой.

— Кому это вздумалось стрелять в парке? — раздраженно произнес он.

— По-моему, здесь проходит какое-то состязание, — попыталась объяснить Оливия. — Сегодня утром Эдвард упоминал об этом.

Себастьян покачал головой: состязание по стрельбе в Гайд-парке?! В самое людное время дня... Его никогда не переставала изумлять глупость соотечественников.

— С вами все в порядке? — спросила Оливия.

Он повернулся к ней, не понимая, что именно она имеет в виду.

— Этот выстрел... — уточнила она.

— Забудем о нем, — бросил он коротко. И затем, чувствуя себя ослом из-за резкости своего тона, добавил: — Я удивился от неожиданности.

Это и в самом деле было так. Он мог хоть весь день сидеть и слушать выстрелы, если знал, чего ждать. Черт побери, да он смог бы заснуть под канонаду... если бы вообще был способен нормально засыпать. Но вот когда он не ждал ничего подобного... Он терпеть не мог неожиданностей.

— Себастьян?

Он поднял глаза на Оливию, продолжавшую смотреть на него с тревогой. Он задумался, сохранил ли Гарри такую же реакцию, билось ли его сердце также отчаянно при неожиданных звуках. Гарри ничего об этом не говорил... как, впрочем, и сам Себастьян.

Глупо было вести разговор на эту тему.

— Со мной все в порядке, — сообщил он Оливии на этот раз более обычным для него тоном. — Как я уже сказал, это просто было неожиданно.

Еще один выстрел раздался в отдалении, но Себ даже не вздрогнул.

— Видите? — произнес он. — Ничего особенного. Так о чем мы с вами говорили?

— Понятия не имею, — призналась Оливия.

Себ подумал мгновение. Он тоже не мог вспомнить.

— О, что-то об этих книжках Сары Горли! — воскликнула Оливия. — Вы интересовались насчет работы Гарри над ними.

— Верно. — Забавно, что он забыл об этом. — Как идет работа?

— Неплохо, по-моему. — Оливия слегка пожала плечами. — Он все время жалуется, но мне кажется, что он втайне их обожает.

Себастьян насторожился:

— Правда?

— Я хотела сказать: он обожает переводить их. Это гораздо увлекательнее, чем документы Военного министерства.

Не слишком корректное утверждение, но Себ не обиделся.

— Может быть, когда Гарри закончит эту работу, ему стоит заняться переводом книг на французский?

Оливия задумчиво нахмурилась:

— Может, он и займется этим. До сих пор, по-моему, Гарри не переводил ничего на два разных языка. Думаю, что он примет это как вызов своим талантам и обрадуется.

— У него такой математический склад ума, — пробормотал Себастьян.

— Знаю, — кивнула Оливия. — Удивительно, что у нас находятся общие темы для разговоров. Я... Ой, не смотрите в ту сторону: на вас кто-то указывает.

— Надеюсь, это женщина?

— А как же иначе, — закатила глаза Оливия. — Это... — Она прищурилась. — Кажется, это леди Луиза Маккэнн.

— Кто?

— Дочь герцога Феннивика. Она очень милая.

Себастьян на миг задумался.

— Такая худенькая, которая мало говорит?

— Умеете вы найти подходящие слова для описания.

Себ ответил с ленивой усмешкой:

— Умею. И даже горжусь этим.

— Не перепугайте ее, Себастьян, — предостерегла его Оливия.

Он повернулся к ней с искренним изумлением:

— Перепугать ее? Каким же это образом?

— Ваше обаяние бывает пугающим.

— Вы так изящно выразились, что я не могу воспринять это иначе как комплимент.

Оливия сухо улыбнулась.

— А теперь я могу туда взглянуть? — осведомился он, потому что ситуация становилась скучной. Сколько времени мог он притворяться, что не видит, как на него показывают?

— О да! Я уже ей помахала. Но другая девушка мне не знакома.

Себастьян стоял боком к приближающейся парочке, так что ему потребовалось только повернуть голову, чтобы оказаться с ней лицом к лицу. И он был счастлив, что при этом ему пришлось отвернуться от Оливии, потому что когда он увидел, кто к ним направляется...

Он всегда считал себя непревзойденным в умении сохранять невозмутимость, но и это искусство имеет свои пределы.

— Вы ее знаете? — спросила Оливия.

Себастьян покачал головой, не отрывая глаз от своей кудрявой богини с изумительным розовым ротиком.

— Вовсе нет, — пробормотал он.

— Наверное, она здесь новенькая, — слегка пожала плечами Оливия. Она терпеливо дождалась, пока девушки приблизятся, затем улыбнулась. — Ах, леди Луиза, так приятно снова видеть вас!

Леди Луиза вернула приветствие, но Себастьян не обратил на это внимания. Он был гораздо больше заинтересован в наблюдении за ее спутницей, которая сейчас старательно избегала смотреть ему в глаза.

Чтобы затруднить ей это еще больше, он не сводил глаз с ее лица.

— Вы уже встречали моего кузена, мистера Грея? — обратилась Оливия к леди Луизе.

— Нас, кажется, представляли друг другу, — откликнулась леди Луиза.

— Глупо с моей стороны даже спрашивать об этом, — сказала Оливия. Она повернулась к Себастьяну с лукавой насмешкой во взгляде: — Вас ведь представляют всем. Не так ли, Себастьян?

— Почти, — сухо произнес он.

— Ох, простите меня, пожалуйста! — проговорила леди Луиза. — Могу я представить вам мою... э-э... — Она закашлялась. — Наверное, пыль попала в горло. — Она повела рукой в сторону своей спутницы: — Леди Оливия, мистер Грей, это мисс Уинслоу.

— Мисс Уинслоу, — произнесла Оливия. — Как приятно встретить вас! Вы недавно в городе?

Мисс Уинслоу присела в вежливом книксене.

— Недавно. Благодарю вас, что спросили.

Себастьян улыбнулся, пробормотал ее имя, а затем, зная, что ее это смутит, поднес к губам ее руку и поцеловал. В такие моменты он был весьма благодарен своей репутации дамского угодника. Оливия не удивится его флиртующей манере.

Однако мисс Уинслоу очень мило покраснела. Днем, решил он, она выглядит еще обворожительнее. Глаза ее были прелестного серо-зеленого оттенка. В сочетании с остальными цветами ее внешности они придавали ей почти испанский вид. И ему очень понравилась россыпь веснушек на ее хорошеньком носике. Без них она выглядела бы чересчур страстной.

И он одобрил ее изумрудно-зеленый прогулочный костюм. Он шел ей гораздо больше, чем вялый пастельный цвет, в котором она была накануне ночью.

Однако он не стал долго ее рассматривать. Она могла придать этому слишком большое значение, и, кроме того, нельзя было игнорировать ее подругу. Поэтому он небрежно отвернулся от мисс Уинслоу и с вежливым наклоном головы промолвил:

— Леди Луиза, как приятно видеть вас снова! Я сожалею, что наши, пути в этом сезоне не пересекались.

— В этом году в свете на редкость большая толпа, — заметила Оливия. — Словно все боятся что-то пропустить. — Она повернулась к леди Луизе: — Меня несколько недель не было в городе, так что я совершенно не в курсе того, что происходит.

— Вы находились в деревне? — вежливо поинтересовалась леди Луиза.

— Да, в Гемпшире. У мужа была одна ответственная работа, а, по его мнению, в городе ему никак не сосредоточиться.

— Это моя вина, — вздохнул Себастьян.

— Заметьте, что я несколько не возражаю, — весело сказала Оливия. Она слегка кивнула в его сторону: — Он ужасно отвлекающий человек.

Себастьян не мог пропустить это без ответа.

— Это одно из моих лучших свойств.

— Не обращайтесь никакого внимания ни на одно его слово, — покачала головой Оливия. Она полностью повернулась к молодым леди и стала болтать на разные темы, а Себастьян остался стоять молча, испытывая при этом непривычное раздражение. Он много раз слышал от Оливии подобные замечания. («Не обращайтесь внимания на его слова».)

Однако впервые это вызвало у него досаду.

— Вам нравится в Лондоне, мисс Уинслоу? — спрашивала тем временем Оливия.

Себастьян повернулся в ее сторону. Его очень интересовало, что она ответит.

— Э-э... да, — пролепетала мисс Уинслоу. — Тут очень развлекательно.

— Развлекательно, — пробормотал Себастьян. — Какое интересное слово! Не приходилось его слышать.

Она с тревогой посмотрела на него. Но он лишь улыбнулся.

— Останетесь ли вы в Лондоне на весь сезон, леди Оливия? — осведомилась Луиза.

— Думаю, да. Это зависит от того, сможет ли мой муж справиться со своей работой.

— Над чем сейчас работает сэр Гарри? — спросил Себастьян, потому что Оливия так и не успела сказать ему, какой роман Гарри переводит. — Я пытался утром вытянуть это из него, но он от меня отмахнулся. — И, бросив взгляд на леди Луизу и мисс Уинслоу, добавил: — Можно было, подумать, что я ему надоел.

Леди Луиза хихикнула. Мисс Уинслоу хранила каменное выражение лица.

— Мой муж — переводчик, — объяснила Оливия, не обращая внимания на Себастьяна. — Сейчас он переводит один роман на русский.

— Правда? — воскликнула мисс Уинслоу, и Себастьян решил, что вопрос прозвучал так, словно ее это действительно интересует. — Какой роман?

— «Мисс Трусдейл и молчаливый джентльмен». Автор — Сара Горли. Вы его читали?

Мисс Уинслоу покачала головой, но леди Луиза буквально рванулась вперед.

— Нет! Я просто хотела сказать, что еще его не читала, — стала объяснять Луиза. — Разумеется, я прочла все остальные ее романы. Как я могла пропустить этот?!

Оливия растерянно заморгала.

— Значит, вы поклонница Сары Горли? — спросил Себастьян. Он любил, когда это случалось.

— О да! — откликнулась она. — Я думала, что прочла все. Не могу вам передать, как я рада узнать, что появился еще один.

— Должна признаться, что я с трудом его одолела, — промолвила Оливия.

— Неужели? — выгнул бровь Себастьян.

Губы Оливии изогнулись в снисходительной улыбке.

— Себастьян тоже рьяный ее поклонник, — сказала она кузинам.

— Поклонник миссис Горли? — уточнила Луиза. — У нее такие увлекательные сюжеты.

— Если не обращать внимания на невероятные сюжетные повороты, которые там случаются, — вставила Оливия.

— Но это ведь делает их таким чудесным развлечением, — не сдавалась Луиза.

— Почему вам трудно было читать «Мисс Трусдейл»? — поинтересовался у Оливии Себастьян. Он понимал, что не должен настаивать, но не мог удержаться. Он пытался заставить ее увлечься этими его книжками с тех пор, как она заявила, что он неправильно употребил слово «кругозор».

Впрочем, она не подозревала, что автор именно он. Себастьян вознамерился строго хранить эту тайну.

Но вообще «кругозор» — дурацкое слово. Он намеревался изгнать его из своего словаря.

Оливия улыбнулась одной из своих очаровательных улыбок.

— Действие в романе развивается слишком медленно, — объяснила она. — И необычайно много описаний.

Себастьян задумчиво кивнул:

— Я тоже не считаю этот роман Сары Горли ее лучшим. — Он никогда не был вполне удовлетворен окончательным вариантом, хотя счел критику Оливии не слишком заслуженной.

Трудно достичь желаемого результата.

И вообще, Оливия не отличит хорошую книгу от плохой, даже если одна из них ударит ее по макушке.

Глава 8

Меньше секунды потребовалось Аннабел, чтобы понять, как права была Луиза насчет леди Оливии Валентайн и ее потрясающей красоты. Когда та обернулась и улыбнулась, Аннабел даже заморгала от необычайного блеска и обаяния ее улыбки. Леди Оливия была поразительно, необыкновенно хороша: блондинка с молочной кожей, высокими скулами и изумительными голубыми глазами.

Аннабел еле сдержалась, чтобы не возненавидеть ее тут же и навсегда. Из принципа.

А затем, как будто мало было того, что они встретились с мистером Греем, он взял и поцеловал ее руку.

Сущая погибель.

Аннабел совершенно растерялась, заикаясь, пролепетала что-то похожее на приветствие у дикарей, не знакомых с внятной речью. Она все же на мгновение подняла на него глаза, так как понимала, что нельзя во время представления смотреть в землю. Но это оказалось

ошибкой. Огромной. Мистер Грей, который был достаточно красив при лунном свете, оказался поистине неотразим при свете дня.

Святые небеса! Ему не следовало прогуливаться вместе с леди Оливией. Их совместная красота должна была просто ослеплять добрых жителей Лондона.

Или отправить их домой в слезах, потому что кто мог бы с ними сравниться?!

Аннабел попыталась следить за разговором, но была слишком отвлечена собственной душевной сумятицей. И правой рукой мистера Грея, которая изящно упиралась в его бедро. И лукавым изгибом его губ, на которые она очень старалась не смотреть, но они занимали все ее боковое зрение. Не говоря уже о звуке его голоса, когда он проронил что-то насчет... ну, в общем, что-то насчет чего-то.

Книги... Они говорили что-то о литературе.

Аннабел продолжала молчать. Романов, о которых шла речь, она не читала и, кроме того, сочла за благо как можно меньше участвовать в беседе. Мистер Грей продолжал время от времени искоса бросать на нее взгляды, и глупо было давать ему повод разглядывать себя открыто.

Однако, в конце концов, он повернулся к ней с дьявольскими огоньками в серых глазах и спросил:

— А вы, мисс Уинслоу, читали какие-нибудь романы Сары Горли?

— Боюсь, что нет.

— Ох, Аннабел, ты обязательно должна их прочитать! — возбужденно воскликнула Луиза. — Ты станешь их обожать. Я одолжила бы тебе свои, но они все остались в Феннивике.

— У вас их полный набор, леди Луиза? — поинтересовался мистер Грей.

— О да! За исключением, конечно, «Мисс Трусдейл и молчаливый джентльмен». Но это будет немедленно исправлено. — Она вновь повернулась к Аннабел: — Что у нас в планах на нынешний вечер? Надеюсь, что-то, что можно пропустить. Я не хочу ничего иного, кроме чашки чая и моей новой книжки.

— По-моему, мы намеревались посетить оперу, — напомнила Аннабел. Семье Луизы принадлежала одна из лучших лож в театре, и Аннабел уже несколько недель мечтала попасть на спектакль.

— Правда? — скучным тоном промолвила Луиза.

— Вы предпочтете остаться дома с книжкой? — улыбнулся мистер Грей.

— Безусловно. А разве вам этого не хотелось бы?

Аннабел посмотрела на кухню со смешанными чувствами удивления и недоверия. Обычно Луиза была такой робкой, а тут она оживленно обсуждала романы с одним из самых прославленных лондонских повес-холостяков.

— Полагаю, это зависит от оперы... и от книжки, — задумчиво откликнулся мистер Грей.

— «Волшебная флейта» и «Мисс Трусдейл», — сообщила ему Луиза.

— «Волшебная флейта»! — вскричала Оливия. — Я пропустила ее в прошлом году. Мне нужно будет изменить свои планы, чтобы ее послушать.

— Я предпочел бы «Мисс Трусдейл» «Женитьбе Фигаро», но не «Волшебной флейте», — произнес мистер Грей. — Есть нечто бодрящее в описании ада, бурлящего в собственном сердце.

— Даже греющее душу, — пробормотала Аннабел.

— Что вы сказали, мисс Уинслоу? — переспросил он.

Аннабел нервно глотнула. Он благожелательно улыбался, но она уловила легкую насмешку в его голосе, и, честно говоря, ее это привело в ужас. Не могла она вступить с ним в перепалку и победить. В этом она была уверена.

— Я никогда не слышала «Волшебную флейту», — заявила она.

— Никогда? — удивилась леди Оливия. — Но как такое могло случиться?

— Боюсь, оперу редко представляют в Глостершире.

— Тогда вы должны ее послушать, — сказала леди Оливия. — Вы просто обязаны это сделать.

— Я собиралась сегодня пойти в театр, — промолвила Аннабел. — Семья леди Луизы пригласила меня.

— Но вы не сможете пойти, если она останется дома читать книжку, — проницательно заметила леди Оливия. Она повернулась к Луизе: — Придется вам отложить мисс Трусдейл с ее молчаливым джентльменом до завтрашнего утра. Вы не можете допустить, чтобы мисс Уинслоу пропустила оперу.

— А почему бы вам не присоединиться к нам? — пригласила ее Луиза.

Аннабел готова была убить кузину.

— Вы ведь сказали, что пропустили ее в прошлом году, — продолжала Луиза. — У нас очень большая ложа, и она никогда не бывает полной.

Лицо леди Оливии озарилось улыбкой удовольствия.

— Это очень любезно с вашей стороны. Я буду рада принять ваше приглашение.

— И конечно, вы тоже приглашены, мистер Грей, — произнесла Луиза.

Нет, Аннабел точно придется ее убить. И самым мучительным способом.

— Я был бы очень рад, — улыбнулся он. — Но вы должны мне позволить в обмен на эту честь предложить вам экземпляр «Мисс Трусдейл и молчаливый джентльмен».

— Благодарю вас, — сказала Луиза, но Аннабел готова была поклясться, что в голосе ее звучало разочарование. — Это будет...

— Я распоряжусь доставить его вам нынче же днем, — продолжал он. — Так чтобы вы могли начать чтение сегодня же.

— Вы необыкновенно любезны, мистер Грей, — пробормотала Луиза и покраснела. Она покраснела!

Аннабел была потрясена.

И еще она ревновала... Но об этом она предпочла не думать.

— А не найдется ли в ложе места еще для моего мужа? — неожиданно поинтересовалась леди Оливия. — В последнее время он превратился в сущего затворника, но думаю, что смогу убедить его поехать в оперу. Я знаю, что самая любимая его мелодия — это ария Царицы Ночи.

— Такие страсти, — промолвил мистер Грей. — Кто тут может устоять?

— Разумеется, — ответила Луиза леди Оливии. — Я почти за честь познакомиться с ним. Его работа так интересна.

— Я даже сам его ревную, — пробормотал мистер Грей.

— К Гарри? — удивилась леди Оливия.

— Не могу представить себе большего блаженства, чем целыми днями читать романы.

— И очень хорошие романы, — вставила Луиза.

Леди Оливия засмеялась и уточнила:

— Он не только их читает. Он еще их переводит.

— Ф-фу! — Мистер Грей отмахнулся от ее слов изящным движением кисти. — Это сущая безделица.

— Переводить на русский? — с сомнением переспросила Аннабел.

Он повернулся к ней со снисходительной улыбкой:

— Ну-у, я несколько преувеличил.

Он произнес это очень тихо, так что, как показалось Аннабел, ни леди Оливия, ни Луиза его не услышали. Они о чем-то болтали и за разговором слегка отошли от Аннабел и мистера Грея, оставив их наедине. Конечно, не в полном смысле этого слова, но у нее создалось такое впечатление.

— Есть ли у вас первое имя, мисс Уинслоу? — тихо осведомился он.

— Аннабел, — ответила она тоном чопорным и даже несколько неприязненным.

— Аннабел, — повторил он. — Я сказал бы, что оно вам подходит, если бы, разумеется, лучше знал вас.

Она крепко сжала губы, но сердце ее забилося чаще.

Он хищно усмехнулся:

— Но поскольку мы с вами не встречались...

Она упрямо продолжала не разжимать губ. Она не доверяла себе и сочла за благо промолчать.

Впрочем, казалось, что его это только позабавило. Он склонил голову в ее сторону — идеальное воплощение вежливого английского джентльмена.

— Я буду рад снова увидеть вас сегодня вечером.

— Неужели рады?

Он хмыкнул:

— Как язвительно! Едко, как лимон.

— Как лимон, — сухо проговорила она. — Какое материалистическое определение:

Он слегка к ней склонился.

— Никак не пойму, почему я вам так сильно не нравлюсь.

Аннабел бросила отчаянный взгляд на свою кузину.

— Она не слышит, — пробормотал он.

— Вы не можете этого знать.

Он внимательно посмотрел на леди Оливию и Луизу, которые в этот момент опустили на колени около Фредерика.

— Они слишком заняты этим псом. Хотя... — Он нахмурился. — Мне непонятно, каким образом Оливия собирается подняться на ноги в ее состоянии.

— С ней все будет хорошо, — не задумываясь, ответила Аннабел.

Он повернулся к ней, вопросительно подняв брови.

— Ей еще очень далеко до...

— В обычной жизни я бы предположил, что такое утверждение — это голос опыта, но поскольку мне известно, что у вас нет никакого опыта, кроме меня, я...

— Я старшая из восьми детей, — оборвала его Аннабел. — Моя мать ждала ребенка на протяжении всего моего детства.

— Это объяснение не пришло мне в голову, — признался он. — А я не люблю, когда теряюсь в догадках.

Аннабел хотелось бы, чтобы он вызвал у нее неприязнь. Правда-правда. Но он делал это невозможным своей лукавой ухмылкой и... — что скрывать? — своим обаянием.

— Почему вы приняли приглашение Луизы в оперу? — спросила она.

Он отрешенно посмотрел на нее, хотя Аннабел знала, что мысли крутятся в его голове с тройной скоростью.

— Это ложа Феннивиков, — проговорил он, как будто у него не было другого объяснения. — Вряд ли мне доведется снова попасть на такое хорошее место.

Это было верно. Тетушка Луизы пространно разглагольствовала о прекрасном расположении.

— И потом, у вас был такой несчастный вид, — добавил он, — что трудно было устоять.

Она сердито взглянула на него.

— Честность во всем, — сострил он, — это мое новое кредо.

— Новое?

Он пожал плечами:

— По крайней мере, на сегодняшний день.

— И до вечера?

— Пока не доберусь до оперного театра — наверняка, — промолвил он с проказливой ухмылкой и, когда она не ответила тем же, добавил: — Ну же, мисс Уинслоу, у вас ведь есть чувство юмора.

Аннабел чуть не застонала. Было столько причин, по которым этот разговор не казался ей забавным, что она не знала, с чего начать. Причин не смеяться было столько, что это само по себе было смешным.

— Вам не стоит тревожиться, — тихо произнес он.

Она подняла на него глаза. Лицо его стало серьезным.

Не мрачным, не угрюмым, просто... серьезным.

— Я ничего не скажу, — сказал он.

Почему-то она поверила, что он говорит правду.

— Спасибо, — прошептала она.

Он склонился к ней и снова поцеловал ее руку.

— Я действительно сама скромность. Вторник — прекрасный день для знакомства с молодой леди.

— Сегодня среда, — поправила она.

— Неужели? Я вечно путаю даты. Это мой единственный недостаток.

Ей действительно очень хотелось засмеяться. Но она не осмеливалась привлечь внимание Луизы и леди Оливии, которые продолжали беседовать. И чем дольше они будут этим заниматься, тем лучше.

— Вы улыбаетесь, — заметил он.

— Вовсе нет.

— Но вам хочется улыбнуться. Уголки ваших губ подергиваются.

— Да с чего вы взяли?

Он хитро усмехнулся:

— А теперь подергиваются.

И он был прав, негодник. Он ухитрился вызвать ее смех... или, по крайней мере, улыбку... еще минута, и она не удержится... Неудивительно, что она попросила его поцеловать себя.

— Аннабел!

Девушка с облегчением повернулась на спасительный голос.

— Моя тетушка машет нам, — проговорила Луиза, и действительно, леди Косгроув стояла на противоположной стороне лужайки и бросала на них суровые взгляды.

— Полагаю, она не одобряет, что вы беседуете со мной, — сказал мистер Грей, — хотя я подумал, что присутствия Оливии достаточно, чтобы отдать дань приличиям.

— Не настолько я респектабельна, — пожала плечами леди Оливия.

Потрясенная Аннабел полуоткрыла рот.

— Она чересчур скромничает, — торопливо прошептала Луиза кузине. — Она просто... впрочем, это не важно.

И снова все всё знали обо всех, кроме Аннабел.

Аннабел горестно вздохнула, но не очень заметно. Не могла она вздохнуть в таком изысканном обществе: это было бы крайне невежливо. Однако ей очень хотелось вздохнуть. Что-то внутри ее требовало именно этого.

Появилась леди Косгроув и немедленно вцепилась в руку Луизы.

— Леди Оливия, — произнесла она доброжелательным тоном. — Мистер Грей.

Те ответили таким же приветствием. Мистер Грей — изящным поклоном, леди Оливия — книксенем, исполненным такой грации, что это было просто загляденье.

— Я пригласила леди Оливию и мистера Грея присоединиться к нам сегодня в опере, — объявила Луиза.

— О, разумеется! — вежливо откликнулась леди Косгроув. — Леди Оливия, пожалуйста, передайте мои добрые пожелания вашей матушке. Я так давно ее не видела.

— Она немного простудилась, — ответила леди Оливия. — Но сейчас уже почти поправилась. Я уверена, что она будет очень рада, если вы ее навестите.

— Возможно, я это сделаю.

Аннабел с интересом наблюдала за этим обменом любезностями. Леди Косгроув не игнорировала резко мистера Грея, но после первого приветствия ухитрилась не произнести ни слова в его сторону. Это становилось любопытно. Неужели он был такой нежелательной в свете персоной? В конце концов, он являлся наследником графа Ньюбери, пусть только предполагаемым.

Ей нужно будет расспросить об этом Луизу. После того как она убьет ее за то, что та пригласила его в оперу.

Последовал дальнейший обмен любезностями, но было очевидно, что леди Косгроув торопится захватить своих подопечных и удалиться. Не говоря уже о Фредерике, которого заинтересовало что-то в кустах.

— До вечера, мисс Уинслоу, — тихо произнес мистер Грей, снова склоняясь к ее руке.

Аннабел постаралась не выдать, как подействовало на нее прикосновение его губ к ее руке, хотя от него всю ее руку до плеча закололо иголочками.

— До вечера, — повторила она.

Глава 9

Себастьян был несколько удивлен тем, как ждал этого вечера в опере. Не то чтобы он был к опере равнодушен, но он столько раз слушал «Волшебную флейту», что мог на память пропеть обе арии Царицы Ночи.

Еще один из его бесполезных талантов.

Он не мог понять, почему театральные компании Британии повторяли одно и то же произведение снова и снова. Наверное, на потребу массе англичан, слишком упрямых, чтобы учить иностранные языки. По мнению Себа, всегда легче следить за ходом комедии, чем трагедии. По крайней мере, знаешь, когда смеяться.

Однако как бы ни улыбалась ему перспектива слушать оперу из роскошной герцогской ложи, он гораздо больше хотел увидеть ее.

Мисс Уинслоу.

Мисс Аннабел Уинслоу.

Аннабел.

Ему нравилось это имя. Что-то было в нем буколическое, пахнущее свежестью, травой на лугу.

Он знал не много женщин, которые восприняли бы такое сравнение как комплимент, но почему-то подозревал, что мисс Уинслоу воспримет его именно так.

Но вообще-то он мало что знал о ней. Ну разве что она дружит дочерью герцога. Это был ловкий ход со стороны любой молодой леди, жаждущей подняться вверх по светской лестнице, притом было очевидно, что мисс Уинслоу и леди Луиза искренне радовались обществу друг друга.

Это было еще одним плюсом в пользу мисс Уинслоу. Себастьян терпеть не мог тех, кто изображал притворную дружбу ради каких-то своих корыстных целей.

Он также знал, что у нее имеется нежеланный поклонник. В этом не было ничего необычного. У большинства молодых леди приятной наружности, обладающих или не обладающих состоянием, имелось по несколько воздыхателей. Весьма любопытно также, что она убежала с вечера, чтобы избежать внимания этого постылого соискателя. Это могло означать, что он действительно очень ей неприятен.

Или что она склонна к неожиданным душевным порывам.

Или что этот поклонник пристал к ней каким-то непристойным образом!

Или что в силу юного возраста она слишком бурно на это прореагировала.

По дороге в оперу Себастьян обдумывал все возможные варианты. Если бы он писал роман (а он не исключал возможности использовать эту ситуацию в книге: слишком напоминало все происходящее творения Сары Горли), какое бы он выбрал решение?

Поклонник должен быть отвратителен. Хотя и очень богат. Возможно, даже обладать титулом... И иметь возможность давить на ее многочисленную нищую семью. Не то чтобы он уловил какой-то намек на то, что семья мисс Уинслоу бедная, но так сюжет выглядел заманчивее.

Он должен был напасть на нее где-нибудь в темном углу, в стороне от бального зала. Нет, это не пойдет. Это преждевременно по сюжету для такой драмы и, наверное, шокирует благовоспитанных читателей. Его читатели, и особенно читательницы, вовсе не хотели представлять себе женщину отбивающейся от назойливых приставаний. Им больше нравилось читать о сплетнях, следующих за этим фактом.

По крайней мере, так объяснял ему издатель.

Ладно. Если к ней не приставали, то, может быть, ее шантажировали? Себастьян дернулся. Шантаж — это щекочущий нервы элемент сюжета. Он почти всегда его использовал.

— Хозяин?!

Себастьян моргнул и посмотрел вверх. Он даже не заметил, как подъехал к оперному театру. Нанял экипаж, как ни противно это ему было. Он не держал своего экипажа и сказал Оливии, что ей с Гарри не нужно заезжать за ним по дороге. Лучше предоставить молодоженам больше времени побыть наедине.

Себ не сомневался, что позже Гарри поблагодарит его за это.

Он выскочил из экипажа, заплатил кучеру и направился внутрь. Пожалуй, приехал рановато, но там уже толпилось довольно много людей, стремившихся на других посмотреть и себя показать.

Он медленно продвигался сквозь толпу, перебрасываясь шутками со знакомыми, улыбаясь молодым леди, которые меньше всего этого ждали. Так ему нравилось себя вести. Вечер обещал быть очень приятным, но когда он почти добрался до лестницы в зал...

Его дядя.

Себастьян напрягся, едва подавив стон. Впрочем, чему тут было удивляться? Естественно, что граф Ньюбери появится в опере, особенно если вышел на охоту за новой женой. Но ведь у племянника было такое прекрасное настроение... И просто преступно со стороны дядюшки так его испортить.

В другом случае он просто изменил бы направление, чтобы избежать нежелательной встречи. Себ не был трусом, но зачем специально нарываться на неприятности?

К несчастью, на этот раз уклоняться было некуда. Ньюбери увидел Себастьяна, и Себастьян знал, что тот понял, что Себастьян его заметил. Более того, по крайней мере, четверо других джентльменов обратили внимание на то, что они увидели друг друга, и хотя сам Себ не считал бы, что проявляет малодушие, уходя с пути Ньюбери, другие могли так счесть. И покатались бы бесчисленные сплетни.

Он не обманывал себя, воображая, что ему безразлично мнение окружающих. Будь он проклят, если позволит половине Лондона шептаться, что он боится своего дяди!

Так что, поскольку уклониться было невозможно, он применил противоположную тактику и направился прямо к Ньюбери.

— Дядя, — произнес он и слегка приостановился, изображая радость от встречи.

Его дядя насупился, но был настолько явно озадачен таким поступком племянника, что не успел подготовить язвительного ответа. Вместо этого он коротко кивнул и буркнул что-то, будучи не в силах выговорить имя Себастьяна.

— Как всегда, приятно видеть вас, — промолвил Себастьян с широкой улыбкой. — Вот уж не знал, что вы любите Моцарта. — И затем прежде чем Ньюбери смог сделать что-либо, кроме как заскрипеть зубами, он поклонился и проследовал дальше.

В общем, это оказалась вполне удачная встреча. Которая станет еще успешнее, когда дядюшка удостоверится, что племянник сидит в ложе Феннивиков. Ньюбери был ужасным снобом и наверняка будет в ярости от того, что Себастьян расположился в зрительном зале столь комфортно.

Это не входило в его намерения, когда он принял приглашение леди Луизы, но, право, не спорить же ему с неожиданным подарком судьбы.

Когда Себастьян добрался до герцогской ложи, он увидел, что леди Луиза и мисс Уинслоу уже там — в сопровождении леди Косгроув и леди Уимблдон, бывших, если память ему не изменила, сестрами герцога Феннивика. Самого герцога не было, несмотря на табличку на двери ложи.

— Себастьян обратил внимание, что тетушки сидели по обе стороны от леди Луизы, а мисс Уинслоу была предоставлена себе самой и сидела в одиночестве впереди. Несомненно, обе пожилые дамы стремились защитить свою подопечную от его растленного влияния.

Он улыбнулся. Тем легче ему будет влиять на мисс Уинслоу, которая — он не мог не заметить — выглядела просто прелестно в яблочно-зеленом платье.

— Мистер Грей! — радостно воскликнула леди Луиза, приветствуя его.

Он поклонился:

— Леди Луиза, леди Косгроув, леди Уимблдон, — и, слегка повернувшись и совсем с другой, более сердечной улыбкой, — мисс Уинслоу.

— Мистер Грей, — произнесла она. Щеки ее порозовели, едва заметно в свете свечей. Однако вполне достаточно, чтобы он внутренне усмехнулся.

Себастьян оглядел расположение свободных мест и мгновенно обрадовался, что решил прийти пораньше и один. Он мог выбирать, сесть ли ему впереди рядом с мисс Уинслоу, на последнее место в среднем ряду около хмурившейся леди Уимблдон или же позади в ожидании тех, кто еще придет.

— Я не могу допустить, чтобы мисс Уинслоу сидела в одиночестве, — провозгласил он и сразу уселся рядом с ней.

— Мистер Грей, — тут же ответила она, — я думала, что ваши кузены тоже намерены посетить сегодня оперу.

— Так и есть. Но они не смогли захватить меня по дороге. — Он повернулся так, чтобы включить в их разговор леди Луизу. — Им было не по пути.

— Очень было любезно с вашей стороны, что вы не настояли на этом, — откликнулась леди Луиза.

— Любезность здесь ни при чем, — солгал он. — Они настояли бы на том, чтобы послать экипаж за мной до того как собрались сами, и мне пришлось бы быть готовым на час раньше.

Леди Луиза тихонько рассмеялась и потом, словно это только что пришло ей в голову, сказала:

— О! Я должна поблагодарить вас за книжку.

— Это было мне в радость, — пробормотал он.

— Какую книжку? — торопливо поинтересовалась одна из тетушек.

— Я прислал бы ее вам тоже, — обратился он к мисс Уинслоу, пока леди Луиза объяснялась с тетушками, — но я не знаю вашего адреса.

Мисс Уинслоу нервно глотнула и промолвила:

— Э-э... все в порядке. Не сомневаюсь, что смогу позаимствовать ее у Луизы, когда она ее прочтет.

— О нет, — заявила леди Луиза, наклоняясь вперед, — я свою никогда никому не отдам. Она подписана автором.

— Вот как? — воскликнула леди Косгроув. — Как вы сумели найти экземпляр, подписанный автором?

Себ пожал плечами:

— Я встречался с ней в прошлом году и теперь подумал, что леди Луизе ее роман может понравиться.

— О, очень! — серьезно отозвалась та. — Это поистине один из самых интересных подарков,

которые я когда-либо получала.

— Ты должна позволить мне с ним ознакомиться, — обратилась леди Уимблдон к леди Луизе. — Миссис Горли — одна из самых любимых моих писательниц. У нее такое воображение!

Себ прикинул, какое количество подписанных миссис Горли экземпляров может ему понадобиться. Но было очевидно, что это самый лучший подарок, чем какой-либо иной, что он мог себе позволить. Он решил, что нужно как-то заложить более или менее правдивое основание для дальнейших своих объяснений.

— Прошлой осенью я нашел подписанный автором полный набор ее романов, — объявил он, страшно довольный своей изобретательностью. Теперь у него появилась возможность еще трех таких подарков. Кто знает, когда они могут пригодиться?

— Я бы хотела попросить у вас что-нибудь еще из собрания ее сочинений.

— Разумеется, — уверил он ее. — Это самое меньшее, чем я могу отблагодарить вас за такое прекрасное место в опере. — Он тут же использовал возможность вовлечь в разговор мисс Уинслоу. — Вам очень повезло, что вы можете отсюда наслаждаться вашим первым посещением оперы.

— Я с радостью надеюсь на это, — произнесла мисс Уинслоу.

— Так надеетесь, что даже не боитесь сидеть рядом со мной? — совсем тихо сказал он.

Он заметил, что она старается сдержать улыбку.

— Вот именно.

— Мне не раз говорили, что я очень обаятельный, — сообщил он ей.

— Неужели?

Она изо всех сил пыталась не улыбаться.

— Разумеется, не члены моей семьи.

На этот раз она не выдержала и улыбнулась. Себастьян неожиданно для себя обрадовался, как ребенок.

— Все дело в том, что я рожден для того, чтобы вечно им докучать, — продолжал он.

— Должно быть, вы не старший ребенок в семье, — рассмеялась она.

— Почему вы так решили?

— Потому что мы терпеть не можем, когда нам докучают.

— Неужели мы такие?

Она удивленно заморгала:

— Вы не старший?

— Боюсь, я единственный. Такое разочарование для моих родителей.

— А-а. Это все объясняет.

Конечно, он не смог удержаться от вопроса:

— Что объясняет?

Она повернулась к нему, явно вовлекаясь в разговор. Выражение ее лица стало чуть-чуть надменным, но ему понравилось, что глаза ее зажглись хитрым блеском.

— Будучи единственным ребенком, вырастая, вы в основном общались со сверстниками, а не с теми, кто старше вас.

— Но я учился в школе, — мягко заметил он.

Она небрежно отмахнулась:

— Тем не менее.

Он выждал несколько мгновений и переспросил:

— Что вы хотите сказать?

Она заморгала. Потом подумала минутку и проронила:

— Нет, ничего особенного.

Он вновь выждал несколько мгновений, и на этот раз она поинтересовалась:

— А что вы хотели услышать?

— Вы старший ребенок и достаточно большая, чтобы устраивать взбучку своим братьям и сестрам. Приходилось, наверное.

Глаза ее растерянно расширились, и она расхохоталась прелестным звучным смехом. Нет, деликатности в этом смехе не было вовсе. Вот такая мисс Уинслоу. Насмешница.

Он был просто в восторге от нее.

— Я не била никого, кто этого не заслуживал, — заявила она, когда вернула себе самообладание.

Он засмеялся вместе с ней.

— Но, мисс Уинслоу, — произнес он с серьезным видом, — мы лишь недавно встретились. Как я могу верить вашим суждениям о таких вещах?

Она ответила проказливой ухмылкой.

— Не можете. И не верьте.

Сердце Себастьяна опасно вздрогнуло. Казалось, он не может оторвать глаз от уголка ее рта, этого крохотного местечка, где губы ее изгибались вверх. У нее были восхитительные губки, сочные и розовые, и он подумал, что теперь, когда он увидел их при свете дня, ему безумно

хочется поцеловать их снова. Он подумал, будет ли чувствовать себя иначе, целуя ее теперь, когда мысленно он представляет ее портрет во всех красках.

И что изменится после того, как он узнал ее имя.

Себ запрокинул голову, словно старался четче закрепить ее черты в своей памяти. Ему это удалось, и одновременно он понял, что да, он будет отныне все чувствовать иначе. Да и сам, наверное, изменится.

В лучшую сторону.

Он был спасен от дальнейших опасных размышлений на эту тему появлением в ложе кузенов. Гарри и Оливия явились с розовыми лицами, слегка взъерошенными волосами и после приветствий мирно заняли свои места в заднем ряду.

Себастьян счастливо устроился на своем месте. Он ведь не был наедине с мисс Уинслоу: в ложе находились и другие люди, не говоря уже о сотнях театральных зрителей, — но в своем ряду они пребывали одни, и пока ему было этого достаточно.

Он повернулся, чтобы посмотреть на нее. Она перегнулась через барьер ложи и возбужденно любовалась сверкающим зрелищем. Глаза ее сияли. Себастьян попытался вспомнить, когда испытывал такое жаркое предвкушение. Он находился в Лондоне с момента своего возвращения с войны, и все эти увеселения (балы, оперы, дружеские встречи) стали для него рутинной. Разумеется, он получал от них удовольствие, но не мог сказать, что испытывал особое волнение, тем более предвкушение.

Она повернулась к нему и улыбнулась.

Глава 10

Огни театра стали тускнеть, и у Аннабел перехватило горло. Она ждала этого вечера с момента приезда в город и едва могла дождаться случая, когда сможет описать все в подробностях в обширном письме домой сестрам. Но теперь, когда занавес поднялся, открыв пустую сцену, она осознала, что не просто хочет увидеть представление. Ей необходимо его увидеть.

Потому что если оно не будет потрясающим, если оно не будет таким, о котором она мечтала, оно не отвлечет ее от джентльмена, сидящего рядом с ней, каждое движение которого каким-то странным образом нарушало пространство вокруг нее, заставляя мурашки бежать по ее коже.

Ему даже не нужно было ее касаться, а она уже вся дрожала. И это было очень и очень плохо.

— Вы знакомы с сюжетом? — прозвучал теплый голос у нее над ухом.

Аннабел кивнула, хотя имела очень слабое представление о либретто. В ее программке присутствовал краткий пересказ, про который Луиза сказала, что его обязательно нужно прочесть всем, кто не знает немецкого. Но Аннабел не успела внимательно с ним ознакомиться до прихода мистера Грея.

— Немножко, — прошептала она.

— Это Тамино, — указал он на молодого человека, только что появившегося на сцене. — Наш герой.

Аннабел начала кивать и тут же ахнула, потому что на сцене возник чудовищный змей. Он извивался и шипел.

— Как они это сделали? — не удержалась она от вопроса.

Но прежде чем мистер Грей успел высказать свое мнение по этому поводу, Тамино от страха упал в обморок.

— Я никогда не считал этого типа особенно героическим, — пробормотал мистер Грей.

Она укоризненно взглянула на него.

Он пожал плечами, как бы извиняясь.

— Право, герой не должен падать в обморок на первой же странице.

— На первой странице?

— В первой сцене, — поправился он.

Аннабел склонна была с ним согласиться. Ее больше заинтересовал странный, одетый в перья мужчина, который пришел на сцену вместе с тремя дамами, тут же убившими змея.

— Вот они не трусихи, — пробормотала она себе под нос. Она услышала, как рядом с ней мистер Грей улыбнулся. Она услышала; что он улыбнулся!.. Она не знала, как такое возможно, но, посмотрев на него искоса, убедилась, что на губах его играет улыбка. Он наблюдал за певцами, потом, слегка задрвав подбородок, оглядел зрителей, и губы его изогнулись в обезоруживающей улыбке.

Аннабел втянула в себя воздух. Здесь, в полумраке театра, ей вспомнилось, как она впервые его увидела в сумраке пустоши. Неужели это было всего лишь прошлой ночью?

Казалось странным, что прошло всего лишь двадцать четыре часа с их случайной встречи. Она ощущала теперь себя совершенно другой. Она изменилась гораздо больше, чем можно было всего за один день. Никто ведь не поверит.

Она перевела взгляд на его губы. Улыбка его исчезла, он сосредоточенно и напряженно следил за разворачивающейся драмой. А затем...

Он повернулся.

Она чуть не отвела глаза. Но не сделала этого. И улыбнулась. Чуть-чуть.

Он улыбнулся в ответ.

Аннабел задумалась. Не слишком ли быстро развиваются события? Ей не следовало флиртовать с этим человеком. Это была опасная игра, которая не могла никуда привести, и кому было это знать, как не ей. Она знала, разумеется, но ничего не могла с собой поделать. Было в нем что-то завораживающее... влекущее. Когда она оказывалась рядом с ним, она чувствовала...

Она чувствовала себя другой. Особой. Как будто была рождена вовсе не для того, чтобы найти мужа, родить ребенка (именно в таком порядке) с подходящим кандидатом, выбранным для нее дедом и бабушкой...

Она снова повернулась к сцене. Сейчас она не хотела думать о грустном. Сегодня должен был быть хороший вечер. Чудесный вечер!.. Необыкновенный!

— А теперь он собирается влюбиться, — прошептал ей на ухо мистер Грей.

Она не стала больше смотреть на него. Не доверяла себе.

— Тамино? — поинтересовалась она.

— Эти дамы намерены показать ему портрет Памины, дочери Царицы Ночи... И он тут же влюбится.

Аннабел наклонилась вперед, хотя, конечно, разглядеть из ложи этот портрет она не могла. Она понимала, что сюжет — это просто фантазия, но портрет должен был оказаться замечательным.

— Я всегда размышлял, кто был портретистом, — продолжал мистер Грей. — Он должен был быть необыкновенно талантливым.

Аннабел резко повернулась к нему, растерянно моргая.

— В чем дело? — спросил он.

— Ни в чем, — отозвалась она, потрясенная. — Просто... я подумала то же самое. Вы угадали мои мысли.

Он снова улыбнулся ей, на этот раз совсем другой улыбкой. Словно... нет, этого не могло быть. Не мог он улыбаться ей так, словно нашел родственную душу. Потому что они никак не могли быть родственными душами. Аннабел не могла себе этого позволить. Это было бы невыносимо.

Решительно настроив себя наслаждаться оперой больше, чем пересказом сюжета, который предлагал мистер Грей, она устремила все свое внимание на сцену и позволила себе полностью увлечься происходящим там. История была, в общем, довольно нелепая, но музыка была столь волшебной, что она не стала придирааться.

Каждые несколько минут мистер Грей продолжал свои комментарии, которые — Аннабел должна была в этом признаться — весьма способствовали пониманию происходящего на сцене. Его слова были частью рассказом, частью наблюдениями, и Аннабел слушала его с удовольствием. Она слышала шорох его одежды, когда он наклонялся к ней, а затем ощущала тепло его кожи, когда его губы приближались к ее уху. Затем следовали слова, всегда умные, часто забавные... Они щекотали ее ушко и заставляли вздрагивать сердце.

Это было самое прекрасное впечатление от оперы.

— А теперь финальная сцена, — прошептал он, когда на подмостках стало разворачиваться какое-то судилище.

— Финал пьесы? — удивилась она. Герой и героиня еще даже не встретились.

— Я имел в виду окончание первого акта, — уточнил он.

— О! — Ну конечно. Она снова обернулась к сцене, и действительно, через несколько минут Тамино и Памина наконец свиделись... и мгновенно кинулись друг другу в объятия... Хотя тут же были разлучены! — Что ж, — заметила Аннабел, когда занавес опустился, — полагаю, что

во втором акте особенно интересного ничего не будет, раз они, разлучились в конце первого.

— Вы, кажется, очень подозрительно относитесь к романтике, — сказал мистер Грей.

— Но вы должны признать, как маловероятно, что он влюбился в ее портрет, а она — в его... Разве так бывает? — Аннабел нахмурилась. — Почему она вообще в него влюбилась?

— Потому что Папагено сообщил ей, что тот придет ее спасать, — сказала Луиза, наклоняясь вперед.

— Ну да, конечно. — Аннабел возвела глаза к небу. — Она влюбилась, потому что человек, одетый в перья, сказал ей, что ее спасет другой человек, которого она никогда не видела.

— Вы не верите в любовь с первого взгляда, мисс Уинслоу? — спросил мистер Грей.

— Я этого не говорила.

— Тогда, значит, вы верите в это?

— Дело не в том, верю я или не верю, — возразила Аннабел, неожиданно заметив опасный огонек в его глазах. — Я сама этого чувства еще не испытывала. Но что не означает, конечно, будто такого не бывает. А тут вовсе и не любовь с первого взгляда. Разве можно это так назвать, если она его даже не разглядела?

— Трудно спорить с такой логикой, — пробормотал он.

— Рада это слышать.

Он фыркнул, но затем, бросив взгляд на последний ряд ложи, нахмурился и промолвил:

— Гарри и Оливия куда-то пропали.

Аннабел извернулась и посмотрела через плечо назад.

— Надеюсь, с ними все в порядке.

— О, не беспокойтесь! Что с ними может случиться? — загадочно обронил мистер Грей.

Аннабел покраснела, не очень понимая, что он имеет в виду, но не сомневаясь, что это не вполне прилично.

По-видимому, мистер Грей заметил, что ее бросило в краску, потому что снова фыркнул и наклонился к ней с проказливым блеском глаз. В выражении его лица было что-то опасно интимное, как если бы он уже давно знал ее и намеревался высказать какое-то откровенное суждение, что вполне допустимо только между близкими людьми.

— Аннабел, — громко сказала Луиза, — не хочешь ли пройти со мной в комнату отдыха?

— Разумеется. — Аннабел не испытывала особого желания туда удалиться, но если она что-то и усвоила за время пребывания в Лондоне, так это то, что никогда нельзя отказываться от приглашения сопроводить другую даму в комнату отдыха. Почему полагалось поступать именно так, она точно не знала, но как-то один раз отказалась, и ей потом объяснили, что отказ в данном случае противоречит хорошим манерам.

— Я жду вашего возвращения, — произнес мистер Грей, вставая.

Аннабел кивнула и последовала за Луизой из ложи. Однако едва они сделали два шага, как Луиза схватила ее за предплечье и отчаянно прошептала:

— О чем вы разговаривали?

— С мистером Греем?

— Разумеется, с кем же еще? Вы двое практически касались головами друг друга во время всего представления.

— Не может быть.

— Уверяю тебя, может. И ты сидела впереди, так что все могли заметить это.

Аннабел начала волноваться.

— Что ты хочешь сказать этим словечком «все»?

Луиза украдкой огляделась. Толпы людей стали выходить из других лож, все в лучших своих «оперных» нарядах.

— Я не знаю, присутствует ли здесь сегодня лорд Ньюбери, — прошептала она, но даже если нет, он скоро об этом услышит.

Аннабел нервно глотнула. Она не собиралась ставить под удар надвигающийся брак с графом, и в то же время...

Ей отчаянно этого хотелось.

— Я тревожусь не о лорде Ньюбери, — продолжала Луиза, подхватывая кузину под руку, чтобы привлечь поближе. — Ты знаешь, я молюсь о том, чтобы этот брак не состоялся.

— Тогда?..

— Бабушка Викерс, — выдохнула Луиза, — и лорд Викерс. Они придут в ярость, если решат, что ты нарочно отвергаешь его ухаживания.

— Но я...

— Они не могут подумать ничего другого. — Луиза нервно глотнула и понизила голос, когда увидела, что кто-то направляется в их сторону. — Это Себастьян Грей, Аннабел.

— Я знаю! — отрезала Аннабел, пользуясь крохотной паузой, чтобы вставить слово. — Как интересно получается! Ты делаешь замечания мне. А сама флиртуешь с ним весь вечер.

Луиза растерялась, но лишь на минуту.

— О небо! — воскликнула она. — Ты ревнуешь!..

— Вовсе нет.

— Ревнуешь. — Глаза ее загорелись. — Это чудесно. И настоящий кошмар, — добавила она

после небольшого раздумья. — Это чудесный кошмар. Если, конечно, можно так выразиться.

— Луиза... — Аннабел захотелось потерять глаза. Она вдруг ощутила ужасную усталость. И даже засомневалась, что хитренькая леди перед ней и есть ее обычно робкая кузина.

— Погоди. Послушай. — Луиза огляделась вокруг, а затем, затащив Аннабел в какую-то нишу, рывком задернула за ними бархатную занавеску, чтобы скрыться от посторонних глаз. — Тебе нужно уехать домой.

— Что? Почему?

— Тебе нужно уехать домой прямо сейчас. Иначе разразится большой скандал.

— Но я всего лишь разговаривала с ним.

Луиза положила руки на плечи Аннабел и строго поглядела ей прямо в глаза:

— Этого вполне достаточно. Поверь мне.

Аннабел бросила один только взгляд на мрачное лицо кузины и кивнула. Если Луиза сказала, что ей следует отправиться домой, значит, нужно ехать. Она знает этот мир лучше, чем Аннабел. И умеет вести корабль в мутных водах лондонского света.

— Если повезет, кто-нибудь еще устроит какое-нибудь зрелище посреди второго акта, и все позабудут о тебе. Я скажу, что ты почувствовала себя плохо, а тогда... — В глазах Луизы появилась тревога.

— Что еще?

Она покачала головой:

— Мне нужно позаботиться, чтобы мистер Грей остался до конца спектакля. Если он тоже уедет рано, все решат, что вы уехали вдвоем.

Кровь отлила от лица Аннабел.

Луиза тряхнула головой:

— Я сумею это сделать. Не волнуйся.

— Ты уверена? — спросила Аннабел, у которой никакой уверенности не было. Луиза же не славилась своей настойчивостью.

— Смогу, смогу. — Луиза сказала это так, словно старалась убедить не только Аннабел, но и себя. — По правде говоря, с ним разговаривать легче, чем с большинством других мужчин.

— Я это заметила, — слабым голосом промолвила Аннабел.

— Еще бы, — вздохнула Луиза. — Кто бы сомневался? Хорошо. Ты отправляешься домой, а я... — Она замолчала.

Аннабел ждала окончания фразы.

— Я отправлюсь с тобой, — решительно закончила Луиза. — Так будет гораздо лучше.

Аннабел только растерянно моргала.

— Если я уеду с тобой, никто не станет ничего подозревать, даже если мистер Грей тоже покинет театр. — Луиза упрямо замолчала. — Вот преимущество безупречной репутации.

И прежде чем Аннабел могла спросить, почему внезапный отъезд никак не скажется на ее репутации, Луиза уточнила:

— Ты — лицо неизвестное. Но я... меня никто ни в чем не заподозрит.

— Ты считаешь, что сплетни тебя не коснутся? — осторожно осведомилась Аннабел.

— Нет, — почти горестно покачала головой Луиза. — Я никогда не делала ни одного неверного шага.

Но когда они выбирались из своего бархатного укрытия, Аннабел готова была поклясться, что услышала, как Луиза прошептала:

— К сожалению.

Три часа спустя Себастьян вошел в свой клуб, все еще раздосадованный тем, как закончился вечер. Мисс Уинслоу в антракте почувствовала себя плохо и уехала домой с леди Луизой, которая настояла сопровождать ее.

Разумеется, Себастьян не поверил ни единому слову. Мисс Уинслоу цвела здоровьем и заболеть могла разве что в том случае, если бы на лестнице на нее напал прокаженный.

Леди Костроув и леди Уимблдон, освобожденные от заботы о своих подопечных, тоже вскоре уехали, предоставив гостям наслаждаться оперой самим в пустой ложе. Оливия немедленно пересела в первый ряд и положила программку на соседний стул, занимая его для Гарри, который вышел в вестибюль.

Себастьян остался на второй акт в основном из-за Оливии, настоявшей на этом. Он был готов отправиться домой и усесться писать (выдумка о прокаженном на театральной лестнице подсказала ему множество идей для сюжета), но она буквально рывком усадила его рядом, прошипев:

— Если вы исчезнете сейчас, все решат, что вы уехали с мисс Уинслоу, и я не позволю вам погубить репутацию бедной девушки в ее первый сезон.

— Она уехала с леди Луизой, — запротестовал он. — Я что, считаюсь таким беспутным, что решил «соображать на троих»?

— Что?

— Вы прекрасно знаете, что я имею в виду, — насупился он.

— Все решат, что это просто хитрость, — объяснила Оливия. — Репутация леди Луизы всегда была безупречной, но ваша — вовсе нет. И то, как вы вели себя с мисс Уинслоу в первом акте...

— Я с ней разговаривал.

— И о чем это, позвольте узнать? — Это уже спрашивал вернувшийся Гарри, который теперь усаживался между ними.

— Ни о чем, — хором ответили они оба, поджимая ноги, чтобы пропустить его.

Гарри поднял брови, но настаивать не стал и тихо зевнул.

— Куда все делись? — поинтересовался он.

— Мисс Уинслоу неважно себя почувствовала, — сообщила ему Оливия, — и леди Луиза решила проводить ее домой. Тетушки тоже уехали.

Гарри пожал плечами и, поскольку его больше интересовала опера, чем сплетни, взялся за программку.

Себастьян повернулся к Оливии, бросавшей на него свирепые взгляды.

— Вы все еще на меня сердитесь?

— Вы должны были лучше знать, что подумают в свете, — ответила она приглушенным голосом.

Себастьян посмотрел на Гарри. Тот погрузился в либретто и, казалось, к их разговору не прислушивался.

Зная Гарри, Себ не сомневался, что тот слышит каждое слово, но решил, что ему все равно.

— С каких это пор вы стали защитницей мисс Уинслоу?

— Вовсе нет, — пожала Оливия изящными плечами. — Но очевидно, что она в городе недавно и нуждается в руководстве. Я аплодирую леди Луизе, что та увезла ее домой.

— Откуда вы знаете, что леди Луиза повезла ее домой?

— Ох, Себастьян! — нетерпеливо огрызнулась она. — Как вы можете даже спрашивать об этом?!

На этом все закончилось. Пока он не приехал в клуб.

И вот тут разверзся ад.

Глава 11

— Ах ты ублюдок!

Обычно Себастьян был весьма наблюдателен. К тому же у него была быстрая реакция и здоровое чувство самосохранения. Но сейчас мысли его были заняты одним: изгибом губок мисс Уинслоу, так что, войдя в клуб, он не обратил внимания на окружение.

Поэтому и не заметил своего дядюшку.

И дядюшкин кулак.

— Что за черт?

Сила удара отшвырнула Себастьяна к стене, так что плечо его заболело лишь чуть меньше глаза, который наверняка уже чернел.

— С момента твоего рождения, — ярился дядюшка, — я знал, что у тебя отсутствует всякая мораль и дисциплина. Но это...

«Это»? Что «это»?

— Это... — продолжал дядюшка, сотрясаясь от ярости, — это ниже даже твоей низости.

«С момента моего рождения! — подумал Себ с нетерпеливым раздражением. — С момента моего рождения». Надо же! Пожалуй, дядюшка не лгал. Начиная с самых ранних воспоминаний Себастьян знал, что дядюшка вечно зол на него, постоянно стремится оскорбить и жестоко унижить, каждый раз находя для этого новые поводы. Позже Себастьян понял, что такое отношение было неизбежно. Ньюбери никогда не любил отца Себастьяна, брата, бывшего всего на одиннадцать месяцев его моложе. Адольфус Грей был выше ростом, атлетичнее и красивее, чем его старший брат. Возможно, еще и умнее, хотя Себастьян должен был признать, что отец его никогда особой ученостью не отличался. А что касается матери Себастьяна, лорд Ньюбери считал ее гораздо ниже по происхождению и соответственно презирал.

Себастьяна же он полагал дьявольским выродком.

И Себастьян привык жить с этим. А иногда и поступать соответственно. В общем-то их отношения мало его тревожили. Дядюшка был всего лишь надоедливым, вроде большого вредного насекомого. А потому и вести себя с ним нужно было как с насекомым: избегать, а если представится случай — прихлопнуть.

Однако вслух он ничего подобного не произносил. Потому что в этом не было никакого смысла. Так что он, шатаясь, поднялся на ноги, сознавая, как сквозь туман, что вокруг собралась большая аудитория.

— О чем, черт побери, вы толкуете?

— О мисс Викерс, — прошипел Ньюбери.

— О ком? — недоуменно спросил Себ. Кажется, стоит внимательнее отнестись к тому, что несет дядюшка, но, Боже, как же болит глаз! Кровавый синяк, наверное, продержится всю неделю. Кто мог подумать, что в старой калоше осталось столько силы?!

— Ее фамилия не Викерс, — произнес кто-то.

Себастьян отнял руку от глаза и осторожно моргнул. Ад и все его дьяволы! Все вокруг расплывалось. Если дядюшке не хватало сил, он возместил это умением и вложил то и другое в один удар.

Несколько джентльменов задержались поблизости, видимо, надеясь на продолжение драки, чего, разумеется, не произошло. Себастьян никогда не вступит в рукопашную с дядей, поскольку тот этого ни заслуживал. Если он хоть раз ударит Ньюбери, это станет слишком чудесным удовольствием, и тогда он не удержится и избьет сукина сына до полусмерти. А это будет проявлением очень плохих манер.

Кроме того, он же не терял самообладания. Никогда. Все это знали, а если и не знали, то должны были узнать.

— Ради Бога, кто такая мисс Викерс? — спросил Себастьян, принимая небрежно-дерзкую позу.

— Она не Викерс, — повторил кто-то. — Ее мать была Викерс, а отец — кем-то другим.

— Уинслоу! — рявкнул граф. — Ее фамилия — Уинслоу.

Себастьян почувствовал, что его пальцы закололо, как иголочками. Правая рука невольно сжалась в кулак.

— Так что насчет мисс Уинслоу?

— Притворяешься, что не знаешь?!

Себ пожал плечами, хотя это потребовало от него напряжения всех сил.

— Мне нечего скрывать.

Глаза дядюшки загорелись злобным огнем.

— Она скоро станет твоей тетушкой, дорогой племянничек.

Дыхание с шумом вырвалось из груди Себа, и он возблагодарил небеса или архитектора за то, что поблизости оказалась стена, к которой он смог прислониться.

Аннабел Уинслоу была внучкой лорда Викерса. Эта роскошная девушка была предметом вожделения Ньюбери! Она так щедро одарена природой для деторождения, что могла бы побудить птиц к весеннему пению. Где вы, аисты?

Теперь все стало ясно. Он-то удивлялся, каким образом провинциальная мисс стала задушевной подругой дочери герцога. Просто они с леди Луизой были двоюродными сестрами, кузинами. Конечно, им суждено было подружиться.

Он вспомнил разговор со своим кузеном насчет певчих птиц и бедер, обещавших бурное деторождение. Фигура мисс Уинслоу была именно такой роскошно-соблазнительной, как ее описывал Эдвард. Когда Себ припомнил остолбенелый взгляд Эдварда во время рассказа о ее груди...

У него стало горько во рту. Возможно, он побьет Эдварда. Дядюшка из-за возраста был вне пределов его досягаемости, но Эдвард свое получит.

Мисс Аннабел Уинслоу была поистине сочным и спелым фруктом. И его дядюшка планировал на ней жениться.

— Ты будешь держаться подальше от нее, — низким скрипучим голосом произнес дядюшка.

Себастьян ничего не сказал на это. У него не было наготове бойкого ответа, и потому он промолчал. Так было лучше.

«Хотя один Бог знает, как я все равно ее хочу, несмотря на все сопутствующие обстоятельства».

Себастьян сосредоточился на том, чтобы выровнять дыхание, ставшее опасно прерывистым.

— Пусть у тебя есть молодость и внешность, — продолжал Ньюбери, — но титул у меня. И будь я проклят, если допущу к нему твои загребущие руки.

— А я и не хочу его, — пожал плечами Себ.

— Конечно, хочешь, — фыркнул Ньюбери.

— Не хочу, — небрежно откликнулся Себастьян. Он начал приходить в себя. Удивительно, как быстро могут чуточка наглости и небрежная манера вернуть человеку достоинство. — Я лишь советую вам поспешить и скорее обзавестись наследником. А то эта ситуация крайне двусмысленна. Вы должны испытывать неудобство.

Лицо Ньюбери побагровело еще больше. Себастьян даже не думал, что такое возможно.

— Вот как? Ты называешь титул графа Ньюбери неудобством?

Себ начал было снова пожимать плечами, но потом решил, что эффективнее будет хладнокровно рассматривать ногти. Через минуту он вновь посмотрел на дядюшку:

— Нахожу. А вы просто несносная помеха.

Пожалуй, этим он немного хватил через край. Даже слишком через край, с чем Ньюбери явно согласился, потому что изо рта у него полился поток бессвязных слов и брызги слюны, а затем он выплеснул свой бокал в лицо Себастьяну. В нем оставалось немного жидкости, половину он, видимо, расплескал, когда ударил Себастьяна раньше. Но там было достаточно, чтобы глаза Себа начало жечь и струйка потекла у него по носу. Стоя, как сопливый ребенок, нуждающийся в носовом платке, Себастьян вдруг почувствовал, что в нем зарождается бешеный гнев. Гнев, какого он раньше никогда не испытывал. Даже на войне он не ощущал жажды крови. Он был снайпер, выученный быть хладнокровным и спокойным, выискивать врага на расстоянии.

Он действовал как положено, но не вовлекался эмоционально.

Сейчас его сердце бешено забило в груди, кровь застучала в висках, но он услышал коллективный «Ах!» и увидел столпившихся вокруг людей, ожидавших его достойного ответа.

И он ответил. Но не кулаками. Это было бы примитивно.

— Из уважения к вашему возрасту и старческой дряхлости, — произнес он ледяным тоном, — я вас не ударю. — Он сделал шаг прочь, но затем, будучи не в силах сдержать рвущуюся наружу ярость, обернулся и добавил тем же обычным, своим слегка рассеянным тоном: — Кроме того, я знаю, что вы жаждете занять сына. Если я собою вас с ног на пол, а мы все знаем, что это мне легко... — Себастьян вздохнул, словно рассказывая бесконечно горестную историю, — тогда я не уверен, что ваше мужское достоинство переживет этот удар.

Наступила мертвая тишина, за которой последовали бессвязные и злобные восклицания Ньюбери, но Себастьян их уже не слушал. Он просто круто повернулся на каблуках и ушел.

На следующее утро эта история разносилась по всему городу. Первые гарпии налетели в Викерс-Хаус в немыслимо ранний час: десять утра. Аннабел уже встала и привела себя в порядок. Ей было трудно не придерживаться привычного сельского распорядка дня. Она удивилась, услышав, что две графини жаждут ее видеть, так что не сообразила приказать дворецкому сказать визитерам, что не принимает.

— Мисс Уинслоу, — прозвучал оскорбительно официальный голос леди Уэстфилд.

Аннабел немедленно встала и приветствовала ее книксеном, который тут же повторила перед леди Челлис.

— Где ваша бабушка? — спросила леди Уэстфилд. Она стремительно вторглась в гостиную. Губы ее были сжаты в неприятно прямую линию, а выражение лица словно кричало о том, что она уловила какой-то гадкий запах.

— Она все еще в постели, — ответила Аннабел, памятуя, что леди Уэстфилд и Викерсы были добрыми друзьями. Или просто друзьями... А может, и не друзьями, но часто беседовали друг с другом.

Что, как полагала Аннабел, давало ей некоторые права.

— Тогда можно предположить, что она еще ничего не знает, — проговорила леди Челлис.

Аннабел повернулась к леди Челлис, которая была на добрых двадцать пять лет моложе своей спутницы, но отличалась таким же брезгливым и вредным выражением лица.

— Не знает о чем, миледи?

— Не притворяйся застенчивой, девочка.

— Я не притворяюсь. — Аннабел перевела взгляд с одного осуждающего лица на другое. Что они имеют в виду? Наверняка простой разговор с мистером Греем не заслуживал столь сурового осуждения. И потом она, следуя настояниям Луизы, покинула театр в антракте.

— Ты храбрая девушка, — продолжала леди Челлис. — Так стравливать дядю и племянника...

— Я... я не понимаю, о чем вы говорите, — заикаясь, проговорила Аннабел. Хотя, конечно, прекрасно все понимала.

— Немедленно прекрати! — рявкнула леди Уэстфилд. — Ты Викерс, несмотря на брак твоей матери с этим ужасным человеком, а значит, слишком умна, чтобы отделяться этим глупым сельским притворством.

Аннабел нервно глотнула.

— Лорд Ньюбери в ярости, — прошипела леди Уэстфилд. — В ярости. И я не могу сказать, что его виню.

— Я не давала ему никаких обещаний, — произнесла Аннабел, желая, чтобы голос ее звучал немного увереннее. — И я не знаю...

— Ты хоть представляешь себе ту честь, которую он оказал тебе, всего лишь предлагая свое внимание?

Аннабел могла только открыть и закрыть рот. И снова открыть и закрыть. Она чувствовала себя полной идиоткой. Безмолвной ослицей. Будь она дома, она сумела бы защититься, мгновенно находя ответы на все упреки. Но дома ей никогда не приходилось сталкиваться лицом к лицу с двумя разъяренными графинями, мерившими ее ледяными взглядами.

Этого было вполне достаточно, чтобы ей захотелось сесть... если бы ей позволялось сидеть в обществе двух стоящих графинь.

— Естественно, — промолвила леди Челлис. — Он принял меры, чтобы защитить свою репутацию.

— Лорд Ньюбери? — растерянно переспросила Аннабел.

— Конечно, я имею в виду лорда Ньюбери. Другой-то не заботится о своей репутации и никогда о ней не заботился. Я имею в виду племянника.

Однако Аннабел почему-то была уверена, что это не так. Мистер Грей был известным повесой, но за душой у него было гораздо больше. У него было чувство чести, и Аннабел полагала, что он очень ею дорожит.

Хотя, возможно, это все ее фантазии и она просто его романтизирует. В конце концов, насколько хорошо она его знала?

Скорее и не знала вовсе. Они были знакомы всего два дня. Всего два дня! Ей нужно призвать на помощь здравый смысл. Немедленно.

— Что же сделал лорд Ньюбери? — осторожно осведомилась она.

— Он защитил свою честь, как и должен был, — ответила леди Уэстфилд, очень невнятно, по мнению Аннабел. — Где твоя бабушка? — настойчиво повторила она, бдительно оглядывая комнату, словно ожидала обнаружить ее за креслом. — Кто-то должен ее разбудить. Это дело серьезное.

За месяц своей жизни в Лондоне Аннабел видела бабушку до полудня всего два раза. И оба кончились плохо.

— Мы стараемся будить ее только в крайних случаях, — сказала она.

— А что, по-твоему, происходит сейчас? Неблагодарная ты девчонка! — почти прокричала леди Уэстфилд.

Аннабел вздрогнула как от удара. И в голове стал возникать услужливые ответы: «Да, миледи. Конечно, миледи... Немедленно, миледи». Но затем она встрепенулась, посмотрела прямо в глаза леди Уэстфилд и увидела в них что-то такое гадкое, вредное... что ее словно током поразило. Она выпрямилась и твердо объявила:

— Я не стану будить бабушку. И надеюсь, что вы еще не разбудили ее своими воплями.

Леди Уэстфилд отпрянула.

— Дважды подумайте, прежде чем так говорить со мной, мисс Уинслоу.

— Я не проявляю к вам никакого неуважения, миледи. Совсем наоборот. Уверяю вас. Моя бабушка неладно чувствует себя до полудня, и я не сомневаюсь, что, будучи ее подругой, вы не захотите причинять ей какие бы то ни было неудобства.

Графиня прищурилась, она посмотрела на спутницу, которая явно тоже не знала, как ей отнестись к утверждению Аннабел.

— Передайте ей, что мы приезжали, — наконец произнесла леди Уэстфилд резко, словно выплевывая каждое слово.

— Непременно, — пообещала Аннабел и присела в книксене, достаточно глубоко, чтобы выказать уважение, но не слишком глубоко, чтобы это не выглядело угодничеством.

Когда она ухитрилась выучить все оттенки книксенов? Такие тонкости? Наверное, она все-таки больше впитала из атмосферы Лондона, чем ей казалось.

Две дамы, гордо вышагивая, покинули гостиную, но едва Аннабел успела опуститься в изнеможении на диван, как дворецкий доложил о следующей паре посетителей: леди Туомбли и мистере Гримстоне.

Аннабел замутило от тревоги. Ее как-то мимоходом представили этой паре, но она хорошо знала о них. «Эго ужасные сплетники, — объяснила ей Луиза, — злорадные и жестокие».

Аннабел вскочила на ноги, пытаясь перехватить дворецкого, прежде чем он их впустит, но опоздала. Она уже приняла одну пару гостей, и как винить слугу, если он решил, будто «она дома» для всех. Впрочем это ничего не меняло: гостиная была хорошо видна от входной двери, и она ясно видела, как целеустремленно двигаются вперед леди Туомбли и мистер Гримстон.

— Мисс Уинслоу, — проговорила леди Туомбли, вplывая в комнату в облаке розового муслина. Это была невыразимо прелестная молодая матрона, с медово-белокурыми волосами и зелеными глазами. Но в отличие от леди Оливии Валентайн, восхитительные черты которой освещали юмор и доброта, леди Туомбли смотрела взглядом пронзительным и недобрым.

Аннабел присела в книксене.

— Леди Туомбли, как любезно с вашей стороны посетить нас!

Леди Туомбли повела рукой в сторону своего спутника:

— Вы ведь встречали моего дорогого друга мистера Гримстона. Не так ли?

Аннабел кивнула:

— Это было на балу...

— У Моттремов, — закончил за нее мистер Гримстон.

— Разумеется, — пробормотала Аннабел, удивленная, что он это помнит. Она не могла бы дать точный ответ.

— Бэзил обладает необыкновенной памятью, когда речь идет о молодых леди, — прошептала леди Туомбли. — Вероятно, именно поэтому он такой знаток моды.

— Дамской моды? — уточнила Аннабел.

— Всяческой, — ответил мистер Гримстон, пренебрежительно оглядывая комнату.

Аннабел хотелось бы упрекнуть его за такое выражение лица, но она вынуждена была с ним согласиться: преобладающий цвет гостиной был сумрачно-сиреневый.

— Мы видим, что вы прекрасно выглядите, — продолжала леди Туомбли, без приглашения опускаясь на диван. — Это радует.

Аннабел тут же последовала ее примеру.

— Да. А почему бы нет?

— О, святые небеса! — Глаза леди Туомбли выразили деликатное потрясение, и она приложила руку к сердцу. — Вы не слышали? Бэзил, она ничего не слышала!

— Не слышала что? — настойчиво спросила Аннабел, хотя далеко не была уверена, что хочет это знать. Если это доставило леди Туомбли такую радость, ничего хорошего ждать не приходилось.

— Если бы это случилось со мной, — продолжала леди Туомбли, — я слегла бы в постель.

Аннабел посмотрела на мистера Гримстона в надежде, что тот сообщит ей, о чем щебечет леди Туомбли, однако ее гость сидел со скучающим видом.

— Такое оскорбление, — бормотала леди Туомбли. — Такое оскорбление!..

«Речь идет обо мне?» — хотелось спросить Аннабел. Но она не осмелилась уточнить.

— Бэзил видел все это своими глазами. — Леди Туомбли опять махнула рукой в сторону своего спутника.

Теперь Аннабел, пребывая на грани паники, решительно повернулась к джентльмену, который вздохнул и сказал:

— Это было зрелище.

— Да что случилось? — не выдержав, воскликнула Аннабел.

Удовлетворенная наконец уровнем волнения девушки, леди Туомбли промолвила:

— Лорд Ньюбери напал на мистера Грея.

Аннабел ощутила, как кровь отлила от ее лица.

— Что? Нет! Это невозможно.

Мистер Грей был молод и силен, а лорд Ньюбери... скорее, старчески немощен.

— Ударил его кулаком в лицо, — уточнил мистер Гримстон самым равнодушным тоном, словно говорил о чем-то обыденном.

— О мой Бог! — еле вымолвила Аннабел, прижимая руку ко рту. — С ним все в порядке?

— Надо полагать, — ответил мистер Гримстон.

Аннабел перевела взгляд с леди Туомбли на мистера Гримстона и обратно. Проклятие! Они вынуждают ее задать следующий вопрос.

— Что произошло потом? — с горьким чувством осведомилась она.

— Они обменялись... словами, — сообщил мистер Гримстон, вежливо зевнув. — Затем лорд Ньюбери выплеснул в лицо мистеру Грею содержимое своего бокала.

— Как бы мне хотелось увидеть это своими глазами, — пробормотала леди Туомбли. Аннабел с

ужасом посмотрела на нее, но та лишь пожала плечами: — Тому, чему мы не в силах помешать, мы можем стать свидетелями.

— Мистер Грей в ответ ударил его? — спросила Аннабел у мистера Гримстона и, к своему ужасу ощутила, что у нее начинает кружиться голова. Она вовсе не хотела, чтобы один человек причинил боль другому, и все же...

Мысль о лорде Ньюбери, сваленном на пол мощным ударом... после всего, что он пытался с ней сделать, приятно волновала воображение.

Она изо всех сил постаралась убрать с лица радостное предчувствие.

— Нет, не ответил, — сказал мистер Гримстон. — Другие были удивлены его выдержкой, но не я.

— Он такой повеса, — проговорила леди Туомбли, наклоняясь вперед с многозначительным блеском в глазах. — Но к счастью, не вспылчив, вы меня понимаете?

— Нет, — довольно резко ответила Аннабел, которой надоели туманные намеки леди Туомбли. — Не понимаю.

— Нет, он его крепко осадил — сообщил мистер Гримстон. — Не в физическом смысле. На это, полагаю, даже он не осмелился бы. Но, как мне помнится, он поставил под сомнение мужские способности графа.

Аннабел ахнула.

Леди Туомбли рассмеялась.

— Я предвижу будущее, — продолжал мистер Гримстон. — Вероятно, теперь произойдут некоторые события.

Аннабел подумала, что, судя по хищному блеску его глаз, на этот раз ей не придется подталкивать его к дальнейшему рассказу. Мистер Гримстон никоим образом не собирался держать свои соображения при себе.

— Вполне возможно, — продолжал он, явно польщенный тем, как дамы ловили каждое его слово, — что лорд Ньюбери женится на вас немедленно. Ему нужно защитить свою честь, и быстрейший способ сделать это — поскорее засеять ваше поле.

Аннабел отпрянула. Ей стало совсем тошно от того, как мистер Гримстон принялся оглядывать ее сверху донизу.

— У вас такой вид, что беременность не заставит себя долго ждать, — плотоядно улынулся гость.

— Вот именно, — подтвердила леди Туомбли, поводя рукой.

— Прошу прощения, — сухо откликнулась Аннабел. — Мне не совсем понятно, о чем вы говорите.

— Или же, — добавил мистер Гримстон, — мистер Грей вас совратит.

— Что?

Эта мысль тут же заинтересовала леди Туомбли.

— Вы действительно так считаете, Бэзил? — живо осведомилась она.

Он повернулся к ней, оказавшись спиной к Аннабел.

— О, наверняка! Можете ли вы придумать лучший способ для него, чтобы отомстить дяде?

— Я намерена просить вас обоих удалиться, — сказала Аннабел.

— О, я придумала еще третий вариант! — возвестила леди Туомбли, словно Аннабел не выразила желания выгнать ее вон.

Мистер Гримстон жадно встрепенулся:

— А именно?

— Граф может выбрать кого-то еще. Мисс Уинслоу — едва ли единственная незамужняя девица в Лондоне. Никто не станет хуже думать о нем, если после того, что произошло вчера вечером в опере, он обратит свое внимание на кого-то еще.

— В опере ничего не случилось, — настаивала Аннабел.

Леди Туомбли посмотрела на нее с жалостью:

— Не имеет никакого значения, произошло что-либо или нет. Вы, несомненно, должны это понимать.

— Продолжайте, дорогая, — промолвил мистер Гримстон.

— Разумеется, — сказала она, будто делая слушателям подарок. — Если лорд Ньюбери выберет кого-то еще, у мистера Грея больше не будет повода преследовать мисс Уинслоу.

— И что произойдет тогда? — спросила Аннабел, хоть и понимала, что продолжать разговор не следует.

Они оба уставились на нее с одинаково насмешливыми лицами.

— Что? Вы станете парией, — произнесла леди Туомбли, словно это было вполне очевидно.

Аннабел лишилась дара речи. Не из-за сказанного, а из-за столь явного злорадства. Эти люди явились к ней домой — пусть это был дом ее деда и бабушки, но сейчас он был и ее домом — и оскорбили ее всеми возможными способами. То, что их предсказания могли осуществиться, делало происходящее только хуже.

— Мы сожалеем, что стали носителями плохих вестей, — проворковала леди Туомбли.

— Я думаю, вам следует уйти, — сказала Аннабел, вставая. Она собиралась просить их об этом в совсем иной манере, но слишком хорошо сознавала, что ее репутация теперь висит на волоске и эти ужасные... гадкие люди обладают властью этот волосок перерезать.

— Конечно, — сказала леди Туомбли, поднимаясь на ноги. — Вам теперь есть над чем подумать. Я в этом не сомневаюсь.

— Да у вас лицо просто пылает, — добавил мистер Гримстон. — Хотя, возможно, это из-за пурпурного цвета вашего платья. Вам стоит поискать оттенок более мягкий.

— Я приму ваш совет к сведению, — холодно произнесла Аннабел.

— О, вы должны его принять! — прошептала леди Туомбли, направляясь к двери. — У Бэзила такой верный глаз на моду. Правда-правда.

И с этим они удалилась.

Почти.

Они только добрались до холла, как Аннабел услышала голос бабушки. Хотя время было... — Аннабел с ужасом посмотрела на часы — половина десятого! Что, ради всего святого, заставило леди Викерс подняться с постели в такую рань?

Следующие десять минут Аннабел стояла у открытой двери, слушая, как бабушка получала евангельские откровения по Гримстону и Туомбли.

Какое счастье, подумала она, выслушать все это заново! В таких полных подробностях. Наконец входная дверь открылась и закрылась. Минутой позже в комнату ворвалась леди Викерс.

— Мне нужно выпить, — объявила она. — И тебе тоже.

Аннабел и не думала спорить.

— Эта раздражающая пронырливая парочка. — Бабушка залпом опорожнила бокал бренди. Затем налила себе второй и сделала глоток. Потом налила бренди Аннабел. — Но они правы, черт бы побрал все на свете! Ты, девочка моя, влипла в неприятности.

Аннабел пригубила бренди. Пить спиртное в половине десятого?! Что бы сказала мама?

Бабушка покачала головой:

— Глупая ты, глупая. О чем ты только думала?

Аннабел надеялась, что это риторический вопрос.

— Что ж, полагаю, лучшего ты не знала. — Она опустошила свой бокал и уселась в любимое кресло. — Тебе повезло, что твой дед — хороший друг графа. Мы еще спасем этот брак для тебя.

Аннабел послушно кивнула, желая...

Желая... Чего, собственно?

Просто желая. Чего-нибудь. Чего-нибудь хорошего.

— Слава Богу, что у Джадкинса хватило здравого смысла доложить мне обо всех твоих визитерах, — продолжала бабушка. — Послушай меня, Аннабел, нет никакой разницы, какого мужа ты выберешь, но хороший дворецкий стоит своего веса в золоте.

Аннабел сейчас меньше всего хотелось думать о дворцеком.

Бабушка еще отхлебнула бренди.

— Джадкинс сообщил, что еще раньше здесь были Ребекка и Уинифред.

Аннабел кивнула, сообразив, что имеются в виду леди Уэстфилд и леди Челлис.

— Сейчас визитеры пойдут толпой. — Бабушка, прищурившись, посмотрела на Аннабел: — Надеюсь, ты к этому готова?

Аннабел ощутила, что ее охватывает отчаяние.

— А мы не можем сказать, что нас нет дома?

Леди Викерс только фыркнула в ответ:

— Нет, не можем мы сказать, что нас нет дома. Ты влипла в поганую историю и будешь выходить из нее как настоящая леди. Надо высоко держать голову, вежливо принимать каждого гостя и запоминать каждое слово, чтобы потом на досуге все тщательно проанализировать.

Аннабел села, затем поднялась на ноги, потому что дворецкий объявил о приходе очередных визитеров.

— Допей-ка лучше бренди, — велела бабушка. — Оно тебе понадобится.

Глава 12

Три дня спустя

— Если ты не предпримешь чего-нибудь, чтобы исправить то, что натворил, я больше никогда не стану с тобой разговаривать.

Себастьян поднял глаза от яичницы на исполненное великолепной ярости лицо жены своего кузена. Оливия сердилась не часто, и это было потрясающее зрелище.

Хотя с учетом всего происшедшего в последнее время он предпочел бы, чтобы ее ярость была направлена на кого-то другого.

Себ посмотрел на Гарри, читавшего газету во время завтрака. Тот лишь пожал плечами, явно указывая на то, что не считает это своей проблемой.

Себастьян отхлебнул чая и только затем осторожно поглядел на Оливию.

— Прощу прощения. Вы обращаетесь ко мне?

— Гарри! — воскликнула она с возмущенным выдохом. Но ее муж лишь покачал головой, не поднимая глаз от газеты.

Глаза Оливии угрожающе сузились, и Себ решил, что очень рад не оказаться на месте Гарри, когда тот вечером останется наедине с этой тигрицей. Наверное, это все-таки опасно.

— Себастьян! — сурово проговорила Оливия. — Ты вообще меня слушаешь? Веди себя прилично!

Он заморгал и сосредоточил внимание на ее лице.

— Я ловлю каждое ваше слово, дорогая кузина. Вы же это знаете.

Она рывком выдвинула стул, стоящий рядом с ним, и решительно уселась на него.

— Не хотите ли позавтракать? — мягко поинтересовался он.

— Позже. Сначала я должна высказать вам все, что считаю нужным.

— Я буду счастлив наполнить вашу тарелку, — предложил он. — Знаете ли, в вашем положении не стоит оставаться без завтрака.

— Мое положение не самая первоочередная проблема в данную минуту, — продолжала она, указывая изящным длинным пальцем в его сторону. — Сидеть!

— Я уже сижу, — кивнул Себ, повернувшись к Гарри, спросил: — Как ты ее терпишь?

Гарри впервые за утро поднял взгляд от газеты и, хитро улыбнувшись, пробормотал:

— Знаешь, в этом есть и некоторые выгоды...

— Гарри! — взвизгнула Оливия.

Себастьян с удовольствием увидел, что она покраснела.

— Ладно, — сказал он. — Что я такого натворил?

— Речь идет о мисс Уинслоу.

Мисс Уинслоу... Себ попытался не хмуриться, подумав о ней. В чем было немало иронии, так как последние два дня он хмурился, стараясь не думать о ней.

— А что с мисс Уинслоу?

— Вы никогда не упоминали, что за ней ухаживает ваш дядюшка.

— Я вовсе и не знал, что мой дядюшка ухаживает за ней. — Кажется, его голос прозвучал напряженно. Так дело не пойдет. В конце концов, надо научиться держать себя в руках. Нельзя выдавать себя даже выражением лица.

На миг наступила тишина.

— Вы, наверное, очень на нее рассердились, — неожиданно заключила Оливия.

— Напротив, — небрежно откликнулся Себастьян.

Прелестный рот Оливии приоткрылся от удивления.

— Вы на нее не сердитесь?

Себастьян пожал плечами.

— Злость требует столько энергии. — Он поднял глаза от еды и равнодушно улыбнулся: — У меня есть более приятные занятия.

— Неужели? То есть, я хочу сказать, конечно, есть. Но право, вы должны согласиться...

Себастьян подумал, что ему нужно сделать что-то с тем раздражением, которое все больше его переполняло. Оно было крайне неприятно, и он всегда находил, что легче позволить подобному чувству, как и оскорблениям, скатываться с него, как вода. Но неужели Оливия решила, что он станет весь день сидеть и есть конфетки?

— Себастьян! Вы меня слушаете?

Он улыбнулся и солгал:

— Разумеется.

Оливия издала звук, средний между стоном и рычанием, но, собрав силы, продолжала:

— Ладно, вы на нее не сердитесь, хотя, по моему мнению, имеете на это полное право. И все же...

— Если б за вами ухаживал мой дядя, — прервал ее Себастьян, — неужели вам не захотелось бы испытать несколько последних моментов веселья? Скажу не хвастаясь, что со мной очень приятно общаться, хоть я говорю это о себе сам. Не думаю, что кто-либо оспорит, что я гораздо приятнее в общении, чем Ньюбери.

— А ведь он, пожалуй, прав, — заметил Гарри.

Оливия насупилась:

— Я думала, ты не слушаешь.

— Я и не слушал, — ответил он, — просто сидел и читал газету.

— Как только ты его терпишь? — пробормотал Себастьян.

Оливия скрипнула зубами и с ехидцей ответила:

— Есть кое-какие выгоды...

Хотя, подумалось Себу, сегодня вечером Гарри этих выгод явно не увидит.

— Словом, так, — обратился Себастьян к Оливии. — Я ее несколько не обвиняю. Наверное, она должна была мне что-нибудь сказать, но я понимаю, почему она этого не сделала, и подозреваю, что любой из нас поступил бы так же.

Наступила пауза, затем Оливия с оттенком удивления промолвила:

— Это очень великодушно с вашей стороны.

Он пожал плечами:

— Злиться вредно для здоровья. Только взгляните на Ньюбери. Он точно не был бы таким толстым и багроволицым, если б не ненавидел меня так сильно. — И с этими словами он вернулся к своему завтраку, размышляя о том, произвело ли впечатление на Оливию его красноречие.

Она выждала несколько секунд, а затем продолжила:

— Я рада слышать, что вы не затаили на нее зла. Как я уже сказала, она нуждается в вашей помощи. После этой вашей сцены в «Уайтсе»...

— Что-о?! — рявкнул Себастьян, едва сдерживаясь, чтобы не стукнуть по столу. — Минуточку. Это была вовсе не моя сцена. — Если хотите выругать кого-то за то, что случилось, обратитесь к моему дядюшке.

— Ладно, ладно. Прошу прощения, — проговорила Оливия, достаточно смущенная, чтобы Себастьян поверил в ее искренность. — Я понимаю, что это была целиком вина вашего дяди. Но конечный результат такой же. Мисс Уинслоу оказалась в ужасной ситуации, и вы единственный, кто может ее спасти.

Себастьян сделал очередной глоток и затем тщательно вытер рот салфеткой. Существовало по крайней мере десять пунктов относительно утверждения Оливии, по которым он мог бы ей возразить, если бы был человеком, способным всерьез возражать утверждениям женщины в гневе.

Во-первых, ситуация с мисс Уинслоу была не настолько ужасной, потому что, во-вторых, она, по всей видимости, близка к тому, чтобы стать графиней Ньюбери. А это, в-третьих, несло с собой состояние и престиж, даже несмотря на то, что давалось вкупе с графом Ньюбери, которого никто не мог бы назвать призом.

В-четвертых, это у Себастьяна был подбит глаз, и, в-пятых, именно ему выплеснули в лицо бренди, и все из-за того, что, в-шестых, она не соизволила сообщить ему, что его дядя ухаживает за ней. В-седьмых, она прекрасно знала об их родственных связях, так как, в-восьмых, чуть не упала в обморок от потрясения, когда он тогда ночью на пустоши назвал ей свое имя.

Но возможно, ему следует сосредоточиться на второй части утверждения Оливии, насчет того, что он единственный человек, который может спасти мисс Уинслоу. Потому что, в-девятых, он не видел никаких резонов для такой возможности и, в-десятых, не понимал, почему это вообще должно его волновать.

— Ну же! — поторопила его Оливия. — Есть у вас какие-нибудь мысли на этот счет?

— Вообще-то несколько, — невозмутимо промолвил он и вернулся к еде. Спустя несколько мгновений он взглянул на Оливию и заметил, что она с такой силой вцепилась в край стола, что у нее побелели костяшки пальцев, а выражение ее лица... — Поосторожнее, — пробормотал он. — А то от этого взгляда молоко свернется в молочнике.

— Гарри! — буквально возопила она.

Гарри опустил на стол газету.

— Хотя я ценю, что ты пожелала узнать мое мнение, дорогая женушка, но уверен, что мне, в сущности, нечего сказать. Я сомневаюсь, что узнал бы мисс Уинслоу, если б столкнулся с ней на улице.

— Ты провел с ней целый вечер в оперной ложе! — с возмущением воскликнула Оливия.

Гарри задумался.

— Полагаю, что узнал бы ее затылок, если б она соизволила им ко мне повернуться.

Себастьян фыркнул, но тут же поспешил принять серьезный вид. Оливии объяснение мужа забавным не показалось.

— Ну хорошо, — произнес он, с мольбой протягивая к ней руки, — объясни мне, пожалуйста, в чем тут моя вина и что я могу сделать, чтобы все исправить.

Оливия уставилась на него и молчала долгую секунду, показавшуюся ему бесконечной, затем чопорно промолвила:

— Я рада, что ты спросил об этом.

Сидевший на другом конце стола Гарри крикнул, словно подавившись чем-то. Не исключено, что собственным смехом. Себастьян надеялся, что он прикусил язык.

— Ты представляешь, что сейчас говорят люди о мисс Уинслоу? — спросила Оливия.

Поскольку последние два дня Себастьян безвылазно сидел дома, в творческих муках размышляя о спасении выдуманной «мисс Спенсер» из-под выдуманной кровати выдуманного «шотландца», он ничего не знал о том, что говорят о мисс Уинслоу.

— Ну? — требовательно переспросила Оливия.

— Не знаю, — признался он.

— Они говорят, — Оливия наклонилась вперед с таким выражением лица, что Себастьяну невольно захотелось отклониться назад, — что только вопрос времени, когда вы наконец ее соблазните.

— Она будет не первой леди, о которой это говорят, — уточнил Себастьян.

— Но сейчас другое дело, — процедила Оливия сквозь зубы, — и вы отлично понимаете, что это так. Мисс Уинслоу не принадлежит к числу ваших веселых вдовушек.

— Мне нравятся хорошенькие веселые вдовушки, — пробормотал он, зная, что подобным легкомысленным замечанием вызовет только ее гнев.

— Еще говорят, что вы погубите ее лишь для того, чтобы насолить своему дяде, — настаивала Оливия.

— Я абсолютно уверен, что ничего подобного не собирался делать, — сказал Себастьян. — И надеюсь, что все остальное общество поймет это, когда узнает, что я даже ни разу не нанес ей визита.

И он вовсе не собирался это делать. Да, ему очень понравилась мисс Уинслоу, да, он провел много часов без сна, размышляя о разнообразных способах, какими ему хотелось бы привязать ее к своей кровати, но он категорически не собирался осуществлять эти свои фантазии. Он готов ее простить, но дальнейших встреч с ней не планировал. Ньюбери мог забрать ее себе и спокойно заниматься производством на свет наследника.

Что он и сообщил Оливии, хотя выразился более деликатно. Однако этим только заработал еще один свирепый взгляд и резкое объяснение.

— Ньюбери больше ее не хочет. В этом вся проблема.

— Чья проблема? — осторожно осведомился Себастьян. — Я бы на месте мисс Уинслоу с радостью принял такой выход из положения.

— Вы не мисс Уинслоу и, более того, вы не леди.

— Слава Богу! — с чувством произнес он, а Гарри суеверно стукнул три раза по столу.

Оливия сердито посмотрела на обоих.

— Если бы вы были леди, — сказала она, — вы бы поняли, какая это беда. Лорд Ньюбери даже не посетил ее с момента вашей стычки.

— Правда? — поднял брови Себастьян.

— Истинная. А вы знаете, кто ее посетил?

— Понятия не имею, — ответил он, потому что она явно хотела поскорее это ему сообщить.

— Все остальные. Все и каждый!

— Гостиная, наверное, была переполнена, — пробормотал он.

— Себастьян! Вы знаете, кого включает это «все»?

Он попытался быстро придумать ехидный ответ, но потом из чувства самосохранения решил придержать язык.

— Крессида Туомбли, — почти прошипела Оливия, — и Бэзил Гримстон. Они были там три раза.

— Три раза?.. Откуда вам это известно?

— Из надежных источников, — надменно объявила Оливия.

В это он верил легко. Если бы Оливия находилась в городе до того, как встретила в парке мисс Уинслоу, ничего последующего не случилось бы. Она бы уже поняла, что Аннабел Уинслоу — кузина леди Луизы. Она почти наверняка знала бы день ее рождения, и даже ее любимый цвет. И уж конечно, ей было бы известно, что Мисс Уинслоу — внучка Викерсов и предмет ухаживаний его дяди.

И Себастьян постарался бы держаться от нее подальше. А этот поцелуй на пустоши остался бы романтическим — пусть даже очень приятным — воспоминанием. Он наверняка не принял бы приглашения в оперу, и не уселся бы в ложе рядом с ней, и не узнал бы, что глаза ее, такие ясные, серые, приобретают зеленый оттенок, когда она надевает платье зеленого цвета. Он не узнал бы, что ее отзывчивость и впечатлительность так необычайно похожи на его собственные или что, пытаясь сосредоточиться, она прикусывает нижнюю губку. Или что она совершенно не способна неподвижно сидеть на месте.

Или что она слегка благоухает фиалками.

Если бы он знал, кто она такая, никакие эти ненужные сведения не пробежали бы сейчас в его голове, занимая в ней место чего-то важного. Например, серьезного анализа, последнего

крикетного матча. Или, скажем, точных строк шекспировского сонета, который вертелся у него в мыслях весь последний год.

— Мисс Уинслоу стала посмешищем, — заявила Оливия, — а это несправедливо. Она ничего плохого не сделала.

— Я тоже, — подчеркнул Себастьян.

— Но в вашей власти все исправить. А она этой властью не обладает.

— «Увы! Какие беды принесет мне моя Муза», — пробормотал он.

— Что? — нетерпеливо переспросила Оливия.

Он небрежно отмахнулся. Не стоило и пытаться объяснять свое предыдущее замечание. Вместо этого он прямо посмотрел на кузину и спросил:

— Что вы хотите, чтобы я сделал?

— Нанесите ей визит.

Себастьян повернулся к Гарри, который все еще притворился, что читает газету.

— Разве твоя жена не сказала только что, будто весь Лондон ждет, что я стану соблазнять мисс Уинслоу?

— Сказала, — подтвердил Гарри.

— Господи Боже! — воскликнула Оливия с такой страстью, что оба кузена растерянно заморгали. — Вы оба абсолютно тупые?

Они недоуменно уставились на нее, невольно подтверждая ее слова.

— Сейчас все выглядит так, словно вы оба ее бросили. Граф, кажется, раздумал на ней жениться, и вы, по всей видимости, тоже не хотите ее видеть. Одно небо знает, что шепчут о ней светские дамы, прикрывая свои ротки ладошками.

Себастьян мог это хорошо себе представить. Большинство станет утверждать, что мисс Уинслоу слишком о себе возомнила, а светское общество ничем так не наслаждается, как зрелищем поставленной на место честолюбивой девицы.

— Сейчас люди навешают ее из любопытства, — продолжала Оливия. — И, — добавила она, угрожающе сузив глаза, — из жестокого злорадства. Но не сомневайся, Себастьян, едва шум утихнет, ее никто не будет принимать. Если только вы не вмешаетесь в эту ситуацию. И немедленно.

— Только, пожалуйста, не говорите мне, что правильным поступком будет предложение руки и сердца, — промолвил он. Как бы прелестна ни была мисс Уинслоу, он никак не считал, что его проступок требовал такой жертвы.

— Разумеется, нет, — сказала Оливия. — Вам нужно просто нанести ей визит. Показать обществу, что вы по-прежнему находите ее очаровательной. И вы должны вести себя в высшей степени пристойно. Если выкажете хоть намек на соблазн, ее репутация будет погублена.

Себастьян открыл было рот, чтобы отделаться каким-то привычным легкомысленным замечанием, но тут копившееся в нем раздражение выплеснулось наружу, и он не мог сдержаться.

— Почему, хотел бы я знать, люди, знающие меня несколько лет, а многие даже десятки лет, считают меня человеком, способным из мести совратить невинную молодую леди? Я что — похож на чудовище?

Он выждал минуту, но Оливия не нашла ответа. И, судя по молчанию, не нашел его и Гарри, который наконец бросил притворяться, что читает газету.

— Это не праздный вопрос, — сердито продолжал Себастьян. — Разве я когда-нибудь вел себя так, чтобы обо мне могли подумать такое? Скажите, что я натворил, чтобы меня считали злым негодяем? Я искренне этого не понимаю. Знаете ли вы, что я никогда, ни разу не спал с девственницей? — Он обратил этот вопрос к Оливии, потому что был потрясен и оскорблен.

— Хватит, Себастьян, — тихо произнес Гарри.

— Нет, уж давайте разберемся до конца. Я хочу понять, что, по мнению всех этих господ, я намереваюсь сделать с мисс Уинслоу после того, как я ее соблазну. Бросить ее на произвол судьбы? Убить и бросить ее тело в Темзу?

Какое-то время его кузены не могли найти слов и просто молчали. Это был первый раз на их памяти, когда Себастьян повысил голос.

Он этого не делал никогда!.. Даже Гарри, знавший его с детства, бывший с ним в школе и в армии, никогда не слышал, чтобы он повысил голос.

— Себастьян, — мягко произнесла Оливия. Она протянула руку через стол и положила на его пальцы, но он отодвинулся.

— Вы так обо мне думаете? — требовательно спросил он.

— Нет! — воскликнула она. Глаза ее наполнились ужасом. — Конечно, нет. Но я знаю ваш образ жизни... Куда вы пошли?

Он уже был на ногах и стремительно направлялся к двери, резко бросив на ходу:

— Нанести визит мисс Уинслоу.

— Только не нужно это делать в таком настроении, — промолвила она, поспешно вставая из-за стола.

Себастьян остановился и посмотрел на нее.

— Я... э-э... — Она бросила взгляд на Гарри, тоже поднявшегося на ноги. Он отозвался на ее молчаливый вопрос лишь легким поднятием бровей и кивком в сторону двери.

— Наверное, мне стоит поехать с вами, — сказала Оливия. Она нервно глотнула и поспешно положила руку на предплечье Себастьяна. — Это будет выглядеть приличнее. Как вы думаете?

Себастьян коротко кивнул. По правде говоря, он теперь вообще не знал, что ему думать. А может быть, ему это уже было все равно.

— Бренди? — промолвила леди Викерс, протягивая бокал.

Аннабел покачала головой. После второго дня приема визитеров вместе с бабушкой, которая в обычное время не могла встать с постели раньше полудня без поддержки крепкого спиртного, она осознала, что ей лучше до обеда придерживаться лимонада или чая.

— У меня от него заболит живот, — откликнулась Аннабел.

— От этого? — Леди Викерс с любопытством взглянула на бокал. — Как странно. А я от него чувствую себя... безмятежной. Настроение улучшается.

Аннабел кивнула. Никакого другого ответа ей в голову не приходило. В последние несколько дней она провела с бабушкой больше времени, чем за весь предыдущий месяц. Когда леди Викерс велела ей относиться к скандалу как истинная леди, она имела в виду также и себя, и это, видимо, означало находиться при внучке безотлучно.

По мнению Аннабел, это было самым убедительным и реальным проявлением любви, которую бабушка когда-либо ей выказывала.

— Что ж, одно могу сказать, — заявила леди Викерс, — хоть из-за скандала, но я в эти дни повидала больше своих друзей, чем за многие годы.

— Друзей? — улыбнулась Аннабел.

— По-моему, вся эта шумиха стихает, — продолжала леди Викерс. — В первый день у нас было тридцать три посетителя, во второй — тридцать девять, а вчера — всего двадцать шесть. Всего девяносто восемь. Почти сто.

Аннабел растерянно открыла рот:

— Вы считали?

— Конечно, считала. А как же иначе? А что делала ты?

— Э-э... сидела в кресле и старалась выглядеть как леди. Бабушка хихикнула:

— Тебе, вероятно, не пришло в голову, что я могу сосчитать такое большое количество. Вот что значит способности к арифметике.

Аннабел задохнулась, начала заикаться и пожалела, что отказалась от бренди.

— Пф-ф! — отмахнулась от ее смущения леди Викерс. — У меня масса скрытых талантов.

Аннабел кивнула, но, по правде говоря, она сомневалась, что жаждет увидеть появление других бабушкиных талантов. Уж слишком все они были... своеобразные.

— У леди должен быть неприкосновенный запас тайн и скрытых возможностей, — продолжала бабушка. — Это важно знать тебе уже сейчас. — Она отхлебнула бренди, удовлетворенно вздохнула и сделала еще глоток. — Когда выйдешь замуж, поймешь, что я имею в виду.

Девяносто восемь визитеров — сосчитала Аннабел в уме. Девяносто восемь человек навестили Викерс-Хаус, жаждая поглазеть на последствия скандала в клубе. Или распространить его. Или

сообщить ей, как широко оповещена о случившемся светская общественность.

Это было ужасно.

Девяносто восемь человек! Она невольно сторбилась и как-то осела на стуле.

— Сиди прямо! — рявкнула бабушка.

Аннабел подчинилась. Возможно, все-таки не девяносто восемь: некоторые приходили по два раза. А леди Туомбли вообще являлась каждый день.

А где все это время был мистер Грей? Никто этого не знал. После той печально известной стычки в клубе его никто не видел. Аннабел не сомневалась, что так в клубе все и произошло, потому что ей твердили об этом девяносто восемь раз.

Однако Аннабел, пожалуй, на него не сердилась. Он не был виноват в этой истории. Она должна была сообщить ему, что за ней ухаживает его дядя. Она могла предотвратить этот скандал. Это было ее упущением. Она провела три дня злясь, чувствуя неловкость, ощущая себя мелкой врушкой, и ей некого было винить, кроме себя самой. Если бы она открыла ему правду, пусть не в тот момент, когда узнала его имя, но хотя бы когда они встретились в Гайд-парке...

— Визитеры, миледи, — провозгласил дворецкий.

— Первые за этот день, — сухо проронила леди Викерс. Или насмешливо? — Кто это, Джадкинс?

— Леди Оливия Валентайн и мистер Грей.

— Давно пора, — буркнула леди Викерс и, когда Джадкинс провел гостей в комнату, повторила то же, только с большим напором: — О чем вы думали раньше? Почему так затянули с визитом?

Аннабел готова была провалиться сквозь землю от стыда.

— Я был болен, — вежливо произнес мистер Грей и с кривой полуулыбкой показал на свой глаз.

Глаз выглядел ужасно. Красный, слегка опухший, украшенный черно-лиловым синяком, простирившимся от внешнего его края и вокруг всего глаза. Аннабел громко ахнула, будучи не в силах сдержаться.

— Да, смотреть на меня страшно, — пробормотал он, склоняясь к ее руке с поцелуем.

— Мистер Грей, — сказала она, — мне так жаль, что с вами случилось такое.

— А мне, — произнес он, выпрямляясь, — он даже нравится. Создается впечатление, что я не перестаю подмигивать.

Губы Аннабел начали растягиваться в улыбку, но она постаралась ее сдержать.

— Довольно жутко наблюдать это со стороны, — согласилась она.

— А я-то думал, что выгляжу залихватски, — вздохнул он.

— Садитесь, — приказала леди Викерс, указывая на диван. Аннабел сделала движение туда, но бабушка твердо объявила: — Не ты. Он. А ты садись там. — Затем она решительным шагом промаршировала к двери и крикнула: — Джадкинс, нас ни для кого нет дома! — После чего она плотно закрыла дверь.

После того как все уселись на выбранные ею места, леди Викерс, не тратя времени даром, приступила к разговору.

— Что вы собираетесь делать? — обратилась она не к мистеру Грею, а к его кузине, которая во время всех этих приготовлений ухитрилась не проронить ни слова.

Леди Оливия не смутилась. Она ведь не рассчитывала, что главные действующие лица способны справиться со скандалом.

— Мистер Грей уже объяснил причины задержки визита, — деловито откликнулась она. — Мой кузен бесконечно огорчен возможным уроном репутации вашей внучки и приносит глубокие извинения по поводу той роли, которую невольно сыграл в этом скандале.

— Лучше поздно, чем никогда, — едко проговорила леди Викерс.

Аннабел украдкой бросила взгляд на мистера Грея. К ее облегчению, происходящее его вроде бы даже забавляло. Вид у него был даже несколько скучающий.

— Конечно, — вежливо продолжала леди Оливия, — случившееся невозможно было предотвратить. Как всем известно, первый удар нанес лорд Ньюбери.

— Единственный удар, — уточнил мистер Грей.

— Да, — кивнула леди Викерс, подчеркнув свои слова широким жестом. — Но кто мог его винить? Он, наверное, был страшно шокирован. Я знакома с Ньюбери всю свою взрослую жизнь. Он человек в высшей степени чувствительный.

Аннабел чуть не фыркнула вслух, услышав это. Она бросила взгляд на мистера Грея, чтобы посмотреть, разделяет ли он ее чувства. Но неожиданно увидела, что в его глазах вдруг появился испуг.

Минуточку... В чем дело? Почему испуг?

Мистер Грей нервно сглотнул.

— Да, — произнесла леди Викерс с преувеличенным вздохом, — все это достойно сожаления. Ведь теперь возможный брак под угрозой. А мы так хотели выдать Аннабел замуж за какого-нибудь графа.

— Ой!

Аннабел и леди Оливия обе посмотрели на мистера Грея, который, как поняла Аннабел, издал этот странный звук. Он скупно улыбнулся с очень смущенным видом, которого она никогда у него не замечала. Хотя, конечно, не так часто она его видела, но ведь он принадлежал к тому типу джентльменов, которые в любой ситуации чувствуют себя непринужденно.

Он слегка передвинулся на диване.

Аннабел посмотрела вниз...

И увидела руку бабушки на его бедре. Час от часу не легче.

— Минутку! — буквально взвизгнула она, вскакивая на ноги. — Вы должны выпить с нами чая. Не правда ли?

— Конечно, — произнес мистер Грей с большим воодушевлением, воспользовавшись моментом, чтобы отодвинуться от леди Викерс как можно дальше по дивану. Но это было всего несколько дюймов и недостаточно далеко, чтобы она не могла снова положить на него руку так, чтобы это не бросалось в глаза.

— Обожаю чай, — продолжала лепетать Аннабел, хватаясь за шнур звонка, чтобы вызвать дворецкого. — А вы? Моя матушка всегда повторяла, что ни один вопрос нельзя решить без хорошей чашки чая.

— Даже так? — с наивной улыбкой осведомился мистер Грей. — Значит, чашкой чая можно решить все, что угодно?

— Мы скоро это узнаем. Не правда ли? — Аннабел с ужасом заметила, что бабушка движется по дивану, приближаясь к нему. — О Боже! — воскликнула она, слишком выразительно. — Звонок не работает. Мистер Грей, не будете ли вы так любезны, чтобы помочь мне разобраться с ним? — Она потянула за шнур, старательно избегая рывка, чтобы тот и вправду не зазвонил.

Он буквально вспрыгнул с дивана.

— Я буду счастлив вам помочь. Вы же меня знаете, — обратился он к остальным дамам. — Я живу ради того, чтобы выручать девиц из беды.

— Вот поэтому мы здесь, — невозмутимо произнесла леди Оливия.

— Осторожнее, — промолвила Аннабел, когда он схватился за шнур звонка. — Вы же не хотите дернуть его слишком сильно.

— Разумеется, нет, — тихо пробормотал он и одними губами добавил: — Спасибо.

Какую-то минуту они постояли молча, затем, видя, что ее бабушка и леди Оливия поглощены своим разговором, Аннабел сказала:

— Мне очень жаль, что так произошло с вашим глазом.

— Ах это, — небрежно отмахнулся он. — Пустяки.

Она нервно сглотнула.

— И еще мне очень жаль, что я вас не предупредила. Это было нехорошо с моей стороны.

Он ответил резким пожатием одного плеча:

— Если бы за мной ухаживал мой дядя, он бы тоже не стал это афишировать.

У нее было чувство, что этим он хочет ее рассмешить, но ею владело только отчаяние. Она выдавила из себя улыбку — не слишком веселую — и открыла рот, чтобы сказать...

Ничего!.. Ничего не смогла она выговорить. Пришлось ограничиться этим жалким подобием улыбки.

— Вы намереваетесь выйти за него замуж? — спросил мистер Грей уже серьезно.

Она опустила глаза.

— Он не спрашивал.

— Спросит.

Аннабел попыталась уйти от ответа, сменить тему. Она переступила с ноги на ногу, посмотрела на часы, потом...

— Он хочет иметь наследника, — напомнил мистер Грей.

— Я знаю, — тихо отозвалась она.

— И ему нужно заполучить его быстро.

— Понятно...

— Большинство молодых женщин были бы польщены честью, которую он им оказывает.

— Разумеется, — вздохнула она, потом подняла на него глаза и улыбнулась. Одной из тех неловких улыбок, более похожих на нервную гримасу. — Я тоже, — сказала она. — Тоже польщена. Такая честь...

— Конечно, как же иначе, — пробормотал он.

Аннабел застыла неподвижно, стараясь постепенно прийти в себя. Но очень трудно стоять не двигаясь, когда чувствуешь себя не в своей тарелке.

— Это пустой разговор, — наконец произнесла она. — Он не явился с визитом. Подозреваю, он перенес свое внимание на кого-то еще.

— За что, я надеюсь, вы благодарны судьбе, — тихо заметил мистер Грей.

Она ничего не ответила. Не могла. Потому что в глубине души и в самом деле была благодарна судьбе. Более того, испытала большое облегчение... и еще огромную свою вину за то, что чувствует это. Брак с графом стал бы спасением для всей ее семьи. Она не должна была испытывать ни малейшей радости.

— Мистер Грей, — пропела бабушка с другого конца комнаты.

— Леди Викерс, — с чувством произнес он, направляясь туда. Однако садиться к ней на диван не стал.

— Мы пришли к выводу, что вы должны начать ухаживать за моей внучкой, — объявила она.

Аннабел покраснела настолько, что готова была спрятаться под стол. В панике она поспешила воскликнуть:

— Бабушка, ты не можешь говорить это всерьез! — И затем обернулась к мистеру Грею: — Она, разумеется, шутит.

— Я абсолютно серьезна, — четко выговорила бабушка. — Это единственный путь.

— О нет, мистер Грей! — вмешалась Аннабел, впадая в отчаянное смущение оттого, что мистеру Грею приказали ухаживать за ней. — Пожалуйста, не думайте...

— Неужели я так плох для вас? — сухо поинтересовался он. — Это из-за глаза?

— Нет! Нет! Я хочу сказать: нет, вы же знаете, что это не так.

— Вы меня обнадежили, — пробормотал он.

Аннабел обратила взор на двух других леди в надежде на их помощь, но те не откликнулись на ее безмолвную мольбу.

— Но в том, что произошло, нет никакой вашей вины, — твердо заявила Аннабел.

— Тем не менее, — торжественно объявил он, — я не могу стоять сложа руки, когда рядом дева в беде. Какой же я тогда буду джентльмен?

Аннабел посмотрела на леди Оливию. Ее улыбка вызвала у Аннабел тревогу.

— В этом, разумеется, не будет ничего серьезного, — уточнила леди Викерс. — Все будет только напоказ. К концу месяца вы сможете спокойно расстаться. Надеюсь, вполне дружелюбно. — Она хищно улыбнулась. — Нам будет неприятно, если мистер Грей сочтет, что в нашем доме ему не рады.

Аннабел рискнула посмотреть украдкой на обсуждаемого джентльмена. У него был такой вид, словно его подташнивает.

— Пожалуйста, сядьте, прошу вас, — продолжала леди Викерс, похлопывая по дивану рядом с собой. — Вы заставляете меня чувствовать себя негостеприимной хозяйкой.

— Нет! — вскричала Аннабел, не задумываясь о последствиях.

— Нет? — удивленным эхом отозвалась бабушка.

— Мы должны выйти прогуляться, — проговорила внучка первое, что пришло ей на ум.

— Мы должны? — переспросил мистер Грей. — О да, конечно, должны!

— Несомненно, должны, — произнесла леди Оливия.

— Погода прекрасная, — сказала Аннабел.

— И все нас увидят и решат, что я за вами ухаживаю, — закончил ее мысль мистер Грей. — И свет будет рукоплескать. — Он взял Аннабел за руку и объявил: — Итак, мы отправляемся!

Они поспешили прочь из комнаты и не сказали ни слова друг другу, пока не достигли ступенек перед входом, где мистер Грей повернулся к ней и с чувством произнес:

— Спасибо!

— Это доставило мне удовольствие, — промолвила Аннабел, легко спускаясь на тротуар. Там она обернулась к нему и с улыбкой добавила: — Наверное, мое предназначение — выручать джентльменов из беды.

Прежде чем Себастьян ответил подобающим образом, входная дверь за ними распахнулась и на пороге появилась леди Оливия. Он посмотрел на нее и вопросительно поднял бровь.

— Я ваша спутница для приличия, — объяснила она. И прежде чем кто-то отреагировал на эти слова, добавила: — У служанки мисс Уинслоу сегодня выходной, так что сопровождать вас остается либо мне, либо леди Викарс.

— Мы очень рады вам, — твердо сообщил он.

— Что, собственно, произошло там, в гостиной? — поинтересовалась Оливия, спускаясь на тротуар.

Себастьян поглядел на мисс Уинслоу, которая с решительным видом устала на дерево.

— Я никак не могу это обсуждать, — произнес он, оборачиваясь к Оливии. — Это слишком мучительно.

Ему показалось, что он услышал, как мисс Уинслоу тихо фыркнула. Нет, ему, безусловно, нравилось ее чувство юмора.

— Хорошо, — не стала настаивать Оливия и сделала отстраняющий жест рукой: — Вперед. Я, как сопровождающая, пойду несколько позади.

— Это так называется? — уточнил он. После того как она поймала его на неточном употреблении какого-то слова, она не имела права на неподходящие выражения.

— Если это и не так, то будет так, — твердо объявила она.

У Себастьяна было на это множество вариантов ответа, но, к несчастью, все они раскрывали бы его тайное занятие. Однако поскольку он по природе своей не мог пропустить ее утверждение без какого-либо комментария, в чем— то уязвляющего Оливию, Себ обратился к мисс Уинслоу и сказал:

— Это впервые она так решительно настроена.

— Вот как? — Мисс Уинслоу обернулась к Оливии с очаровательно растерянным видом.

— Ведь у нее роль дуэньи, — разъяснил он, беря ее под руку. — Она пытается произвести на вас впечатление.

— Я все слышу!

— Конечно, как же иначе, — согласился он. А потом склонился к мисс Уинслоу и прошептал ей на ушко: — Нам придется очень постараться, чтобы от нее отделаться.

— Себастьян!

— Не спеши, Оливия! — крикнул он. — Держись несколько сзади.

— Это как-то неправильно, — очаровательно надула губки мисс Уинслоу. Глядя на них, Себастьян задумался, каким образом можно превратить эту милую гримаску в еще более соблазнительную... или соблазняемую.

— Хм-м... — пробормотал он.

— Она же не какая-то престарелая незамужняя тетушка. — И воскликнула затем: — Леди Оливия, пожалуйста, не надо отставать и скорее присоединитесь к нам!

— Я абсолютно уверена, что Себастьян этого совсем не хочет, — сказала Оливия, но Себ заметил, что ее походка стала живее, и вскоре она поравнялась с ними.

— Не волнуйтесь, друг мой, — обратилась она к нему. — Леди Викерс отдала мне свою газету. Я найду удобную и уютную скамейку и посижу там, а вы можете прогуливаться. Сколько хотите.

Она достала газету и протянула ему, явно предлагая, чтобы он ее понес. Себ так и поступил. Он никогда не спорил с дамами, кроме тех случаев, когда это было абсолютно необходимо.

Они гуляли по парку, мирно беседуя ни о чем особенном, и, верная своему слову, Оливия скоро нашла скамейку и перестала обращать на них внимание. Или, по крайней мере, удачно притворилась, что делает это.

— Сделаем круг? — спросил он мисс Уинслоу. — Нетрудно вообразить, что это такая огромная гостиная, которую можно обойти по периметру.

— Хорошая идея. — Она оглянулась на Оливию, сосредоточенно читавшую газету.

— О, не волнуйтесь! Она наблюдает за нами.

— Вы так думаете? По-моему, она целиком погрузилась в чтение.

— Моя дорогая кузина великолепно может читать и одновременно шпионить за нами. А еще способна при этом рисовать акварелью пейзаж и управлять оркестром. — Он наклонил голову в сторону мисс Уинслоу. — Женщины, как я узнал по жизни, могут делать по шесть разных вещей одновременно, не переводя при этом дыхание.

— А мужчины?

— О, мы гораздо более тупые! Просто чудо, что мы можем еще одновременно ходить и говорить.

Она рассмеялась и кивком указала на его ноги:

— Вам это, кажется, отлично удается.

Он притворился удивленным:

— Действительно, только поглядите: должно быть, я совершенствуюсь.

Она снова рассмеялась прелестным грудным смехом. Он улыбнулся ей, потому что именно так и реагирует джентльмен, когда леди смеется в его присутствии. На мгновение он забыл, где находится. Деревья, трава, весь мир отошли куда-то на второй план: он видел только ее личико, ее улыбку и ее губы, такие розовые и сочные, так изящно изгибающиеся в уголках.

Его тело стало наполняться легкими головокружительными ощущениями. Это не было вожделение или просто желание. Он знал, как проявляют себя эти чувства. Это было нечто иное. Возможно, возбуждение... А может, предвкушение... хотя он не мог сообразить,

предвкушение чего именно. Они всего-навсего прогуливались по парку. Однако он никак не мог отрешиться от ощущения, что его ждет впереди нечто очень заманчивое.

Это ощущение было удивительно приятным.

— Не так уж и плохо, когда тебя спасают, — промолвил он. Они неторопливо направились к Стенхоп-Гейт. Погода была отличной, мисс Уинслоу — очаровательной, а Оливия находилась за пределами слышимости.

Чего еще может пожелать мужчина в такой день?

Ну, может быть, чего-то после полудня. Он посмотрел на небо. Все еще не торопилось уходить роскошное утро.

— Мне так неловко за мою бабушку, — проговорила мисс Уинслоу. Чувствовалось, что она переживает ее демарш всерьез.

— Ну-ну, разве вы не знаете, что леди не положено замечать подобные вещи?

— Правда? — вздохнула она. — Я даже не должна за них извиняться?

— Конечно, нет. — Он с веселой усмешкой посмотрел на нее сверху вниз. — Вам полагается замести это под ковер и надеяться, что я ничего не заметил.

Ее брови с сомнением взлетели.

— Даже того, что ее рука была на вашем... э-э...

Он махнул рукой, хотя, по правде говоря, испытывал большое удовольствие, любуясь ее вспыхнувшими щеками.

— Я ничего подобного не припоминаю.

На какое-то мгновение ее лицо стало отрешенным, но потом она покачала головой:

— Лондонское общество все время ставит меня в тупик.

— Несомненно, нелепостей в нем хватает, — согласился он.

— Посмотрите хотя бы на мою ситуацию.

— Это просто позор. Но такова здесь мораль. Если я отвернусь от вас и мой дядюшка вас не примет... — тут он посмотрел на нее, не покажется ли на ее лице разочарование, — вас все начнут обходить стороной.

— Нет, это-то я понимаю, — промолвила она. — Но нахожу случившееся чудовищно несправедливым...

— Согласен, — вставил он.

— И все-таки я наверняка чего-то не знаю. Подозреваю, что существует множество нюансов, о которых я понятия не имею.

— О, разумеется! Возьмем, например, наше представление здесь, в парке. Тут есть немало

деталей, которые следует обыграть абсолютно точно.

— Объясните, что вы имеете в виду.

Он изменил позицию, так что оказался лицом к лицу с ней.

— Все дело в том, как я на вас гляжу.

— Прошу прощения?

Он улыбнулся, с обожанием глядя на нее сверху вниз, и пробормотал:

— Вот так.

Ее губы полуоткрылись, и какое-то мгновение она не дышала.

Ему очень льстило, что он может так на нее подействовать. Приятно было сознавать, что она и вправду в этот момент перестала дышать. Господи, как же ему нравилось читать чувства и мысли женщин!

— Нет-нет, — упрекнул ее он. — Вы не можете смотреть на меня таким же взглядом.

Она растерянно моргнула:

— Почему?

Он склонил голову к ней еще на дюйм ближе и насмешливо прошептал:

— Люди смотрят.

Глаза ее широко открылись, и он мог теперь точно определить, в какой момент ее рассудок прояснился. Она постаралась незаметно посмотреть сначала налево, потом направо, а затем медленно и совершенно растерянно снова на него. На самом деле было ясно, что она даже не догадывается, что делает.

— Вы совсем не умеете делать это, — вздохнул он.

— Не понимаю, о чем вы, — призналась она.

— Настоящая леди никогда не допустит таких ошибок, — невозмутимо объяснил он. — Позвольте мне вам помочь. Мы находимся в парке.

Аннабел подняла брови.

— Ну а где же еще?

— И вокруг сотня или больше наших ближайших знакомых.

Она повернула голову в сторону Роттен-Роу, где несколько группок светских дам старательно притворялись, что не смотрят на них.

— Не будьте так откровенны, — сказал Себастьян, приветственно кивая миссис Бромптон и ее дочери Камилле в манере «Я признаю наше знакомство, но, по-видимому, разговаривать нам не стоит».

Аннабел готова была рассердиться на них. В самом деле, кто так смотрит на знакомых? Но потом обрадовалась, что сумела правильно истолковать такое многозначное выражение их лиц. Пусть и довольно невежливое.

— У вас раздосадованный вид, — заметил мистер Грей.

— Нет. Впрочем, может быть.

— Так вы понимаете, что мы делаем?

— Думала, что понимаю, — пробормотала она.

— Нетрудно заметить, что вы стали предметом множества догадок и размышлений, — сказал он.

Аннабел едва удержалась, чтобы презрительно не фыркнуть.

Можно сказать и так. Ну и что с того?

«Как, мисс Уинслоу, неужели в вашем голосе чувствуется намек на сарказм?»

Всего лишь намек.

Он огляделся вокруг, готовый усмехнуться, но не сделал этого. Она вдруг поняла, что это было обычное для него выражение лица. Он относился с юмором ко всему. Это был редкий дар, и, возможно, поэтому люди любили находиться в его обществе. Он был счастливым человеком, и людям нравилось быть рядом, возможно, в надежде, что частица этого счастья перейдет и к ним. Слово уподобляя счастье насморку... или холере.

Такая заразная штука. Ей эта мысль понравилась: заразиться счастьем!

Она улыбнулась. Была не в силах удержаться. И подняла на него глаза, так как просто не могла поступить иначе. А он посмотрел на нее, и в глазах его при этом светилось любопытство. Он собирался спросить скорее всего о том, почему она вдруг заулыбалась как дурочка, когда...

Аннабел подпрыгнула.

— Это был выстрел?

Он ничего не ответил, и, посмотрев на него пристальнее, она увидела, что он ужасно побледнел.

— Мистер Грей? — Она положила руку ему на предплечье. — Мистер Грей, с вами все в порядке?

Он все так же не проронил ни слова. Аннабел почувствовала, что невероятно напугана, хотя понимала, что пуля никоим образом не могла попасть в него. Она интуитивно стала оглядывать его сверху вниз и снизу вверх, ожидая увидеть кровь.

— Мистер Грей? — повторила она, потому что никогда не видела его таким. И хотя она не могла похвастаться длительным с ним знакомством, тем не менее сознавала, что с ее спутником происходит что-то ужасно неладное. Его лицо будто застыло в напряжении, а его глаза...

Они, конечно, оставались на месте, но смотрели куда-то вдаль, куда-то в «никуда».

— Мистер Грей? — вновь повторила она и на этот раз слегка сжала его руку, словно будила. Он подскочил на месте, посмотрел на нее и вглядывался несколько секунд, Прежде чем увидел ее. И даже тогда он несколько раз моргнул и лишь затем произнес:

— Приношу вам свои извинения.

Она не знала, что на это ответить. Ему, в сущности, было не за что извиняться.

— Это все чертово состязание, — пробормотал он.

Она понимала, что сейчас упрекать его за грубое выражение не стоит.

— Какое состязание?

— Какой-то дурацкий стрелковый конкурс. Посреди Гайд-парка! — почти рявкнул он. — Свора идиотов. Кто творит такое?

Аннабел начала было что-то говорить: она чувствовала, что губы ее движутся, но ни слова с них не слетело. Так что она просто закрыла рот. Лучше промолчать, чем ляпнуть какую-нибудь глупость.

— Они стреляли здесь и на прошлой неделе, — пробормотал он.

— По-моему, они за этой возвышенностью. — Аннабел махнула рукой назад. Выстрел прозвучал совсем близко. Конечно, она не побледнела и не испугалась: девушка, выросшая в сельской местности, привыкла слышать ружейные выстрелы довольно регулярно. Но звук был слишком громким, и для человека, недавно вернувшегося с войны...

С войны! Вот в чем было дело. Ее дед воевал в колониях и до своих последних дней невольно дергался при любом громком шуме. На это старались не обращать внимания. Разговор прерывался на миг, и не более того, а затем продолжался, как ни в чем не бывало. В семье Уинслоу это почиталось неписанным правилом. И всех это устраивало.

Но так ли это было на самом деле?

Да, это устраивало все семейство, но что происходило с ее дедушкой? У него никогда не исчезала из глаз тоска. И еще он не любил совершать поездки в темноте. Этого никто не любит, полагала Аннабел, но людям приходится так поступать в случае необходимости. За исключением деда. Едва опускалась ночь, он должен был находиться в доме. В любом доме. И не раз он оказывался неожиданным гостем в чьем-нибудь поместье.

Аннабел вдруг задумалась, спрашивал ли его кто-нибудь об этом.

Она посмотрела на мистера Грея и внезапно почувствовала, что теперь знает его лучше, чем еще минутой раньше.

Хотя, наверное, недостаточно хорошо, чтобы заговорить об этом.

Он нехотя перевел взгляд на ее лицо и хотел что-то сказать, но...

Вновь прозвучал выстрел.

— Черт бы их побрал!

Аннабел изумленно открыла рот. Потом быстро огляделась вокруг, не слышал ли кто-нибудь, как он выругался. Разумеется, ее это не покорило, она никогда не была настолько чопорной, но...

— Извините меня, — пробормотал он и широким шагом решительно направился в сторону выстрелов. Аннабел помедлив лишь миг, поспешила за ним.

— Куда вы идете?

Он ничего не ответил, а может быть, ответил, но она этого не услышала, потому что он не оборачивался. Да и в любом случае вопрос казался глупым, потому что было совершенно ясно, куда он направился. Туда, где шло это стрелковое состязание, хотя зачем, она сообразить не могла. Он что, собирался их выругать? Попросить перестать? Мог ли он это сделать? Если люди стреляют в парке, они наверняка получили на это разрешение властей. Как же иначе?

— Мистер Грей, — окликнула она его, стараясь догнать. Однако у него были длинные ноги, так что ей приходилось двигаться вдвое быстрее, чтобы не отставать. Когда они наконец добрались до места, где шло состязание, она в своем корсете задыхалась и покрылась испариной.

Но она не сдавалась и вскоре оказалась всего в нескольких шагах за ним. Он дошел до места сбора участников. Их было около полудюжины молодых людей, причем, по оценке Аннабел, среди них не было ни одного старше двадцати лет.

— Что, черт побери, вы здесь устроили? — требовательно обратился к ним Себастьян. Он ничуть не повысил голоса, хотя Аннабел могла себе представить, как он зол.

— Соревнование, — отозвался один из молодых людей с дерзкой усмешкой, которая всегда вызывала у Аннабел только раздражение. Она закатила глаза к небу. — Мы занимаемся этим всю неделю.

— Это я слышал, — промолвил мистер Грей.

— Мы специально оборудовали место позади мишени, — продолжал молодой джентльмен, помахивая рукой в ту сторону. — Так что не волнуйтесь.

— И когда вы с этим закончите? — холодно поинтересовался мистер Грей.

— Когда кто-нибудь попадет точно в центр мишени.

Аннабел посмотрела на нее. У себя дома она насмотрелась на подобные состязания и теперь понимала, что мишень была отнесена необычайно далеко. А еще она обратила внимание на то, что по крайней мере трое из соревнующихся юношей проявляли явные признаки опьянения. Ну конечно, они же провели здесь целое утро.

— Хотите попробовать? — произнес другой молодой человек, протягивая мистеру Грею пистолет.

Он одарил их сухой улыбкой и протянул к пистолету руку.

— Благодарю вас.

А затем прямо на глазах потрясенной Аннабел поднял руку, выстрелил и вернул пистолет

владельцу.

— Вот, — коротко объявил он, — ваше соперничество закончено.

— Но...

— Закончено, — сказал он и повернулся к Аннабел с абсолютно невозмутимым видом: — Может быть, продолжим нашу прогулку?

Аннабел пролепетала «да», хотя прозвучало оно не слишком внятно, потому что голова ее крутилась то в его сторону, то в сторону мишени. Один из молодых людей подбежал к мишени, чтобы удостовериться, куда попала пуля, и скоро раздался его на редкость изумленный крик.

— Прямо в яблочко! — кричал он, бегом возвращаясь к ним. — Точно в самый центр.

Аннабел удивленно приоткрыла рот. Мистер Грей даже не прицелился. По крайней мере, она этого не заметила.

— Как вам это удалось? — спросил юноша, а другой добавил:

— Вы могли бы проделать это снова?

— Нет, — холодно ответил мистер Грей. — И не забудьте убрать за собой.

— О, мы еще не закончили! — вскричал один из молодых людей, довольно глупо, на взгляд Аннабел. Мистер Грей говорил без нажима, но только идиот мог не заметить сердитого блеска его глаз. — Мы поставим другую мишень, — не унимался молодой человек. — У нас есть время до половины второго. А ваш выстрел не считается, потому что вы не участвовали в игре с начала.

— Извините, — мягко обратился мистер Грей к Аннабел. Он отпустил ее руку и вернулся к молодым людям. — Могу я одолжить ваш пистолет? — попросил он одного из них.

Ему без звука протянули оружие, и снова мистер Грей поднял руку и без видимого напряжения нажал на курок.

Один из деревянных шестов, поддерживавших мишень, подломился, нет, рассыпался в щепки, просто исчез, и все сооружение свалилось на землю. Стрелять больше было некуда.

— Теперь вы закончили, — сказал мистер Грей, возвращая пистолет владельцу. — Доброго дня! — Он подошел к Аннабел, взял ее под руку и, прежде чем она могла что-то спросить, сказал: — Я был снайпером. На войне.

Она кивнула, уверенная, что теперь понимает, почему французы были побеждены. Она оглянулась на мишень, вокруг которой теперь толпились молодые люди, и снова перевела взгляд на мистера Грея, который выглядел абсолютно невозмутимым. Затем, не в силах удержаться, она вновь обернулась к мишени, смутно ощущая его хватку на своем предплечье. Он пытался увести ее прочь.

— Это было великолепно.

— Ничего особенного, — произнес он. — Сушная безделица.

— Я не назвала бы это безделицей, — промолвила она. Он явно не хотел похвал, но она не

могла промолчать.

Он пожал плечами.

— Это дар природы — метко стрелять.

— Э-э... Очень полезный дар. По-моему. — Ей хотелось оглянуться еще раз, но она уже не смогла бы ничего разглядеть, а он вообще ни разу не оглянулся.

— Не хотите ли мороженого? — осведомился он.

— Простите?

— Мороженого. Мне что-то стало жарко. Мы могли бы пойти в «У Гантера».

Аннабел ничего не ответила, слишком потрясенная внезапной сменой темы разговора.

— Разумеется, нам нужно будет захватить Оливию, ведь она приятная спутница. — Он помолчал. — К тому же, наверное, проголодалась. Мне кажется, что она сегодня даже не позавтракала.

— Нуда... Конечно... — промолвила Аннабел, не очень понимая, о чем он говорит. Он выжидающе смотрел на нее, надеясь, что она что-то ответит.

— Отлично. Значит, отправляемся в «У Гантера». — Себастьян весело ухмыльнулся, глядя на нее, глаза его сверкали уже привычным блеском, так что Аннабел готова была схватить его за плечи и хорошенько потрясти. Казалось, этого эпизода с мишенью и пистолетами вообще не было. — Вы любите апельсины? — спросил он. — Апельсиновое мороженое там особенно вкусно, уступает только лимонному, хотя оно не всегда у них бывает.

— Я люблю апельсиновое, — проговорила она, опять-таки потому что от нее явно ждали ответа.

— Шоколадное тоже чудесно.

— Я люблю и шоколадное.

Так оно и продолжилось: разговор ни о чем всю дорогу до «У Гантера». Там Аннабел, стыдно сказать, совершенно позабыла о происшествии в парке. Мистер Грей настоял заказать мороженое разных сортов, и Аннабел решила, что будет очень невежливо не попробовать их все (за исключением мороженого со вкусом розы, которое она терпеть не могла). Затем леди Оливия заявила, что терпеть не может запах бергамотного мороженого, и, разумеется, мистер Грей не мог удержаться, чтобы шутливо не помахать им у нее под носом. Аннабел не могла припомнить, когда в последний раз так веселилась.

Веселье. Развлечение. Простое и понятное занятие. Право, это очень даже замечательная штука.

Глава 15

Два дня спустя

К тому времени как Аннабел закончила свой танец с лордом Раутоном, последовавший за ее танцем с мистером Бербруком, последовавшим за ее танцем с мистером Олбансдейлом,

шедшим непосредственно за ее танцем с другим мистером Бербруком, который шел за ее танцем с мистером Кавендером, следовавшим за ее танцем с... — святые небеса! — с русским князем, вслед за ее танцем с сэром Гарри Валентайном, после танца с мистером Сен-Клером, последовавшего за танцем — тут ей требовалось перевести дух! — с мистером Греем...

Достаточно сказать, что если бы она уже не успела до этого узнать всю переменчивую ненадежность лондонского общества, то поняла бы это теперь. Аннабел не считала, сколько джентльменов пригласили ее танцевать по просьбе мистера Грея и сколько сделали это, потому что так поступали другие джентльмены, но одно было ей ясно. Она стала последним криком моды. По крайней мере, на неделю.

Их прогулка по парку совершила это чудо, так же как появление в «У Гантера». Весь свет увидел ее с мистером Греем, который вел себя (по его же собственным словам) как влюбленный дурак. Он постарался удостовериться, что все самые большие сплетницы заметили, как он целует ей руку, смеется ее шуткам, а те, кто подходил к ним с разговорами, наблюдали, с каким обожанием (но не похотливо), он заглядывает ей в глаза.

Да-да, он не зря употребил слово «похотливо». Это могло бы ее шокировать, если бы не забавная манера его произносить. Так что она всего лишь рассмеялась. Он сообщил ей, что это справедливо. Не только он смеется ее шуткам, но и она не остается в долгу.

Что также вызвало у нее улыбку.

Они встретились на другой день, и еще на следующий, отправившись на пикник с лордом Гарри и леди Оливией. Мистер Грей вернул ее в дом деда со строгим наказом не являться на вечерний бал Хартсайдов до половины девятого. Карета Векерсов подъехала к парадному входу в девять сорок пять, и когда спустя пять минут она вошла в бальный зал, мистер Грей случайно оказался около дверей, беседуя с незнакомым ей джентльменом. Завидев ее, он немедленно прервал разговор и подошел.

То, что ему, направляясь к ней, пришлось миновать трех необычайно красивых женщин, по мнению Аннабел, тоже не было случайным.

Две минуты спустя они уже танцевали. А еще через пять минут она танцевала с его недавним собеседником. Так продолжалось и дальше, через русского князя к обоим Бербрукам и лорду Раутону. Аннабел не была уверена, что хочет проводить жизнь в качестве самой популярной девушки Лондона, но должна была признаться себе, что, по крайней мере, на один вечер это доставило ей большое удовольствие.

К ней приблизилась леди Туомбли, источая желчь и яд, но и она не могла сделать ей ничего неприятного. Она не могла помериться силами с леди Оливией Валентайн, которая (как сообщили об этом Аннабел) мимоходом поделилась с тремя своими лучшими подругами известием, что мистер Грей, кажется, действительно влюбился.

— Эти трое совершенно не умеют хранить секреты, — пробормотал лорд Гарри.

Как начала понимать Аннабел, леди Оливия великолепно владела всеми тонкостями распускания слухов.

— Аннабел!

Обернувшись, Аннабел увидела леди Луизу, энергично махавшую ей. Поблагодарив изящным реверансом лорда Раутона за танец, она направилась к кухне.

— Мы близнецы, — объявила Луиза, обращая внимание на их платья, одинакового бледно-зеленого цвета.

Аннабел не могла удержаться от смеха. Две кузины были абсолютно не похожи.

— Ты понимаешь, — продолжала Луиза, — на мне этот цвет смотрится ужасно.

— Да вовсе нет, — уверила ее Аннабел, хотя, конечно, чуть-чуть так и было.

— Не лги, — покачала головой Луиза, — раз ты намекнула, то должна говорить мне правду, только правду, ничего, кроме правды.

— Хорошо. Это не лучший твой цвет...

Луиза вздохнула:

— Я вообще бесцветная.

— Ну, уж нет! — воскликнула Аннабел, хотя сегодня вечером этот светло-зеленый выглядел на ней так ужасно, что, пожалуй, просто убивал ее. Луиза всегда была бледнокожей, в вечернем свете платье словно высасывало с ее щек даже оттенок розового. — Мне очень понравилось то синее платье, в котором ты была в опере. Оно тебе очень шло.

— Ты так думаешь? — промолвила Луиза с надеждой в голосе. — В нем я чувствовала себя симпатичной.

— Иногда мне кажется, что именно в этом заключается половина успеха, — откликнулась Аннабел.

— А вот ты очень привлекательна в бледно-зеленом, — заметила Луиза. — Ты сегодня первая красавица бала.

— Ты прекрасно знаешь — сказала Аннабел, — что это не имеет ничего общего с цветом моего платья.

— Мистер Грей постарался, — кивнула Луиза.

— Вот именно.

Какое-то время они стояли молча, наблюдая за толпой, затем Луиза сказала:

— С его стороны было очень предусмотрительно вмешаться в ситуацию.

Аннабел кивнула и пробормотала, что согласна с этим.

— Нет, я имею в виду, что это было очень даже хорошо с его стороны.

Аннабел повернулась к ней лицом, на котором читалось легкое недоумение.

— Он вовсе не обязан был делать это, — продолжала Луиза тоном не то чтобы суровым, но осуждающим. — Большинство джентльменов так не поступили бы.

Аннабел пристально всмотрелась в лицо кузины, ища в ее словах какой-то скрытый смысл. Однако Луиза не смотрела на нее. Приподняв подбородок, она оглядывала зал, и голова ее

слегка поворачивалась туда-сюда, словно в поисках кого-то.

Хотя, возможно, она просто разглядывала присутствовавших.

— То, что сделал его дядя... — мягко произнесла Луиза, — было непростительно. Никто не упрекнул бы Себа, если бы он ответил ударом на удар.

Аннабел хотела услышать нечто иное. Какое-то объяснение случившемуся. Что угодно... Наконец она резко выдохнула:

— Пожалуйста, выражайся яснее.

— Что ты имеешь в виду? — повернулась к ней Луиза.

— Только то, что сказала. Я уже устала от стараний угадать, на что намекают все эти люди, потому что слова, которые они произносят, не имеют ничего общего с тем, что они подразумевают.

— Но я всего лишь имела в виду, — промолвила Луиза, — что ты должна понимать, как необычно и замечательно поведение Себастьяна. После того, что натворил его дядя, и притом так публично, никто не упрекнул бы Себа, если б он умыл руки от этой истории и предоставил тебе разбираться со своим скандалом.

— Ну, вот видишь! — воскликнула Аннабел, облегченно вздохнув, потому что Луиза наконец разъяснила свою мысль, хотя тема разговора была неприятна. — Об этом я и говорила. Теперь все абсолютно ясно. Это я и хотела услышать.

— Что вы бы хотели услышать?

Аннабел чуть не подпрыгнула от неожиданности.

— Мистер Грей! — воскликнула она.

— К вашим услугам, — произнес он, отнеся ей изящный поклон. У него была черная повязка на ушибленном глазу, которая на любом другом мужчине смотрелась бы нелепо. Однако он выглядел с ней очень лихим и опасным. Аннабел надеялась, что он не подслушал разговор двух каких-то дам, рассуждавших, что с удовольствием отнеслись бы к тому, чтобы их похитил такой пират. — Вы на редкость серьезны, — обратился он к ней. — Я просто обязан узнать, что вы обсуждали.

Аннабел не видела причин, чтобы не быть откровенной.

— Всего лишь то, что я нахожу чрезвычайно утомительным догадываться, о чем говорят все здесь, в Лондоне.

— А-а, — протянул он. — Как я понимаю, вы танцевали с князем. Не обращайтесь на него внимания. У него действительно ужасный акцент.

Луиза хихикнула.

Аннабел едва сдержалась, чтобы не бросить на нее негодующий взгляд.

— Дело не в акценте. Никто здесь не говорит то, что думает на самом деле, — объяснила Аннабел мистеру Грею.

Он невозмутимо посмотрел на нее и, помолчав минуту, сказал:

— А вы ожидали чего-то иного?

Откуда-то со стороны рта Луизы прозвучало сдержанное фырканье, за которым последовали несколько сдержанных и деликатных покашливаний. Луиза никогда не могла позволить себе громко рассмеяться на публике.

— А вот я, пожалуй, получаю удовольствие, говоря загадками, — заявил мистер Грей.

Аннабел ощутила, что в ее груди что-то тревожно забилося. Возможно, это было изумление. А может, разочарование... Она подняла на него удивленные глаза и, не в силах скрыть свои чувства, пролепетала:

— Вам это нравится?

Его глаза на долгую, показавшуюся ей бесконечной минуту встретились с ее глазами, после чего он произнес почти с покаянием:

— Нет.

Аннабел открыла было рот, но не вымолвила ни слова. Она не могла даже вздохнуть. Что-то неожиданное произошло между ними в этот миг, что-то необычное и замечательное.

— Я думаю... — медленно проговорил он. — Я уверен, что должен пригласить вас на танец.

Аннабел кивнула, ничего толком не соображая.

Он протянул ей руку, затем опустил ее, сделав ей знак оставаться на месте.

— Не двигайтесь, — попросил он. — Я скоро вернусь.

Они стояли недалеко от оркестра, и Аннабел могла наблюдать, как он приблизился к дирижеру.

— Аннабел, — прошипела Луиза.

Аннабел вздрогнула. Она совсем позабыла, что кухня находилась рядом. Она вообще забыла, что вокруг есть люди. В какой-то момент ей даже показалось, что зал пуст. В нем не было никого, кроме Аннабел и его... и тихого звука их дыхания.

— Ты уже танцевала с ним, — настойчиво напомнила Луиза.

— Я знаю, — кивнула Аннабел.

— Люди будут говорить.

Аннабел повернулась к ней и моргнула, пытаясь сосредоточиться на лице кухни.

— Люди и так говорят, — отозвалась она.

Луиза открыла рот, словно собиралась сказать что-то еще, но затем улыбнулась и тихо промолвила:

— Аннабел Уинслоу, по-моему, ты влюбляешься.

Эти слова сразу вырвали Аннабел из ее транса.

— Вовсе нет.

— Ода!

— Мы совсем недавно познакомились.

— По-видимому, ты знаешь его достаточно.

Аннабел увидела, что он возвращается, и в груди ее поднялось что-то вроде паники.

— Луиза, замолчи. Это все делается напоказ. Он просто оказывает мне услугу. Чтобы в свете меньше судачили.

Луиза откликнулась непривычным для нее надменным пожатием плеч:

— Если ты так считаешь...

— Луиза, промолвила Аннабел, но кухня уже делала шаг в сторону, чтобы не мешать вернувшемуся мистеру Грею.

— Это вальс, — объявил он, сказав, что только что попросил дирижера сыграть именно этот танец.

Он протянул ей руку.

Она почти взяла ее, но остановилась.

— Луиза, — выдохнула она. — Вам следует потанцевать с Луизой.

Он взгляделся в ее лицо.

— А со мной потом, — тихо проговорила она. — Пожалуйста.

Он поклонился, затем повернулся к Луизе, но она пробормотала свои сожаления и слегка кивнула в сторону Аннабел.

— Придется вам, мисс Уинслоу, — мягко проговорил он.

Она кивнула и сделала шаг вперед, позволяя ему взять свою руку. Она услышала раздавшиеся вокруг шепотки, ощутила направленные на нее взгляды, но, подняв глаза на него, увидела, что он смотрит на нее своими ясными серыми глазами, и растаяла. Его дядюшка... все эти сплетни... ничего не имело значения. Она не позволит наглым сплетням повлиять на нее, выбить из колеи.

Они прошли на середину бального зала, и она повернулась к нему лицом, стараясь не обращать внимания на дрожь предвкушения, прокатившуюся по ней, когда он положил свободную руку ей на спину.

Аннабел никогда не понимала, почему вальс раньше считался неприличным танцем.

Теперь поняла.

Он держал ее совершенно пристойно, на расстоянии полных двенадцати дюймов. Никто не мог упрекнуть их в нарушении приличий. И все же Аннабел почувствовала, что сам воздух вокруг них стал горячим, а по коже словно прошла кистью странная мерцающая магия. Казалось, каждый вдох по-разному наполнял ее легкие, она по-особому чутко прислушивалась к собственному телу, ощущала каждую жилочку внутри своего партнера, который увлекал ее в чудесный водоворот танца.

Она была сиреной. Богиней. А когда подняла глаза на него, он смотрел на нее каким-то откровенным плотоядным взглядом. И это вызывало в ней еще большее напряжение.

На краткий миг она закрыла глаза, стремясь напомнить себе, что все происходящее — одно лишь притворство. Что они разыгрывают спектакль, восстанавливая ее репутацию в глазах света. Просто, танцуя с ней, мистер Грей делал ее желанной, достойной восхищения. Но если она чувствовала себя желанной, то есть желаемой им, ей нужно сохранять трезвую голову. Он был человеком честным и благородным... щедрым, но вряд ли является прирожденным актером на светской сцене. Он точно знал, каким взглядом смотреть на нее, как ей улыбаться, чтобы все подумали, будто он от нее без ума.

— Почему вы попросили меня потанцевать с вашей кузиной? — спросил он, и голос его прозвучал как-то странно, почти придушенно.

— Не знаю, — призналась она. Аннабел действительно этого не знала. А может быть, просто не хотела себе признаться, что испугалась. — Она еще не вальсировала.

Он кивнул.

— И разве не станет так убедительнее для нашего небольшого спектакля, — продолжала она, соображая на ходу, — если вы потанцуете и с моей кузиной? Вы не стали бы морочить этим себе голову, если б были настроены только...

— Только — что? — осведомился он.

Она облизнула вдруг пересохшие губы.

— На соблазнение.

— Аннабел, — произнес он, удивив ее тем, что назвал по имени, — никто, глядя на вас, не подумает ни о чем ином. Уж слишком соблазнительно вы выглядите.

Она вскинула на него глаза, потрясенная внезапным уколом боли, вызванной этим его заявлением. Лорд Ньюбери хотел ее из-за ее привлекательных форм, роскошной груди и широких бедер, пригодных для деторождения. И, небесам известно, она никак не могла привыкнуть к вождедеющим взглядам, которыми одаривало ее большинство джентльменов. Все это было где-то на грани пристойности. Но мистер Грей... Она почему-то думала, что он другой. Не подходит под общий ранжир.

— Важно то, — тихо сказал он, — думают ли они еще о чем-то, кроме этого.

— А вы? — прошептала она.

Он ответил не сразу. А потом объяснил, словно сам тоже размышлял об этом.

— Думаю, что не стану исключением из общего правила.

У нее перехватило дыхание, и она уставилась на его лицо, стремясь по его выражению понять, что он имеет в виду. Ей не пришло в голову, что, может быть, он сам себя не понимает и, точно так же как она, озадачен их возникшей столь скоропалительно тягой друг к другу. А может быть, он ничего такого не имел в виду. Он принадлежал к тому редкому типу мужчин, которые умеют дружить с женщинами. Возможно, он всего лишь давал понять, что общение с ней его развлекает, что с ней хорошо посмеяться, и, возможно, это стоит удара по лицу от сердитого дяди.

Возможно, все этим и ограничивалось.

А потом танец вдруг кончился. Он поклонился ей, а она присела в реверансе, и они пошли обратно к торцу зала, к столу с лимонадом, за что Аннабел была ему несказанно благодарна. Она умирала от жажды, а кроме того, ей было необходимо взять бокал с напитком, чтобы отвлечься и не дергаться. Потому что кожа у нее продолжала гореть, а сердце учащенно билось, и если она не будет что-то держать в руках, то не сумеет выглядеть спокойной.

Он передал ей бокал, и Аннабел с благодарностью сделала первый глоток, когда услышала, как кто-то окликает ее по имени. Она обернулась и увидела матрону лет сорока, которая направлялась к ним, призывно махая рукой и восклицая:

— О, мистер Грей! Мистер Грей!

— Миссис Каррадерс, — отозвался он, почтительно кланяясь. — Я счастлив, видеть вас.

— Я только что услышала изумительную новость, — прошептала миссис Каррадерс.

Аннабел приготовилась услышать что-нибудь ужасное, возможно даже, о себе, но миссис Каррадерс сосредоточила свое взволнованное внимание на мистере Грее и продолжила:

— Леди Косгроув рассказала мне, что вы обладаете собранием книг миссис Горли, подписанных авторшей.

И это все? Аннабел была почти разочарована.

— Все верно, — подтвердил мистер Грей.

— Вы должны сообщить мне, где вы их приобрели. Я преданная ее поклонница и не могу считать полной свою библиотеку, пока не буду иметь ее автограф.

— Это было в лавке в... э-э... по-моему, в Оксфорде.

— В Оксфорде? — разочарованно протянула миссис Каррадерс.

— И я не думаю, что стоит туда ехать, чтобы отыскать ее, — объяснил он. — Там было всего одно собрание подписанных ею экземпляров, и хозяин книжной лавки сказал мне, что других он ни разу не видел.

Миссис Каррадерс прикусила указательный палец и задумчиво проговорила:

— Как любопытно... Я вот думаю: а может быть, она сама живет в Оксфорде? Возможно, она замужем за тамошним профессором?

— А есть в Оксфорде профессор по фамилии Горли? — поинтересовалась Аннабел.

Миссис Каррадерс повернула голову в ее сторону и заморгала, словно только что осознала, что кто-то стоит рядом с мистером Греем.

— Прошу прощения, — пробормотал он и представил их друг другу.

— Так есть там такой? — повторила вопрос Аннабел. — Мне кажется, что будет самым разумным узнать о таком профессоре.

— Маловероятно, что Горли — ее настоящая фамилия, — довольно прохладным тоном пояснила миссис Каррадерс. — Я не могу себе представить леди, которая бы позволила поместить свое имя на обложку романа.

— А если это не ее настоящее имя, — удивилась Аннабел, — то имеет ли ее автограф какую-то ценность?

Ее слова были встречены полным молчанием.

— И кроме того, — продолжала Аннабел. — Как вы вообще узнаете, ее это подпись или нет? Я сама могла бы написать ее имя на титульном листе.

Миссис Каррадерс потрясенно уставилась на нее. Аннабел не могла понять, оскорблена ли дама ее вопросами или только раздосадована. Спустя несколько мгновений миссис Каррадерс решительно повернулась к мистеру Грею и сказала:

— Если вы когда-нибудь снова встретите набор ее романов с автографами или даже одну такую книжку, пожалуйста, купите ее, и я тут же возьму вам ее стоимость.

— Это доставит мне удовольствие, — пробормотал он.

Миссис Каррадерс кивнула и отошла от них. Наблюдая за ее поспешным уходом. Аннабел задумчиво промолвила:

— Кажется, я ей не понравилась.

— Я тоже так думаю, — согласился он.

— Однако я все-таки полагаю, что мой вопрос о ценности такой подписи был вполне разумным, — сказала Аннабел.

Он улыбнулся:

— Я начинаю понимать ваше настойчивое желание, чтобы люди говорили друг другу только то, что они думают на самом деле.

— По-вашему, это плохо? — удивленно воскликнула она.

Он вздернул бровь, и хотя это движение было притушено его черной глазной повязкой, оно тем не менее выглядело весьма вызывающе.

— Поймите, — настаивала Аннабел после небольшой паузы, — это просто проявление здравого смысла. Только подумайте, сколько недоразумений можно было бы избежать, если бы люди всегда были откровенны друг с другом, а не говорили что-либо кому-то, кто может передать это

кому-то еще, а тот, в свою очередь...

— Вы смешиваете два понятия, — прервал ее он. — Первое — это изощренная проза, а второе — просто сплетня.

— И то и другое — хитрости, которые только усложняют жизнь.

Он покровительственно посмотрел на нее сверху вниз:

— Вы слишком строги к своим собратьям-людям, мисс Уинслоу.

Она пожала плечами:

— Я вовсе не думаю, что требую слишком многого.

Он медленно кивнул:

— И все же, по правде говоря, я предпочел бы, чтобы мой дядя не произнес в прошлую среду то, что думал на самом деле.

Аннабел нервно глотнула, ощущая легкую тошноту... и, безусловно, чувствуя себя виноватой.

— Но, пожалуй, я ценю его честность. Разумеется, с чисто философской точки зрения. — Он одарил ее своей характерной полуулыбкой. — Впрочем, с практической точки зрения думаю, что без черной глазной повязки я гораздо красивее.

— Мне очень жаль, — сказала она. Это был не совсем правильный отклик на случившееся, но ничего лучшего она не могла придумать. По крайней мере, это прозвучало вежливо.

Он отмахнулся от ее извинения.

— А вообще-то новые впечатления полезны для души. Теперь я точно знаю, что чувствуешь, получая удар в лицо.

— И какие же новые познания получила при этом ваша душа? — с сомнением поинтересовалась она.

Он пожал плечами, продолжая оглядывать толпу:

— Никогда не предугадаешь, какие знания потребуются, чтобы суметь это описать.

Аннабел подумала, что это очень странное утверждение, но решила промолчать.

— Кроме того, — бодро продолжал он, — если бы не подобные недоразумения, нам бы точно не хватало многих великих произведений литературы.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Что было бы с Ромео и Джульеттой?

— Они остались бы живы.

— Верно, однако подумайте о тех многих часах наслаждения искусством, которых лишился бы мир.

Аннабел улыбнулась. Не смогла удержаться.

— Я предпочитаю комедии.

— В самом деле? Они, конечно, более развлекательны. Однако тогда вы никогда не испытаете того высокого накала страстей который предоставляют нам трагедии... — И он повернулся к ней с выражением лица, к которому она уже начала привыкать: вежливой маской, которую он надевал для света, — скучающего бонвивана. И действительно, тут же, испустив притворный вздох, он сказал: — Какова была бы жизнь без этих мрачных шекспировских образов?

— По-моему, очень даже хорошая, — возразила Аннабел, подумав о недавнем крайне неприятном моменте в ее жизни, случившемся по его милости или, точнее, по милости лорда Ньюбери. Нет, она была счастлива, что с этим покончено.

— Хм-м-м... — не проговорил, а, скорее, промычал он.

Аннабел ощутила сильнейшую потребность заполнить паузу в разговоре и выпалила:

— Меня однажды назвали так: «Уинслоу, которая чаще других склонна говорить, что думает».

Это заявление сразу привлекло его внимание.

— Неужели? — Губы его смешливо дернулись. — Любопытно. А кто это был?

— Э-э... все остальные Уинслоу.

Он фыркнул.

— Видите ли, нас восемь, — объяснила она. — А с родителями — десять. Ну, теперь девять, потому что папа умер. Но этого вполне достаточно для убедительного подсчета голосов.

— Примите мои сожаления по поводу вашего отца, — промолвил он.

Аннабел кивнула, ожидая, что к горлу подступит привычный комок, но этого не случилось.

— Он был хорошим человеком, — тихо произнесла она.

Он кивнул, соглашаясь, затем поинтересовался:

— Какие еще титулы вы заслужили?

Она с виноватым видом поморщилась:

— «Уинслоу, которая вероятнее всех заснет в церкви».

Он громко расхохотался.

— Тише, на нас смотрят, — отчаянно прошептала она.

— Не обращайтесь внимания. В конце концов, это пойдет вам на пользу.

Пожалуй, он прав. Аннабел смущенно улыбнулась. Ведь все это входило в разыгрываемый ими спектакль. Не так ли?

— Как-нибудь еще? — осведомился он. — Хотя вряд ли что-то можно придумать лучше этого

последнего титула.

— Я была третьей в конкурсе на звание «Уинслоу, которая может обогнать индюка».

На этот раз он не рассмеялся, но это явно потребовало от него титанических усилий.

— Да, вы сельская девушка, — только и произнес он.

Она кивнула.

— А что, обогнать индюка очень трудно?

— Не для меня.

— Продолжайте, — настаивал он. — Я нахожу ваш рассказ захватывающим.

— Все так, — вздохнула она. — У вас явно нет братьев и сестер.

— Я никогда так остро не ощущал этой нехватки до сегодняшнего вечера. Только подумайте, каких титулов я мог бы удостоиться.

— «Грей, более других способный захватить пиратский корабль»? — предложила она, кивая на его черную глазную повязку.

— Ну, это, пожалуй, чересчур. Я слишком изыскан для пиратства.

Она закатила глаза и продолжила:

— «Грей, более других способный заблудиться на пустоши»?

— Вы жестокая женщина. Я все время осознавал, где нахожусь. Меня можно, к примеру, назвать «Грей, более других способный выиграть состязание при игре в дартс».

— «Грей, более других склонный открыть библиотеку-читальню»? — предположила она.

Он рассмеялся.

— «Грей, более других способный ополнить оперу».

Она только рот открыла:

— Вы поете?

— Как-то попытался. — Он наклонился к ней и прошептал заговорщически: — Это был неповторимый момент. Присутствующие затыкали уши.

— Может быть, это было мудро, — пробормотала она. — Если вы хотели побереечь друзей.

— Или, по крайней мере, позволить моим друзьям сохранить слух.

Она ухмыльнулась во весь рот и поспешила продолжить шутку:

— «Грей, более других склонный написать книжку»!

Он замер на месте:

— Почему вы это сказали?

— Я... я не знаю, — пролепетала она, удивленная его реакцией. Он не разозлился, но как-то посерьезнел. — Наверное, мне подумалось, что вы очень умело, обращаетесь со словами. Разве я не говорила как-то, что вы поэт?

— Разве было такое?

— До того как узнала, кто вы, — уточнила она. — Там, на пустоши.

— А-а, верно. — Он сжал губы, задумавшись.

— И вы проявили большое внимание к «Ромео и Джульетте». К сюжету пьесы, а не к героям. К ним вы никакого сочувствия не проявили.

— Кто-то должен остаться к ним равнодушен, — пожал плечами он.

— Оригинальное суждение, — фыркнула она.

— Я стараюсь.

Тут она припомнила еще кое-что.

— Ну и, разумеется, есть еще миссис Горли.

— А что с ней?

— Да-да, вы такой ее поклонник. Право, мне следует поскорее прочесть какую-нибудь ее книжку, — размышляла вслух Аннабел.

— Что ж, пожалуй, я дам вам один из моих экземпляров с автографом.

— О нет! Не стоит это делать. Вы должны сохранить их для настоящих ее поклонниц. Я даже не знаю, понравится ли мне роман. Леди Оливия, кажется, от него не в восторге.

— А ваша кузина ее обожает, — указал он.

— Верно. Однако Луиза любит еще эти жуткие романы миссис Радклиф, которые я терпеть не могу.

— Миссис Горли, безусловно, превосходит миссис Радклиф, — решительно заявил он.

— Вы читали то и другое?

— Конечно. Между ними нет никакого сравнения.

— Хм-м... Что ж, нужно будет мне попробовать прочитать ее. Чтобы иметь свое суждение.

— Тогда я дам вам один из своих неподписанных экземпляров.

— У вас есть разные издания? — Господи, она и представить себе не могла, что он такой поклонник этих романов!

Он слегка пожал плечами:

— У меня были они все до того, как я нашел экземпляры с автографами.

— О, ну конечно! Я не сообразила. Ладно. Так какой ваш самый любимый? Я начну с него.

Он минутку подумал, потом сказал, потрянув головой:

— Не могу выбрать: мне каждый нравится по-своему.

Аннабел заулыбалась.

— Вы говорите, как говаривали мои родители, когда мы требовали у них сказать, кого из нас они любят больше.

— Полагаю, что это нечто подобное, — пробормотал он.

— Как если бы вы сами создали такую книжку, — возразила она, поджимая губы, чтобы не рассмеяться. Однако он не шутил! Она растерянно заморгала.

Но затем он все-таки изобразил веселье. Скорее, просто фыркнул, и притом спустя чуть не пять секунд после шутки, что было странно, так как вовсе на него не похоже. Вроде бы.

— Ну что, мисс Уинслоу? Еще немного откровенности? — произнес он. Суховатая улыбка превратила вопрос в подобие ласкового обращения.

— Всегда, — жизнерадостно отозвалась она.

— Думаю, что вы могли бы... — И вдруг замолчал.

— Что такое? — Она улыбнулась, говоря это, но вдруг заметила, что он смотрит куда-то поверх ее головы, кажется в сторону двери. И вид у него при этом сделался очень мрачный.

Она нервно облизнула губы и глотнула. Обернулась... В комнату вошел лорд Ньюбери.

— Он выглядит сердитым, — прошептала она.

— У него нет никаких прав на вас, — резко бросил мистер Грей.

— Как и у вас, — мягко заметила она и бросила взгляд на дверь, которая вела в дамскую комнату. Но мистер Грей крепко взял ее за запястье и удержал на месте.

— Вы не можете сбежать, — промолвил он. — Если вы так поступите, все решат, что вы сделали что-то нехорошее.

— Но с другой стороны, — возразила она, ненависть охвативший ее прилив паники, — они могут посмотреть на него и решить, что любая разумная молодая леди постарается держаться от него подальше.

Но конечно, они так не подумают. Она это прекрасно знала. Лорд Ньюбери шел к ним с железной решимостью, и толпа быстро расходилась перед ним, давая ему проход. Расходилась и смыкалась за ним, глядя в сторону Аннабел. Если тут состоится бурная сцена, никто не хотел упустить пикантное зрелище.

— Я буду здесь, рядом с вами, — тихо произнес мистер Грей.

Аннабел кивнула. Было просто поразительно — и страшно, — как это ее успокаивало.

Глава 16

— Дядя, — жизнерадостно произнес Себастьян, потому что давно понял, что это лучшая манера обращения к этому родичу, — как приятно видеть вас снова! Хотя должен заметить, что все выглядит иначе, когда смотришь одним глазом. — Он мило улыбнулся. — Даже вы.

Ньюбери смерил его мрачным взглядом, затем повернулся к Аннабел:

— Мисс Уинслоу.

— Милорд, — присела она в реверансе.

— Следующий танец наш. — Это было не приглашение, а приказ. Себастьян напрягся, ожидая, что Аннабел резко откажет графу, но она лишь нервно глотнула и кивнула. Он решил, что это понятно. У нее не было никакой возможности противостоять графу, а Ньюбери всегда был импозантным и властным. Кроме того, ей еще, вероятно, приходилось отвечать перед дедом и бабушкой. Они дружили с Ньюбери, и она не могла их опозорить, отказывая ему всего-навсего в танце.

— Позаботьтесь вернуть ее ко мне, — сказал Себастьян, награждая дядюшку совершенно неискренней улыбкой с плотно сжатыми губами.

Ньюбери вернул ему такую же, сопроводив ее злобным ледяным взглядом. В этот миг Себастьян понял, что совершил ужасную ошибку. Ему не следовало пытаться восстановить положение Аннабел в обществе. Ей было бы гораздо лучше оставаться парией. Она вернулась бы к своей сельской жизни, нашла бы себе какого-нибудь сквайра, который, как и она, называл бы вещи своими именами и жила бы потом спокойно.

Иронию сложившейся ситуации пережить было тяжело. Все полагали, что Себастьян ухаживал за ней, потому что ее захотел его дядя, а правда заключалась совсем в ином.

Ньюбери отказался от нее, умыл руки до тех пор, пока решил, что Себастьян действует всерьез. А теперь он возжелал ее еще больше.

Раньше Себастьян считал, что ненависть дяди к нему имеет какие-то пределы, но теперь было очевидно, что это так.

— У нас с мисс Уинслоу достигнуто взаимопонимание, — объявил дядюшка.

— А вы не думаете, что решать это должна сама мисс Уинслоу? — небрежно откликнулся Себастьян.

Глаза дядюшки полыхнули яростью, и на какой-то миг Себастьян подумал, что тот попытается ударить его снова. Однако на этот раз Ньюбери не был застигнут врасплох и, должно быть, лучше владел собой, потому что всего лишь бросил ему:

— Ты дерзишь.

— Я только лишь пытаюсь вернуть ее в чуткие объятия света, — мягко заметил Себастьян. Если бы у Ньюбери было с ней «взаимопонимание» он не бросил бы ее на растерзание волкам.

При этих словах племянника взгляд Ньюбери упал на грудь Аннабел, и Себастьяна затошнило.

Ньюбери снова поднял глаза, засверкавшие неким чувством, которое можно было бы определить как гордость собственника.

— Вы не обязаны танцевать с ним, — тихо промолвил Себастьян. Провались эти ее дед и бабушка, провались все ожидания света! Ни одна леди не обязана танцевать с мужчиной, который публично раздевает ее взглядом.

Но Аннабел лишь посмотрела на него бесконечно грустными глазами и сказала:

— Думаю, обязана.

Ньюбери бросил племяннику торжествующую улыбку, взял ее за руку и увел за собой.

Себастьян смотрел им вслед, и все внутри у него горело. Он презирал это чувство, ненавидел то, как все на него глазают и ждут, что он сделает.

Он проиграл. Каким-то образом он потерпел поражение.

И чувствовал себя побежденным и потерянным.

На следующий день

Посетители. От них не было отбоя.

Теперь, когда получилось, что ею интересуются оба: и лорд Ньюбери, и мистер Грей, — светское общество ощутило необходимость увидеть это своими глазами. И не имело никакого значения, что все эти люди пару дней назад смотрели на нее с жалостью.

Уже пополудни Аннабел мечтала лишь о том, как бы ей сбежать, поэтому она сочинила нелепую сказку, что ей необходима шляпка точно такого цвета, как ее новое сиреневое платье, и бабушка, махнув рукой, наконец сказала:

— Ладно, иди! Я больше ни минуты не могу слушать эту твою чепуху.

То, что до сих пор Аннабел не проявляла такого страстного желания обладать модными аксессуарами, казалось, ее не тронуло. Точно так же, как она не обратила внимания на то, что, желая в точности подобрать оттенок шляпки, Аннабел не захватила это платье с собой к модистке.

Впрочем, леди Вickers была глубоко поглощена своим любимым пасьянсом, а также графином с бренди, Аннабел могла нацепить на себя индийский тюрбан, и бабушка на это не сказала бы ни слова.

Аннабел со своей служанкой Нетти отправилась на Бонд-стрит, выбирая самые нехоженые пути к месту назначения. Если бы могла, Аннабел вообще только такие нехоженые дороги и выбирала бы. Но поскольку было невозможно вернуться домой без какой-либо обновки на голову, ей приходилось идти знакомыми путями, надеясь, что свежий воздух прояснит ей мысли.

Разумеется, этого не произошло, а от мелькания прохожих на Бонд-стрит голова ее совсем разболелась. Казалось, что в этот день все высыпали на улицу. Аннабел пихали и толкали, в голове шумело от выкриков и отголосков разговоров, а также ржания лошадей. К тому же было

жарко и ей просто не хватало воздуха.

Она чувствовала себя в ловушке. Прошлым вечером лорд Ньюбери дал ей ясно понять, что все еще намерен жениться на ней. Так что было лишь вопросом времени, да он сделает официальное предложение.

Она ощущала такое облегчение, когда считала, что он передумал и больше ее не хочет. Она знала, что ее семье нужны деньги, но если он не попросит ее руки, ей не придется отвечать «да». Или «нет».

Она не свяжет себя с человеком, который ей отвратителен. И не откажет ему, чтобы не мучиться потом вечным чувством вины из-за своего эгоизма.

А чтобы дело стало совсем плохо, она прочла утром только что полученное письмо от сестры Мэри. Та была несколько моложе Аннабел, шла за ней, и они всегда были очень близки. Если бы Мэри не заболела весной воспалением легких, она тоже поехала бы в Лондон.

«Две по цене одной, — высказалась леди Викерс, когда приглашала обеих девочек, обещая представить их свету. — Так всегда получается дешевле».

Письмо Мэри дышало весельем и жизнерадостностью. Оно было полно новостей о доме, об их деревне, местной ассамблее, о сороке, залетевшей в церковь во время службы и закончившей свой полет на голове викария.

Это было чудесное письмо, и оно заставило Аннабел так затосковать по дому, что она едва могла это вынести. Однако в письме было не только это. Там были и упоминания о необходимости экономить, о том, что нанятую матушкой новую гувернантку пришлось за неимением средств уволить, о неловкости за ужином, когда неожиданный визит соседа-баронета с женой обнаружил, что у них на столе только одно мясное блюдо.

Деньги кончались. Мэри не писала об этом прямо, но и так все было ясно как день. При мысли о сестре Аннабел тяжело вздохнула. Сейчас Мэри, наверное, сидит у окна и представляет себе, что ее сестра привлекла внимание какого-нибудь лихого красавца, состоятельного аристократа. Сияющая счастьем, она привезет его домой, а он осыплет всех их деньгами, и проблем у них больше не будет.

Вместо этого за Аннабел ухаживали страшно богатый и до невозможности мерзкий граф и, по-видимому, бедный, но невероятно красивый повеса. Который заставлял ее сердце тревожно колотиться.

Нет, не станет она думать об этом. Не важно, как заставлял ее чувствовать себя мистер Грей, потому что он не собирался делать ей предложение руки и сердца, а если б и сделал, вряд ли у него были средства для денежной помощи ее семье. Обычно Аннабел не обращала внимания на сплетни такого рода, но, по крайней мере, двенадцать из восемнадцати утренних визитеров считали своим долгом подчеркнуть, что он ведет скромное существование. Не говоря уже о неприятностях, последовавших после его стычки с дядей в «Уайтсе».

У гостей было свое собственное мнение о мистере Грее, но все сходились на том, что он не обладал существенным состоянием. Точнее, не обладал никаким.

И кроме того, он не делал ей предложения. И явно не собирался это делать.

С тяжелым сердцем Аннабел свернула за угол на Бонд-стрит, почти не слушая щебетания

Нетти по поводу экстравагантных шляпок с перьями, выставленных в витринах. Они находились за шесть домов от Викерс-Хауса, когда она заметила роскошный экипаж, приближавшийся туда с другой стороны.

— Погоди! — воскликнула она, хватая Нетти за руку.

Служанка недоуменно посмотрела на нее, но остановилась и притихла.

Аннабел с тоской наблюдала, как лорд Ньюбери тяжело спустился на тротуар и промаршировал по ступенькам к входной двери. Не было никаких сомнений в том, зачем он явился сюда.

— Ой! Мисс...

Аннабел повернулась к Нетти, сознавая, что отчаянно вцепилась в руку девушки, сжав ее словно клещами.

— Извини меня, — торопливо проговорила она, отпуская руку служанки, — но я пока не могу пойти домой. Потом объясню.

— Вы хотите еще одну шляпку? — Нетти опустила глаза на шляпную картонку, которую держала в руках. — Там была одна, украшенная виноградом, но, по-моему, она слишком темная.

— Нет. Я просто... я просто... не могу сейчас вернуться. — В полной панике Аннабел схватила Нетти за руку и потащила в ту сторону, откуда они пришли, не задерживаясь, чтобы перевести дыхание, пока не скрылись из виду.

— В чем дело? — задыхаясь, спросила Нетти.

— Пожалуйста, — умоляюще промолвила Аннабел, — пожалуйста, не спрашивай. — Она огляделась вокруг. Они находились на улице особняков и, конечно, не могли оставаться здесь весь день. — Мы пойдем... э-э... — Она нервно глотнула. Куда же им пойти? Она не хотела возвращаться на Бонд-стрит. Они только что пришли оттуда, и наверняка кто-то их заметит и обратит внимание на их возвращение. — Мы купим сладости! — слишком громко объявила она. — Это то, что надо. Ты хочешь есть? Я умираю с голоду. А ты?

Нетти посмотрела на нее как на сумасшедшую. Возможно, так оно и было. Аннабел знала, что ей делать. Она знала это уже больше недели. Однако не хотела делать это уже сегодня. Ну, хоть бы отсрочить все на день.

— Идем, — настойчиво проговорила она, — кондитерская как раз там где-то рядом...

Господи, где же она?!

— На Клиффорд-стрит? — предположила Нетти.

— Да, да! Думаю, именно там, — поспешила согласиться Аннабел и двинулась вперед, почти не глядя, куда идет. Она едва могла сдержать слезы, которые жгли ей веки. Нужно взять себя в руки. Она не может войти в кондитерскую в таком виде, пусть даже в скромное заведение. Ей нужно хоть немного передохнуть, успокоиться и...

— О, мисс Уинслоу!

Аннабел замерла. Она ни с кем не хотела разговаривать. Пожалуйста, только не сейчас!

— Мисс Уинслоу!

Аннабел сделала глубокий вдох и обернулась. Это была леди Оливия Валентайн, которая улыбнулась, передала какой-то сверток служанке и двинулась к ней.

— Как приятно видеть вас! — жизнерадостно заговорила леди Оливия. — Я слышала... О, мисс Уинслоу, что-то неладно?

— Ничего особенного, — солгала Аннабел. — Я просто...

— Нет, явно что-то не так, — твердо заявила Оливия. — Пойдемте-ка со мной. — Она взяла Аннабел за руку и повела к ступенькам, с которых только что спустилась. — Это мой дом, — сообщила она. — Вы сможете здесь отдохнуть.

Аннабел не стала спорить. Она была бесконечно рада, что ей есть куда пойти, благодарна, что есть кто-то, кто подскажет ей, как поступить.

— Вам необходимо выпить чаю, — сказала Оливия, усаживая ее в гостиной. — Я и сама захотела чая, только взглянув на вас.

Она вызвала служанку и велела подать чай, затем уселась около Аннабел, взяла ее за руку и промолвила:

— Аннабел. Могу я называть вас именно так?

Аннабел кивнула.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

Аннабел покачала головой:

— Хотела бы я, чтобы это было так.

Оливия нервно покусала нижнюю губку и осторожно поинтересовалась:

— Это из-за моего кузена? Что-то наделал Себастьян?

— Нет! — воскликнула Аннабел. — Нет-нет, пожалуйста не думайте так. Себастьян ничего не сделал. Он всегда был добрым и благородным. Если бы не он... — Она вновь покачала головой, но это получилось у нее так резко, что голова закружилась, и ей пришлось прижать ладонь ко лбу. — Если бы не мистер Грей, — сказала она, едва придя в себя настолько, чтобы говорить спокойно, — я была бы изгнана из общества. Оливия медленно кивнула:

— Тогда могу предположить, дело в лорде Ньюбери.

Аннабел слегка кивнула. Она опустила взгляд на свои руки, лежащие на коленях: одна была все еще зажата в ладонях Оливии, другая — сжата в кулак.

— Я очень глупая и себялюбивая. — Она набрала в грудь воздуха и попыталась откашляться, но получился только сдавленный всхлип, как перед рыданием. — Я просто... не хочу...

Она не смогла закончить фразу. Это и не понадобилось. Она прочла жалость в глазах Оливии.

— Значит, он сделал предложение, — мягко проговорила Оливия.

— Нет. Пока нет. Но он сейчас у моих деда и бабушки. Прямо в эту минуту. Я видела его экипаж. Видела, как он вошел. — Она подняла взгляд. Ей не хотелось думать о том, что может прочитать Оливия на ее лице, в ее глазах, но ведь невозможно продолжать разговор, уткнувшись в колени. — Я трусиха. Я увидела лорда Ньюбери и сбежала. Я подумала, что если приду домой, он скорее всего предложит мне выйти за него замуж... и я не смогу ответить ему утвердительно.

— А разве вы не можете просто сказать ему «нет»?

Аннабел склонила голову.

— Нет, — сказала она, удивляясь, почему это слово прозвучало так обреченно. — Моя семья... мы нуждаемся... Она закрыла глаза в приступе боли и нервно глотнула. — После смерти отца все стало так трудно... и...

— Все в порядке. — Оливия остановила ее речь, нежно сжав ее пальцы. — Я все понимаю.

Аннабел улыбнулась сквозь слезы, благодарная этой женщине за ее доброту и вместе с тем отчетливо сознавая, что та понять все до конца не сможет. Только не Оливия Валентайн с ее любящим мужем и состоятельными титулованными родителями. Она и представить не в силах, какой груз лежит сейчас на плечах Аннабел: сознание того, что она единственная в состоянии спасти свою семью, а для этого ей нужно только пожертвовать собой.

Оливия глубоко вздохнула.

— Хорошо, — деловито произнесла она. — Мы попробуем оттянуть это, по крайней мере на день, вы можете оставаться здесь до вечера. Мне необходимо общество.

— Благодарю вас, — промолвила Аннабел. — Как удачно, что мы сегодня встретились!

Оливия хлопнула ее по руке и встала на ноги. Она подошла к окну и посмотрела в него.

— Отсюда вы не сможете увидеть Викерс-Хаус, — покачала головой Аннабел, тяжело вздохнув.

Оливия обернулась, улыбаясь:

— Знаю. Я просто задумалась. Самые лучшие мысли приходят мне в голову, когда я смотрю в окно. Возможно, через часок я немного прогуляюсь. Чтобы посмотреть, стоит ли еще экипаж графа перед Викерс-Хаусом.

— Вы не должны, — промолвила Аннабел. — В вашем положении...

— Оно не мешает мне прогуляться, — закончила за нее Оливия с лукавой усмешкой. — По правде говоря, воздух будет мне даже полезен. Первые три месяца я чувствовала себя ужасно, и, по уверениям матушки, мне будет так же невесело последние три. Так что мне нужно лучше воспользоваться этим «средним» временем.

— Да, это лучший период беременности, — подтвердила Аннабел.

Оливия склонила головку набок и с интересом посмотрела на Аннабел.

— Я старшая из восьми. Моя матушка была беременной почти всю мою юность.

— Восемь детей! Святые небеса! Я по крайней мере одна из трех.

— Вот поэтому-то лорд Ньюбери и хочет на мне жениться, — уныло проговорила Аннабел. — Моя мать была одной из семи, а отец — одним из десяти. Не говоря уже о том, что, по словам сплетников, я такая плодовитая, что птицы на ветках начинают петь, когда я приближаюсь.

— Вы сами слышали? — поморщилась Оливия.

— Я даже нашла это смешным. — Аннабел закатила глаза к небу.

— Хорошо, что вы отнеслись к этому с юмором.

— Приходится. — Аннабел безнадежно пожала плечами. — Если относиться к этому иначе... — Она вздохнула, будучи не в силах завершить фразу. Слишком это было тоскливо.

Она понурилась, уставясь на резную ножку чайного столика. И смотрела на нее, пока контуры не стали расплываться. Вот бы ей ослепнуть, тогда лорд Ньюбери больше ее не захочет. Интересно, можно ли ослепнуть, если день за днем скашивать глаза?

Не исключено. Может быть, стоит попытаться?

Она склонила голову набок.

— Мисс Уинслоу? Аннабел! С вами все в порядке?

— Все хорошо, — откликнулась Аннабел, продолжая упорно вглядываться в ножку столика.

— А вот и чай! — воскликнула Оливия, с облегчением нарушая неловкое молчание. — Сейчас, сейчас. — Она поставила чашку на блюдце. — Как вы его пьете?

Аннабел с неохотой оторвала взгляд отрезной ножки и заморгала, приводя глаза в обычное состояние.

— С молоком, пожалуйста. И без сахара.

Оливия подождала, пока чай настоится, щебеча попутно о том о сем и ни о чем в особенности. Аннабел была счастлива... нет, благодарна, что может просто сидеть и слушать. Она узнала о золовке Оливии, которая не очень любила наезжать в город, и о ее брате-близнеце, который временами был истинным дьяволенком.

— Впрочем, — возвела очи к небу Оливия, — я все равно его люблю.

Аннабел потягивала горячий напиток, а Оливия рассказывала ей о работе мужа.

— Он раньше переводил какие-то бумаги. Такие скучные. Казалось бы, документы Военного министерства должны быть полны интриг, но поверьте мне, это не так.

Аннабел пила чай и кивала — почти машинально.

— Он все время жалуется на эти книжки Горли, — продолжала Оливия. — Стиль у них совершенно жуткий. Но, по-моему, втайне ему нравится их переводить. — Она задумалась и, словно вдруг сообразив, заметила: — Вообще-то он должен благодарить Себастьяна за эту работу.

— Неужели? С какой стати?

Оливия открыла рот, но прошло несколько мгновений, пока она промолвила:

— Честно говоря, я не совсем понимаю, как это все произошло. Себастьян читал князю Алексею. Вы, кажется, виделись с ним прошлым вечером?

Аннабел кивнула, а затем нахмурилась:

— Он читал роман Горли князю?

У Оливии был такой вид, словно она и сама не понимает, как это случилось.

— Это было замечательно. — Она покачала головой. — Я до сих пор не могу в это поверить. Он довел служанок до слез.

— О Боже! — Нет, ей действительно нужно будет прочитать хотя бы одну из книжек Горли.

— Во всяком случае, князь Алексей влюбился в тот роман — «Мисс Баттеруорт и сумасшедший барон». Он попросил Гарри перевести его, чтобы соотечественники князя тоже смогли им насладиться.

— Должно быть, увлекательная история.

— О, несомненно! Смерть от голубей.

Аннабел поперхнулась чаем.

— Вы шутите!

— Нет, клянусь вам: матушку мисс Баттеруорт заклевали голуби. И это после того, как несчастная женщина, единственная из всей семьи — кроме, разумеется, мисс Баттеруорт, — пережила чуму.

— Бубонную? — заинтересованно уточнила Аннабел, широко открыв глаза.

— Ох нет. Кажется, это была оспа. Хотелось бы мне, чтобы это была бубонная чума.

— Нет, мне явно необходимо прочитать одну из этих книжек, — решительно заявила Аннабел.

— Я могу дать вам одну. — Оливия поставила чашку, встала и пересекла комнату. — У нас здесь множество экземпляров. Гарри иногда делает пометки на страницах, так что мы покупаем по несколько штук. — Она открыла небольшой шкафчик и наклонилась, заглядывая в него. — Ох, я забыла, какая я теперь неуклюжая!

Аннабел начала подниматься со своего места.

— Вам помочь?

— Нет-нет. — Оливия слегка застонала, выпрямляясь. — Вот, пожалуйста, «Мисс Сейнсбери и загадочный полковник». По-моему, это первый роман миссис Горли.

— Спасибо. — Аннабел взяла книжку и коснулась пальцами золотого тиснения букв на обложке. Она открыла первую страницу и прочитала.

Косые лучи восходящего солнца просочились сквозь оконное стекло, и мисс Энн Сейнсбери, съезжившись под изношенным одеялом, задумалась, как теперь бывало не раз, где достать денег на очередную трапезу. Она посмотрела на преданного колли, тихо лежавшего на коврик у ее постели, и поняла, что пришло время принимать судьбоносное решение. Жизни ее братьев и сестер зависели от этого.

Она резко захлопнула книгу.

— Что-то неладно? — поинтересовалась Оливия.

— Нет, просто... ничего. — Аннабел отпила еще глоток чая. Она не была уверена, что хочет сейчас читать про девушку, принимающую судьбоносные решения. Особенно когда от этого зависят жизни ее братьев и сестер. — Думаю, что почитаю ее позднее, — промолвила она.

— Если хотите сделать это сейчас, я буду рада оставить вас в тишине, — сказала Оливия. — Или могу присоединиться к вам. Я еще не дочитала половину сегодняшней газеты.

— Нет-нет, я возьмусь за чтение вечером, — горестно улыбнулась она. — Это меня приятно отвлечет.

Оливия начала было что-то говорить, но в этот момент они услышали, что кто-то входит в двери дома.

— Гарри? — окликнула Оливия.

— Боюсь, это всего лишь я.

Аннабел застыла. Это был мистер Грей.

— Себастьян! — воскликнула Оливия, бросая нервный взгляд на Аннабел. Та отчаянно замотала головой. Она не хотела его видеть. Не теперь, когда была совершенно выбита из равновесия. — Себастьян, я вас не ждала, — удивленно произнесла Оливия, торопясь к двери в гостиную.

Он остановился на пороге и склонился, чтобы поцеловать золовку в щечку.

— С каких это пор вы меня ждете или не ждете? Что за церемонии?

Аннабел съезжилась на диване. Может быть, он ее не заметит? Платье на ней было почти такого же синего цвета, как обивка дивана. Может быть, она с ней сольется?! А может быть, он стал плохо видеть из-за того, что пришлось несколько дней косить глазом. Может быть...

— Аннабел? Мисс Уинслоу?

Она жалобно улыбнулась.

— Что вы здесь делаете? — Он быстро пересек комнату. Лоб его тревожно нахмурился. — Что-то неладно?

Аннабел покачала головой, не в силах выдавить из себя ни слова, а ведь уже было решила, что успокоилась. Они же только что смеялись с Оливией!.. Но один взгляд на мистера Грея, и все, что она старалась подавить в себе, вновь поднялось, отозвавшись жжением в глазах и комком в горле.

— Аннабел? — произнес он, опускаясь перед ней на колени.

Она разразилась слезами.

Глава 17

Себастьян последний раз видел Аннабел прошлым вечером после ее танца с дядей. Взгляд ее был непроницаем, и она выглядела притихшей, однако ничто не предвещало ее сегодняшних переживаний. Сейчас она рыдала так, словно весь мир обрушился ей на плечи, стремясь раздавить.

У Себа возникло ощущение, что его крепко ударили под дых.

— Господи Боже! — обратился он к Оливии. — Что случилось?

Оливия поджала губы и ничего не сказала. Она лишь наклонила голову в сторону Аннабел, но у Себа создалось впечатление, что она его выругала.

— Ничего особенного, — рыдала Аннабел.

— Что-то произошло, — сказал он и снова посмотрел на Оливию, настойчиво и раздраженно.

— Ты прав, — подтвердила Оливия.

Себ выругался про себя.

— Что сделал Ньюбери?

— Ох, — тихо вздохнула Аннабел. — Он ничего не сделал, потому что... потому что...

Себастьян нервно глотнул. Ему совсем не нравилась тошнота, подступавшая к горлу. Его дядю никогда не обвиняли в нечестности или жестокости, но ни одна женщина и не назвала бы его деликатным. Ньюбери принадлежал к тем людям, которые причиняли боль по небрежности или, скорее, из эгоизма. Он, нисколько не стесняясь, брал то, что хотел, так как считал, что вполне заслуживает этого. А если его потребности вступали в противоречие с чьими-то еще, ему было на это наплевать.

— Аннабел, — повторил он, — я настаиваю — вы должны рассказать, что произошло.

Но она продолжала плакать, громко глотая слезы и задыхаясь, а ее нос...

Он передал ей свой носовой платок.

— Спасибо, — кивнула она. И высморкалась в него. Дважды.

— Оливия, — рявкнул он, оборачиваясь к кухне, — может, расскажешь мне, что тут стряслось?

Оливия подошла к нему и скрестила руки на груди с видом оскорблено-негодующим, какой могут принимать только женщины.

— Мисс Уинслоу решила, что твой дядя собирается сделать ей предложение. А она не в восторге от такой перспективы.

Он испустил глубокий облегченный вздох. Его это известие не удивило. Аннабел являла собой все, чего дядюшка ждал от своей невесты. Особенно сейчас, когда он уверился, что Себастьян тоже ей небезразличен.

— Ну-ну, — произнес он, стараясь, чтобы это прозвучало успокоительно. Он взял в руку ее пальчики и бережно сжал. — Все образуется. Я тоже расплакался бы, если б он попросил меня выйти за него замуж.

Она подняла на него глаза и попыталась улыбнуться, но тут же снова расплакалась.

— Неужели вы не в состоянии сказать ему «нет»? — спросил он и повторил, обращаясь к Оливии: — Разве она не может отказать ему?

Оливия снова скрестила руки на груди.

— А вы как думаете? Пораскиньте-ка мозгами.

— Если б я знал, что думать, я не задавал бы этого вопроса. Не так ли? — почти рявкнул он, поднимаясь на ноги.

— Она старшая из восьми детей, Себастьян. Из восьми!

— Ради всего святого, — взорвался он, — может быть, ты скажешь прямо, что имеешь в виду?!

Аннабел подняла на него глаза, на миг затихнув.

— Теперь я полностью понимаю и разделяю ваши чувства, — сообщил он ей.

— У нас совсем не осталось денег, — робко объяснила Аннабел. — Сестрам пришлось отказать от гувернантки. Братьев должны будут отчислить из школы.

— А как насчет ваших деда и бабки? Ведь у Викерсов наверняка хватит денег оплатить несколько счетов за образование.

— Мой дед не разговаривал с моей матушкой на протяжении двадцати лет. Он так никогда и не простил ее за то, что она вышла замуж за моего отца. — Она замолчала, стремясь выровнять дыхание, и еще раз воспользовалась носовым платком. — Он принял меня сейчас в свой дом только потому, что бабушка настояла. А она согласилась на это потому... ну не знаю почему. По-моему, она решила, что это будет забавно.

Себ перевел взгляд на Оливию. Она все еще неподвижно стояла на месте, скрестив руки на груди, и выглядела как воинственная наседка.

— Извините, — пробормотал он, обращаясь к Аннабел, затем схватил Оливию за руку и увлек в дальний конец комнаты. — Что вы хотите, чтоб я сделал? — тихо спросил он.

— Понятия не имею.

— Да перестаньте вы, ей-богу! Вы гневно смотрите на меня с той минуты, как я сюда вошел. Значит, считаете виноватым.

— Она расстроена.

— Я и сам это вижу, — кивнул он.

Оливия ткнула его пальцем в грудь:

— Ну так сделайте что-нибудь!

— Здесь нет моей вины! — И это было правдой. Ньюбери пожелал взять ее в жены до того, как Себастьян невольно вмешался в эту историю. Она пребывала бы в том же состоянии, даже если бы он никогда ее не встретил.

— Ей необходимо выйти замуж, Себастьян.

О, ради всего святого!

— Вы предлагаете, чтобы я сделал ей предложение? — осведомился он, прекрасно понимая, что она именно этого и хочет. — Я знаком с ней меньше недели.

Кузина смотрела на него как на последнего негодяя. Черт побери, он и чувствовал себя таким. Аннабел сидела в другом конце комнаты и всхлипывала в платок. Надо было обладать каменным сердцем, чтобы не захотеть ей помочь. Но как это сделать?

Женитьба?! Кем нужно быть, чтобы жениться на девушке, которую знал — сколько времени прошло с их первой встречи? — восемь дней? Свет может считать его глупцом и легкомысленным человеком, но так было лишь потому, что ему нравилось так себя вести. Он поддерживал этот облик, потому что... потому что... да, черт его знает, почему он так поступал. Возможно, потому что это его забавляло.

Но он полагая, что Оливия знает его лучше.

— Мне нравится мисс Уинслоу, — прошептал он. — Правда. И я сожалею, что она оказалась в такой ужасной ситуации. Я лучше кого бы то ни было знаю, каким несчастным будет ее существование рядом с Ньюбери. Но не я это придумал. И не моя это проблема.

Полные разочарования глаза Оливии буквально сверлили его.

— Вы же сами вышли замуж по любви, — напомнил он ей.

Она стиснула зубы, и Себастьян понял, что его удар попал в цель. Он не мог понять, почему это заставило его почувствовать себя виноватым, но он тем не менее продолжил:

— Неужели вы откажете мне в такой же судьбе?

Разве что...

Он перевел взгляд на Аннабел. Она потерянно уставилась в окно. Ее волосы растрепались, выбиваясь из прически, и один локон упал на спину, слегка ниже плеч.

«Когда он намокнет, то станет еще длиннее», — подумалось ему.

Но он никогда не увидит ее мокрых локонов.

Он с трудом глотнул.

— Вы правы, — внезапно промолвила Оливия.

— Что? — Он растерянно посмотрел на нее.

— Вы правы, — повторила она. — Было бы несправедливо ждать от вас, чтобы вы подхватили ее на руки и спасли. Она не первая девушка в Лондоне, которой приходится ходить замуж за того, кто ей не нравится. — Не первая, — согласился Себастьян, глядя на нее с подозрением. Она, кажется, что-то придумала. Она такая. Он терпеть не мог, когда не понимал, что у женщины на уме.

— Ведь не можете же вы спасти всех и каждую.

Он покачал головой, но без особой убежденности.

— Ладно, — бодро проговорила Оливия, — мы можем выручить ее по крайней мере на один день. Я сказала ей, что она может оставаться здесь до вечера. Наверняка у Ньюбери еще до этого срока лопнет терпение, и он отправится домой.

— Он сейчас в ее доме?

Оливия коротко кивнула.

— Она возвращалась домой от... Ну я не знаю точно откуда. Наверное, из лавок. И увидела, как он вылезал из экипажа.

— Аннабел уверена, что он приехал делать ей предложение?

— По-моему, ей не захотелось находиться в доме, чтобы убедиться в этом, — язвительно откликнулась Оливия.

Он медленно кивнул. Было трудно поставить себя на место Аннабел, но он полагал, что поступил бы так же.

Оливия бросила взгляд на каминные часы.

— У меня назначена встреча, — проговорила она.

Он ни на секунду не поверил ей, но все-таки заверил:

— Я останусь с ней.

Оливия испустила глубокий вздох.

— Полагаю, что нам следует послать записку ее бабушке и деду. В какой-то момент они могут ее хватиться. Хотя, зная ее бабу, за это нельзя ручаться.

— Напишите, что пригласили ее на чай, — предложил он. — Они не могут возражать против вашего общества. — Оливия была одной из самых популярных молодых матрон Лондона, и любой был бы рад отпустить дочь или внучку под ее крылышко.

Оливия кивнула и направилась к Аннабел. Себастьян решил выпить и затем, опорожнив рюмку одним глотком, налил себе еще. И прихватил еще одну для Аннабел. К тому времени как он отнес ее к ней, Оливия распрощалась и направилась к двери.

Он протянул напиток Аннабел.

— У меня назначена встреча, — объявила еще раз во всеуслышание Оливия.

Себастьян кивнул.

— Возьмите, — произнес он. — Может, вам этого не захочется... а может, захочется.

Она взяла рюмку и сделала крохотный глоток, потом поставила ее.

— Моя бабушка пьет слишком много, — проговорила она тоскливо.

Он ничего не ответил, просто сел на ближайший к дивану стул и пробормотал что-то невнятно-успокоительное. Неумел он общаться с грустными женщинами. Не знал, что им говорить. А может, догадывался?

— Она не делается пьяной. Просто немножко глупеет.

— И настраивается на любовь? — улыбнулся он краешком рта. Это было непристойное замечание, но он не мог смотреть на печаль в ее глазах. Если он этим сможет заставить ее улыбнуться... оно того стоит.

И она улыбнулась. Чуть-чуть. И все же он ощутил победу.

— Ах, это. — Она прикрыла рот ладонью и покачала головой. — Мне очень жаль, — с чувством добавила она. — Правда. Я никогда не чувствовала такой неловкости. И никогда не видела, чтобы она делала такое раньше.

— Ее смутило мое обаяние и красивое лицо. Бывает...

Она с укором посмотрела на него.

— Надеюсь, вы не собираетесь сказать что-нибудь о моей скромности и сдержанности? — пробормотал он.

Она качнула головой, но в глазах ее снова засверкали лукавые искорки.

— Мне никогда не удавалось убедительно солгать. Вы все равно не поверите.

Он фыркнул.

Она сделала еще маленький глоток из рюмки, потом поставила ее на столик, но не выпустила из рук. Ее пальцы забарабанили по стеклу, проходясь вдоль ободка. Она не умела сидеть неподвижно... его Аннабел.

Он удивился, почему это ему нравилось. Это было на него не похоже. Он всегда предпочитал держаться неподвижно. Вероятно, поэтому и был таким хорошим стрелком. На войне ему иногда приходилось часами сидеть неподвижно в снайперском окопе, дожидаясь идеального момента, чтобы спустить курок.

— Я просто хотела, чтобы вы знали... — начала она.

Он молча ждал. Чтобы ни пыталась она сказать, это явно давалось ей с трудом.

— Я просто хотела, чтобы вы знали, — снова начала она, и было видно, что она сейчас собирает воедино все свое мужество, — что все происходящее не имеет к вам ни малейшего отношения. И я вовсе не жду...

Он покачал головой, стремясь избавить ее от трудного объяснения:

— Ш-ш-ш... Вам ничего не нужно говорить.

— Но леди Оливия...

— Эта добрая женщина любит вмешиваться в чужие дела, — прервал ее он. — Давайте мы с вами просто притворимся на минуту... — Он вдруг оборвал себя на полуслове. — Это что? Одна из книжек Горли?

Аннабел, растерянно заморгав, опустила глаза вниз. Она совершенно забыла, что держит ее на коленях.

— Да. Леди Оливия одолжила ее мне.

Он нетерпеливо протянул руку:

— Которую она вам дала?

— Э-э... — Она поторопилась прочесть название: — «Мисс Сейнсбери и загадочный полковник». — Она передала ему книгу. — Полагаю, что вы ее читали.

— Разумеется. — Он раскрыл книгу на первой странице. «Косые лучи восходящего солнца...» — прочитал он про себя. Он ясно помнил, как написал эти слова. Нет, не со всем так. Он вспомнил, как придумал их. Он придумал весь начальный абзац, прежде чем записать его. Он столько раз повторял его мысленно, уточняя и переделывая, пока не добился того, чего хотел.

Это был судьбоносный момент. Точка перелома его жизни. Момент, разделивший его жизнь на «до» и «после». Момент, решивший его судьбу. Та ночь в его комнате... Она не отличалась от предыдущей и той, что была еще раньше. Он не мог заснуть. В этом не было ничего нового или особенного. За исключением того, что по какой-то причине... необъяснимой, чудотворной причине он вдруг начал сочинять книжку.

А потом и всерьез взялся за перо.

Теперь он должен был жить в этом «после». Он посмотрел на Аннабел.

— Хотите, я вам ее почитаю? — спросил он неожиданно громким голосом. Но ему было необходимо каким-то образом изменить направление собственных мыслей. И кроме того, это могло ее отвлечь... и даже развлечь.

— Хорошо, — неуверенно улыбнулась она. — Леди Оливия говорила, что вы замечательный чтец.

Никак не могло случиться, что Оливия высказалась именно так.

— Она так сказала? Неужели?

— Ну-у, не совсем так. Но она вспомнила, что вы заставили плакать служанок.

— Добрыми слезами, — успокоил он ее.

Она весело — в самом деле весело — хихикнула. Он тоже рассмеялся... и сам этому удивился.

— Итак, слушайте, — произнес он. — «Глава первая». — Он откашлялся и начал: — «Косые лучи восходящего солнца просочились сквозь оконное стекло, и мисс Энн Сейнсбери, съевшись под изношенным одеялом, задумалась, как теперь не раз бывало, над тем, где достать денег на очередную трапезу».

— Я могу это ясно себе представить, — вздохнула Аннабел.

Он посмотрел на нее удивленно... и с удовольствием:

— Вот как?

Она кивнула:

— Я всегда рано просыпалась. До того, как приехала в Лондон. По утрам у нас там свет совсем другой. Более золотистый. Я всегда думала... — Она оборвала себя, склонила голову набок и нахмурила брови. Это было прелестное выражение лица. Себастьян почти решил, что если взглянуть повнимательнее, можно увидеть, как текут ее мысли. — Вы точно знаете, что я хочу сказать, — проговорила она.

— Почему вы так решили?

— Ну как же... — Она выпрямилась, и в глазах ее мелькнуло воспоминание. — Помните, как я встретила вас на вечере у Трубриджей?

— На пустоши, — вздохнул он. Случившееся там уже превратилось в далекое милое воспоминание. Этакую сагу.

— Да. Вы сказали что-то насчет утреннего света. Сказали, что вы... — Она замолчала, отчаянно покраснев. — Впрочем, это не важно.

— Должен заметить, что теперь я действительно хочу знать, что же тогда сказал.

— О... — Она быстро покачала головой. — Нет.

— И все-таки? — настаивал он.

— Вы сказали, что вам хотелось бы в нем купаться, — залпом выпалила она и смутилась.

— Я так сказал? — Странно. Он не помнил, что говорил такое. Конечно, иногда он погружался в раздумья, и звучало это, будто он мыслил вслух.

Она кивнула.

— Хм-м... Что ж, полагаю, я мог сказать нечто в этом роде. — Он наклонил голову к ней, как делал, если собирался сострить. — Но думаю, что я предпочел бы делать это в одиночестве.

— Разумеется.

— Хотя, возможно, неплохо было бы разделить это одиночество на двоих, — после небольшой паузы пробормотал он.

— Прекратите, — не слишком уверенно возразила она. Он бросил на нее быстрый взгляд, когда она думала, что он смотрит в другую сторону. Она улыбалась сама себе, видимо, вспоминала о чем-то приятном. Молодчина! Умеет держаться в трудных обстоятельствах.

О чем, черт побери, он думает? Все, что она себе позволила, — это не устроила ему взбучку за несколько рискованное замечание. Вряд ли это стоило называть трудным обстоятельством.

Нет, ему следует быть осторожнее в своих высказываниях, а то он вообразит, что перед ним настоящая героиня. А так ли это? Ведь чем он занимался каждую ночь с пером в руке и бумагой? Создавал, выдумывал характеры. Если сейчас он позволит своему воображению разыграться, то скоро превратит Аннабел в идеальную женщину. Что было бы несправедливо по отношению к ним обоим. Так чего ради стараться?

Он еще раз откашлялся и указал на книжку:

— Мне читать?

— Пожалуйста.

— «Она опустила глаза на своего любимого колли...»

— У меня есть собака, — выпалила она.

Он с удивлением посмотрел на нее. Его удивило не то, что у нее имеется собака: она явно принадлежала к тем людям, у которых она должна быть. Но он не ждал, что его снова перебьют. Словоохотливая у него слушательница.

— У вас есть собака?

— Борзая.

— Она участвует в гонках?

Аннабел покачала головой:

— Ее зовут Мышь. Какие могут быть гонки?

— Вы жестокая женщина, Аннабел Уинслоу.

— Боюсь, что это имя ей подходит.

— Значит, ваша Мышь не выиграла титул «Самая быстрая Уинслоу в погоне за индюком»?

Аннабел фыркнула:

— Не довелось.

— Но вы сказали, что в другом состязании пришли третьей, — напомнил он ей.

— С собаками мы не соревновались, но между собой иногда выясняли, кто быстрее. — И добавила: — Двое моих братьев считаются самыми быстроногими.

Он снова взялся за книгу.

— Хотите, чтобы я продолжал?

— Я скучаю по своей собаке, — вздохнула она.

Видимо, читать дальше не стоило.

— А у ваших деда и бабушки нет собак? — поинтересовался он.

— Нет. Только у Луизы ее нелепая собачка.

Он вспомнил толстую маленькую сосиску на лапках, которую видел в парке.

— Очень крепкий песик.

Аннабел фыркнула:

— Кто может назвать собаку Фредериком?

— Э-э...

Она перепрыгивала с темы на тему, как воробышка. Потом уселась по прямее.

— Луиза называет своего песика Фредериком! Вам это не кажется нелепым? — спросила она.

— Не очень, — признался он.

— Моего брата зовут Фредерик.

Он не мог понять, почему она сообщает ему все это, но, казалось, воспоминания отвлекают Аннабел от ее неприятностей, так что он не стал возражать.

— А Фредерик — один из быстроногих?

— Вообще-то да. Он к тому же «Уинслоу, меньше других способный стать викарием». — Она указала на себя: — В этом я точно бы его обогнала, но девиц не берут в священники по религиозным соображениям.

— Ну конечно, — пробормотал он. — Еще заснут в церкви и тому подобное. — Затем ему пришло в голову уточнить. — Вы и вправду это сделали? Заснули во время проповеди?

Она испустила усталый вздох:

— Грешно.

Он не удержался от смешка.

— Из нас вышла бы чудная парочка.

— Вы тоже не лучшим образом вели себя в церкви?

— Как вам сказать... Я, правда, никогда не засыпал. Меня выгоняли за плохое поведение.

Она наклонилась вперед. Глаза ее засверкали.

— Что же вы такое делали?

Он проказливо усмехнулся:

— Пусть это останется тайной.

Аннабел откинулась на спинку.

— Это нечестно.

Он только пожал плечами:

— Теперь я просто туда не хожу.

— Никогда?

— Никогда. Хотя, говоря по правде, я наверняка там бы заснул.

И он не кривил душой. Церковные службы начинались слишком рано для человека, не спавшего всю ночь.

Она улыбнулась, но улыбка ее была несколько тревожной. Она поднялась на ноги, он тоже начал вставать, но она махнула рукой:

— Пожалуйста, ради меня не торопитесь.

Себастьян смотрел, как она подошла к окну и уперлась лбом в стекло.

— Как вы думаете, он все еще там? — спросила она.

Он не стал притворяться, что не знает, о ком она говорит.

— Возможно. Он очень настойчивый. Если ваши родичи сказали ему, что вы скоро вернетесь, он будет дожидаться.

— Леди Оливия сказала, что проедет мимо Викерс-Хауса после своего свидания и посмотрит, там ли еще его экипаж. — Аннабел обернулась к нему и, не поднимая глаз, уточнила: — У нее ведь не назначено никакой встречи. Не так ли?

Он было собрался солгать, но не стал этого делать.

— Думаю, что нет.

Аннабел медленно кивнула, затем ее лицо сморщилось, а он лишь успел подумать: «Только бы не заплакала!» — потому что не знал, как вести себя с плачущими женщинами. Особенно с плачущей Аннабел. Но прежде чем придумал подходящее утешение, вдруг понял...

— Вы что, смеетесь?

Она покачала головой, но смеха не сдержала.

Он поднялся на ноги.

— Что тут смешного?

— Ваша кузина, — с трудом выговорила Аннабел, борясь со смехом. — По-моему, она старается вас скомпрометировать.

Это была самая нелепая мысль, которая только могла прийти в голову... но, пожалуй, самая верная.

— Ох, Аннабел! — произнес он, направляясь к ней грациозной походкой хищника. — Я давным-

давно скомпрометирован.

— Мне очень жаль. — Она все еще смеялась. — Я не хотела ни на что намекать...

Себастьян подождал, но окончание ее фразы потонуло в новом взрыве смеха.

— Ох! — Она прислонилась к стене, держась за живот.

— И это было совсем не смешно, — сказал он, но, говоря это, сам улыбался. Когда она смеялась, нельзя было не улыбнуться.

У нее был необыкновенно чудесный смех.

— Нет-нет, — задыхалась она, — не в том дело. Извините, я о другом подумала.

Он выждал немного, но объяснения не последовало. Наконец он промолвил:

— Может быть, объясните мне, что все-таки имеете в виду?

Она фыркнула и зажала обеими руками рот.

— У вас такой вид, словно вы плачете, — покачал головой он.

— Вовсе нет, — прозвучал приглушенный ответ.

— Знаю. Я просто решил сказать вам это, чтобы вы не удивились, если кто-то войдет сюда и сочтет, будто я довел вас до слез.

Она взглянула на него сквозь пальцы:

— Простите.

— Так что же вас так насмешило? — Потому что теперь ему действительно захотелось узнать, в чем дело.

— О... просто... прошлым вечером, когда вы говорили со своим дядей... — Он откинулся на спинку дивана и терпеливо ждал. — Вы сказали, что хотели вернуть меня в чуткие объятия света.

— Не самый элегантный оборот речи, — согласился он.

— Я только и могла подумать... — У нее был такой вид, словно она вот-вот снова взорвется смехом. — Я не уверена, что мне нравятся эти объятия. Лучше бы обойтись без них.

— Для меня это тоже не самые привлекательные объятия, — вздохнул он, стараясь не смотреть на ее грудь.

Но его слова заставили ее снова смеяться так сильно, что грудь ее бурно затрепетала. Что произвело не менее бурное воздействие на некоторые иные части его организма.

Он застыл и смущенно закрыл глаза.

— Поверить не могу, что я сказал такое.

Себ перестал дышать. Он мог только смотреть на нее, на ее губки — сочные, розовые, все еще

растянутые в улыбке.

Ему захотелось ее поцеловать. Ему хотелось ее целовать даже больше, чем дышать. Наверное, это вряд ли можно было признать разумным желанием, потому что если бы он рассуждал разумно, то отступил бы... Выбежал из этой комнаты... и направился принимать очень холодную ванну.

Вместо этого он шагнул к ней. Положил руку поверх ее рук, бережно придерживая их там, где они лежали.

Ее губы приоткрылись, и он ощутил ее нежный выдох. Он не знал точно, был ли это именно выдох или тишайшее «ах»... и ему это было уже все равно. Он хотел, чтобы ее дыхание слилось с его дыханием.

Себ наклонился вперед. Медленно. Он не мог торопить этот момент, не мог потратить впустую ни единой секунды. Он хотел все запомнить. Хотел, чтобы каждый миг навсегда был запечатлен в его памяти. Он хотел знать, что чувствуешь, когда находишься всего в двух дюймах, а потом в одном, а потом...

Он сомкнул свои губы с ее губами. Сначала одно крохотное летучее прикосновение... и отпрянул. Он хотел смотреть на нее, точно знать, как она выглядит после поцелуя. И как она выглядит, ожидая следующего.

Он сплел пальцы с ее пальцами и медленно оттянул ее руку от лица.

— Посмотри на меня, — прошептал он.

Но она потрясла головой, не открывая глаз.

И тогда он больше не смог ждать: обнял ее, притянул к себе, прижался губами к ее губам. Но происшедшее между ними оказалось чем-то большим, чем просто поцелуй. Его ладони скользнули вниз по ее спине на крутую попку и сжались. Он не сознавал, пытается ли теснее привлечь ее к себе или просто наслаждается пышностью ее плоти.

В его руках она была богиней, нежной и сочной, и ему хотелось поглощать ее... ощущать каждый ее дюйм. Он хотел касаться ее форм, гладить их и мять... Господи, он почти забыл, что целует ее... Ах, это ее прекрасное тело! В его объятиях заключалось какое-то волшебство, и когда он оторвался от ее рта, чтобы передохнуть, то уже не мог сдерживаться. Со стоном он перешел поцелуями к ее подбородку, потом шейке. Ему хотелось не ограничиваться ее губками, а покрыть поцелуями ее всю... целовать ее повсюду.

— Аннабел, — простонал он, а пальцы его торопливо расстегивали пуговички сзади на платье. Он умел делать это ловко, прекрасно знал, как раздевать женщину. Обычно он делал это медленно, наслаждаясь каждым моментом, каждым дюймом обнажаемого тела, но с ней... он не мог ждать. Как безумный, он протискивал пуговицы в петельки, пока не расстегнул их достаточно, чтобы спустить платье с ее плеч.

Ее сорочка была очень простой: никакого шелка, никаких кружев, только тонкий белый ситец. Но он обезумел от этого. Она не нуждалась в приукрашиваниях. Она сама была совершенной.

Дрожащими пальцами он перешел к завязкам на ее плечах и потянул их, едва дыша, когда тонкие полоски материи спали прочь. Себ прошептал ее имя... Потом повторил его снова и снова. И услышал ее стон, нежный, еле слышный стон, который стал еще более низким и

хриловатым, когда его рука скользнула по ее плечу к пышному изгибу ее груди. На ней был легкий корсет, но он все же слегка приподнимал ее груди, делая их невероятно высокими и округлыми.

Он едва не потерял самообладание тут же и сейчас. Наверное, все-таки следовало остановиться. Прекратить это безумие. Она была приличная молодая леди, а он обращался с ней как с...

Он прижался к ней прощальным поцелуем, вдохнул ее жаркий аромат, с трудом оторвался от нее.

— Мне очень жаль, — задыхаясь, прошептал он. Но ему вовсе не было жаль. Конечно, ему, как порядочному человеку, следовало принести извинения, но он и думать не хотел, что когда-нибудь пожалеет о том, что касался ее так интимно.

Себ начал отворачиваться, так как понимал, что не сможет смотреть на нее и не прикасаться к ней снова. Но прежде чем сделал это, заметил, что глаза ее по-прежнему закрыты.

Сердце его ухнуло куда-то вниз, и он бросился к ней.

— Аннабел! — окликнул он ее, касаясь девичьего плеча, потом щеки. — Почему твои глаза закрыты?

— Я боюсь.

— Чего?

Она судорожно глотнула.

— Себя. — И открыла глаза. — Того, чего я хочу. И того, что мне предстоит сделать.

— Разве ты не хочешь, чтобы я... — Господи, разве она не хотела его? Он пытался соображать. Разве не отвечала она на его поцелуи? Он никак не мог вспомнить. Он был так переполнен ею, своими переживаниями, своей потребностью в ней, что не мог вспомнить, что делала она.

— Нет, — мягко ответила она. — Я хотела тебя. В этом-то вся загвоздка. — Она снова закрыла глаза, но лишь на мгновение. У нее был такой вид, словно она пытается возродить в душе нечто добродетельное. А потом она снова их открыла. — Ты можешь мне помочь?

Он открыл рот, чтобы сказать «да», убедить, что он ей непременно поможет. Что сделает все, что в его силах, чтобы защитить ее от своего дяди, спасти ее семью и сохранить пребывание ее братьев в школе. Но вдруг заметил, что Аннабел указывает на свои бретельки, и понял: она просит его помощи, чтобы одеться. Все гораздо проще.

И он ей помог. Завязал все тесемки, застегнул пуговицы и не сказал ни слова, когда она уселась у окна, а он — на стул у двери.

Они ждали. Никто не понимал, чего именно. Наконец спустя, казалось, несколько часов Аннабел встала и объявила:

— Она вернулась.

Себастьян поднялся на ноги, наблюдая за Аннабел, которая смотрела в окно на Оливию, выходящую из экипажа. Она обернулась, и у него само собой вылетело:

— Вы выйдете за меня замуж?

Глава 18

Аннабел чуть не упала.

— Что?

— Это не совсем тот ответ, которого я ждал, — пробормотал Себастьян.

А она, казалось, не могла осознать то, что услышала.

— Вы хотите на мне жениться?

Он склонил голову набок.

— По-моему, я именно об этом вас сейчас спросил. И жду вашего решения.

— Вы не обязаны делать это, — успокоила его Аннабел, потому что... она была скорее всего идиоткой, и именно так отвечают идиотки, когда мужчина просит их выйти за него замуж. Они отвечают им, что совершать такой подвиг необязательно.

— Вы ответили «нет»?

— Нет!

Он улыбнулся:

— Значит, вы сказали «да».

— Нет! — Господи Боже, у нее кружится голова и все плывет вокруг!

Он сделал шаг к ней.

— Вы как-то неясно выражаетесь, Аннабел.

— Вы намеренно застигли меня врасплох, — возмутилась она.

— Я и сам застиг себя врасплох, поверьте, — тихо произнес он.

Она ухватилась за спинку стула, на котором раньше сидела. Это был донельзя неудобный предмет мебели, но он стоял около окна, так что Аннабел могла без помех наблюдать за появлением леди Оливии. О Боже, ну почему она — думает о каком-то дурацком стуле?! Ведь Себастьян Грей только что предложил ей выйти за него замуж!

Она бросила взгляд в окно. Леди Оливия продолжала сидеть в своем экипаже. У нее оставалось минуты две. Ну может быть, три.

— Почему? — спросила она Себастьяна.

— Вы спрашиваете меня — почему?

Она кивнула:

— Я не девица в беде. То есть вообще-то в беде, но вы не обязаны меня спасать.

— Не обязан, — согласился он.

Она приготовилась к спору, возможно, не слишком внятному, но все-таки выяснению истины. Но теперь его ответ совершенно ее ошеломил. А Себ тем временем продолжал:

— Вы правы. Никакая ответственность на мне не лежит. — Он стал приближаться к ней, обольстительно сокращая расстояние между ними. — Но брак станет для меня удовольствием.

— О Боже!

Он улыбнулся.

— Я вернулась! — прозвучал из холла голос леди Оливии.

Аннабел подняла глаза на Себастьяна. Он стоял слишком близко.

— Я вас целовал, — тихо произнес он.

Она не могла говорить. Она еле могла дышать.

— Я целовал вас так, как муж целует жену.

Каким-то образом он оказался еще ближе. Теперь она уж точно не могла вздохнуть.

— Я надеюсь, — пробормотал он, и его дыхание было так близко, что она ощутила его кожей, — что вам это понравилось.

— Себастьян? — Это была леди Оливия. — Ой!

— Позже, Оливия, — бросил он, даже не поворачиваясь. — И пожалуйста, закрой дверь.

Аннабел услышала, как дверь в гостиную закрылась.

— Мистер Грей, я не уверена...

— Вам не кажется, что настала пора начать называть меня Себастьяном?

Она с трудом сглотнула.

— Себастьян, я...

— Извините. — На пороге вновь возникла леди Оливия. — Я не могу...

— Оливия, вы можете! — повысил голос Себастьян.

— Нет, право же, не могу. Это мой дом, а она незамужняя девица, и...

— И я прошу ее выйти за меня замуж.

— Ох! — Дверь снова закрылась.

Аннабел пыталась сохранить здравый рассудок, но это удавалось с трудом. Себастьян улыбался ей, глядя сверху вниз с таким выражением лица, словно намеревался ее проглотить, и волны странных ощущений побежали по ее телу, которое она вдруг почти перестала чувствовать. Однако она не могла забыть, что леди Оливия стояла буквально за дверью. И еще кое о чем ей

следовало помнить.

— Подождите минутку! — воскликнула она, просовывая между ними ладони. Она слегка толкнула его и, когда это не подействовало, повторила это движение уже сильнее.

Он попятился, но улыбаться не перестал.

— Вы только что сказали ей, что не хотите на мне жениться, — проговорила она.

— Хм-м-м... Разве?

— Всего пару часов назад. Когда я плакала. Вы сказали, что знаете меня всего около недели.

— Ах, это, — небрежно бросил он.

— Вы думали, что я не слышала?

— Я действительно знаком с вами около недели.

Она ничего не ответила, и Себастьян, наклонившись к ней, сорвал быстрый поцелуй.

— Я просто передумал.

Она оглядела комнату в поисках часов.

— За какие-то два часа?

— На самом деле за два с половиной. — И, одарив ее лукавейшей улыбкой, добавил: — Но согласитесь, они определили мою судьбу — эти два с половиной часа.

Оливия с шумом ворвалась в дверь.

— Что вы с ней сделали?

Себастьян застонал и проворчал:

— Знаете ли, из вас выйдет никудышный шпион.

Оливия буквально перелетела через комнату.

— Ты скомпрометировал ее прямо в моей гостиной?

— Нет-нет, — поспешила возразить ей Аннабел. — Нет, нет и еще раз нет.

Слишком много этих «нет», — с досадой подумалось Себастьяну.

— Он поцеловал меня, — продолжала объяснять Аннабел Оливии, — но это и все. Надеюсь, у меня еще сохраняется шанс на доброе имя?

Себастьян скрестил руки на груди.

— С каких пор, Оливия, вы стали такой ханжой?

— Это моя гостиная!

Он не видел в этом никакой проблемы.

— Но вас-то здесь не было.

— В том-то и дело, — топнула ногой Оливия и схватила Аннабел за руку: — Вы сейчас же пойдете со мной.

Ну уж нет!

— Куда это вы ее забираете? — требовательно поинтересовался он.

— К ней домой. Я только что проехала мимо. Ньюбери уже там нет.

Себ скрестил руки на груди.

— Она еще не дала мне ответа.

— Она даст вам его завтра. — Оливия повернулась к Аннабел: — Вы можете ответить ему завтра.

— Нет. Подождите минутку. — Себастьян потянулся и привлек Аннабел к себе. Он не позволит Оливии завладеть ситуацией. Крепко придерживая Аннабел около себя, он повернулся к кухне и объявил: — Вы только что настойчиво заставляли меня просить ее выйти за меня замуж. А теперь забираете ее у меня?!

— Вы пытаетесь ее соблазнить!

— Если бы я намеревался это сделать, — прорычал он, — вы по приезде застали бы совершенно другую картину.

— Я все еще здесь, — напомнила Аннабел.

— Возможно, я единственная женщина в Лондоне, которая никогда не была в вас влюблена, — произнесла Оливия, тыча пальцем ему в грудь, — но это не означает, что я не знаю, каким обольстительным при желании вы можете быть.

— Спасибо, Оливия, — покачал головой Себастьян, — какой прелестный комплимент!

Аннабел подняла руку.

— Я по-прежнему здесь.

— Она примет решение, находясь одна у себя дома, а не тогда, когда вы глядите на нее этими своими... такими глазами!

На две секунды Себастьян лишился дара речи, затем буквально согнулся от хохота.

— В чем дело? — резко бросила Оливия.

Себ кивнул головой в сторону Оливии.

— Вообще-то я обычно задираю нос и смотрю на нее ноздрями.

Аннабел крепко сжала губы, стараясь не рассмеяться. У его Аннабел было отличное чувство

юмора.

Оливия скрестила руки на груди и повернулась к Аннабел.

— Разумеется, он лучше лорда Ньюбери, — язвительно объявила она, — и вашу избранницу можно понять. Если, конечно, она ответит вам «да».

— Что здесь происходит? — Это был Гарри, несколько взъерошенный, словно пробежался пальцами по волосам. На щеке у него, красовалось чернильное пятно. — В чем дело, Себастьян?

Себ посмотрел на кузена, потом на Оливию и стал хохотать, причем так безудержно, что шлепнулся в кресло.

Гарри заморгал недоуменно, но потом лишь пожал плечами, словно ничего необычного не происходило.

— А-а, мисс Уинслоу, добрый день. Я вас сразу не заметил.

— Говорила же я тебе, что ты знаешь, как она выглядит, — пробурчала Оливия.

— Я ищу перо, — объяснил Гарри. Он направился к письменному столу и стал проглядывать ящики. — Сегодня сломал уже три.

— Ты сломал три пера? — удивилась Оливия.

Ее муж открыл очередной ящик.

— Все эта Горли виновата. Некоторые из ее предложений... Господи, они длятся бесконечно. Не знаю, хватит ли у меня терпения их перевести.

— Больше старайся, — предложил Себастьян, все еще пытаюсь отдышаться.

Гарри озадаченно посмотрел на него:

— Что с тобой такое?

Себ помахал рукой в воздухе.

— Просто подшучиваю над твоей женой.

Гарри перевел взгляд на Оливию, которая только закатила глаза к небу, и повернулся к Аннабел.

— Ваши шутки иногда переходят границы. Надеюсь, вас хорошо здесь приняли?

Щеки Аннабел залил нежный румянец.

— Да... э-э... даже очень, — пролепетала она.

Однако Гарри в цветах и оттенках не разбирался, так что женских румянцев не замечал.

— А-а, вот оно. — Он нашел наконец перо. — Не обращайтесь на меня внимания. Продолжайте, что вы там... — он посмотрел на Себастьяна и покачал головой, — э-э... что вы там делали.

— Я готов, — торжественно объявил Себастьян, и это прозвучало как брачный обет. Ему самому даже понравилось.

— Я должна идти домой, — промолвила Аннабел, глядя вслед удаляющемуся Гарри.

Себастьян встал — он почти оправился от приступа смеха.

— Я вас провожу.

— Нет, не проводите, — вмешалась Оливия.

— Нет, провожу, — возразил он, вздернув вверх подбородок.

— Что это вы делаете? — взорвалась она.

— Смотрю на вас, — почти пропел он.

Аннабел зажала рот ладонью.

— Моими ноздрями, — добавил он на случай, если Оливия еще не оценила шутку.

Оливия закрыла лицо руками, но вовсе не из-за смеха.

Себастьян склонил голову в сторону Аннабел, что далось ему нелегко, так как он старался оставить нос задранным в сторону Оливии.

— И все-таки, — решительно заявил Себ, — несмотря на ваши возражения, я провожу Аннабел домой.

— Ох, да делайте что хотите, — вздохнула Оливия.

Себастьян склонился к Аннабел и прошептал:

— Я ее измотал.

— Вы меня измотали.

— Нет. Пока нет.

Аннабел вновь покраснела, а Себастьян решил, что никогда так не радовался тому, что отлично различает все краски и оттенки цвета.

— Вы должны дать ей хотя бы день на обдумывание вашего предложения, — настойчиво проговорила Оливия.

Себастьян насмешливо вздернул бровь.

— А сэр Гарри дал вам день на обдумывание?

— Это не важно, — пробормотала Оливия.

— Ладно, — сказал Себастьян, снова поворачиваясь к Аннабел: — Я подчиняюсь большему жизненному опыту моей дорогой кузины. Гарри был по меньшей мере двенадцатым мужчиной, сделавшим ей предложение. А я до сегодняшнего дня ни разу не произнес в присутствии женщины слово «женитьба».

Аннабел улыбку ему. Это было как восход солнца...

— Я явлюсь к вам завтра за ответом, — сказал он, чувствуя, как по его лицу расплывается улыбка. — Но тем временем... — он предложил ей руку, — отправимся в путь.

Аннабел сделала шаг к нему и остановилась.

— По правде говоря, я предпочла бы отправиться домой одна.

— Неужели?

Она кивнула:

— Полагаю, моя служанка все еще здесь, так что она может меня сопроводить. Это ведь недалеко. И... — Она опустила глаза и прикусила нижнюю губку.

Он тронул пальцем ее подбородок и прошептал:

— Говорите прямо, Аннабел. Не стесняйтесь!

Не глядя ему в глаза, она промолвила:

— Мне трудно ясно соображать в вашем присутствии.

Он решил принять это признание как очень обнадеживающий признак.

Аннабел осторожно прикрыла за собой входную дверь особняка и остановилась, прислушиваясь. В доме было тихо. Возможно — как это было бы прекрасно! — дед и бабушка отсутствовали. Она положила книжку на столик при входе, затем стянула перчатки и вновь взялась за книгу, намереваясь поскорее подняться наверх, в свою комнату. Но не успела она сделать и трех шагов, как в дверях гостиной возникла бабушка.

— Вот и ты, — объявила леди Викерс с очень недовольным видом. — Где, черт побери, ты пропадала?

— Просто занималась покупками, — солгала Аннабел. — Встретила несколько друзей. Мы поели мороженого.

Бабушка испустила укоризненный вздох:

— Ты испортишь себе фигуру.

Аннабел нервно улыбку и показала на книгу, которую одолжила ей леди Оливия.

— Я пойду в свою комнату — почитаю.

Однако бабушка, дождавшись, когда она поставит ногу на ступеньку, сообщила:

— Ты пропустила визит графа.

Аннабел невольно проглотила слюну и обернулась.

— Он был здесь?

Бабушка прищурилась, но если и подозревала, что внучка избегает лорда Ньюбери, вслух этого не сказала. Она лишь повела головой в сторону гостиной, явно приглашая Аннабел последовать туда за ней. Та послушалась и остановилась около двери, а бабушка подошла к буфету и налила себе бокал.

— Было бы гораздо удобнее, если бы ты была сегодня дома, — произнесла леди Викерс. — Но я рада сообщить тебе, что мы выжали из него предложение. Он провел почти час с твоим дедом.

— Почти час? — с отчаянием в голосе повторила Аннабел.

— Да, и тебе будет приятно узнать, что я провела все это время, прильнув к замочной скважине. — Она сделала большой глоток и удовлетворенно вздохнула. — Твой дед забыл упомянуть о твоей семье в Глостершире, так что я сочла своим долгом вмешаться.

— Вмешаться?

— Может, мне и пятьдесят три года...

Семьдесят один, коли на то пошло!..

— ...но ум у меня по-прежнему острый. — Леди Викерс с грохотом опустила бокал на стол и наклонилась вперед, Необычайно довольная собой. — Ньюбери позаботится, чтобы все четверо твоих братьев отучились в университете и купит патент, если кто-то из них захочет на военную службу. А что касается твоих сестер, то мне удалось добиться только небольшого приданого для них, но все равно это больше, чем у тебя сейчас. — Она отпила большой глоток и засмеялась: — А ты все-таки отловила графа! Молодчина!

Итак, она получала все, на что только могла надеяться. Теперь ее братья и сестры будут обеспечены и не станут ни в чем нуждаться.

— Он не хочет долгой помолвки, — продолжала леди Викерс. — Ты же знаешь, что он жаждет сына. И не смотри на меня так. Ты знала, что к этому все шло.

Аннабел покачала головой:

— Я... я никак на вас не смотрела. Я просто...

— О Господи! — простонала леди Викерс. — Мне что, придется провести с тобой разъяснительную беседу?!

Аннабел искренне понадеялась, что нет.

— Эх! Я проводила такие беседы с твоей матерью и теткой Джоан. Но если мне требуется провести ее и с тобой, я должна как следует подкрепиться.

— Все в порядке, — поспешила успокоить ее Аннабел. — Не нужно беспокоиться.

Это сразу привлекло внимание бабушки.

— Неужели? — заинтересованно осведомилась она.

— Во всяком случае, мне не нужно никаких разъяснений прямо сейчас, — осторожно отступила Аннабел. — А может быть, и вообще, — продолжала она более спокойным тоном.

— Хм-м?..

— Я же из деревни, — объяснила Аннабел с наигранной беззаботностью. — Там у нас множество всяких домашних животных... и... э-э...

— Погоди, — сказала леди Викерс. — Ты, конечно, можешь знать об овцах то, что я и слышать не хочу, но мне известно кое-что о браке с тяжеловесным аристократом.

Аннабел бессильно опустила в кресло. Какими бы сведениями ни собиралась поделиться с ней бабушка, она опасалась, что стоя их не вынесет.

— Все дело сводится к одному, — продолжала леди Викерс, тыча в нее пальцем, — когда он кончит, задери ноги повыше.

Кровь отлила у Аннабел от лица.

— Нет-нет, так и сделай, — настаивала бабушка. — Поверь мне. Это поможет тебе удержать в себе его семя, а чем скорее ты понесешь, тем скорее сможешь перестать с ним спать. Это, моя дорогая, ключ к счастливому замужеству.

Аннабел подобрала книжку и поднялась на ноги, двигаясь как в тумане.

— Я сейчас пойду и прилягу.

— Конечно, дорогая, — улыбнулась леди Викерс. — О! Я почти забыла. Мы сегодня вечером уезжаем из города.

— Что? Куда? — растерялась Аннабел. Как же она сможет предупредить Себастьяна?

— Уинифред устраивает у себя в поместье импровизированный прием. Ты приглашена.

— Я?

— Мне, разумеется, тоже придется поехать. Чертовски глупо...

Аннабел только рот раскрыла, слушая поток ругательств, извергавшихся изо рта ее бабушки, слишком выразительных даже для нее.

— Ненавижу я эту сельскую жизнь, — ворчала леди Викерс. — Деревня — это пустая трата вполне хорошего воздуха.

— Мы обязательно должны поехать?

— Конечно, должны, глупышка. Кто-то из нас обязан взять все в свои руки.

— Что вы имеете в виду? — осторожно поинтересовалась Аннабел.

— Уинифред — хитрющая корова, но за ней должок, — резко проговорила бабушка. — Поэтому она позаботилась, чтобы там был и Ньюбери. Хотя я не смогла ее остановить, и она пригласила еще и того, другого.

— Себа... мистера Грея? — Аннабел уронила книжку.

— Да, да, — ответила леди Викерс, явно огорченная этим. Подождав несколько секунд, пока

Аннабел подобрала книгу, потом снова ее уронила, снова подняла и положила на столик, она продолжила: — Полагаю, что не могу винить ее за это. Ведь теперь это станет приемом сезона!

— Он согласился приехать? Даже зная, что там будет его дядя?

— Кто знает? Она разослала приглашения только сегодня днем, — пожала плечами леди Викерс. — А он красавчик.

— Какое это теперь имеет значение? — Аннабел с досадой отвернулась, она не хотела слышать ответ.

— Мы уезжаем через два часа, — промолвила леди Викерс, приканчивая свой бокал.

— Так быстро? Но я не успею собраться.

— Конечно, успеешь. Служанки уже упаковали твои вещи. Уинифред живет недалеко от города, а в это время года солнце поздно садится. С хорошими лошадьми мы будем там до заката. Так что я предпочитаю уехать вечером. Терпеть не могу утренние поездки.

— Вы очень постарались, — сказала Аннабел.

Леди Викерс расправила плечи, явно гордясь собой.

— Это верно. Тебе стоит взять с меня пример. Мы еще добудем тебе в мужья графа.

— Но я... — При виде выражения лица бабушки Аннабел замолчала.

— Надеюсь, дорогая, — проговорила леди Викерс, глаза ее сузились и стали похожи на две льдинки, — ты не собираешься заявить, что не хочешь его.

Аннабел сочла за благо промолчать. Она никогда не слышала, чтобы бабушка говорила таким угрожающим тоном. Леди Викерс медленно покачала головой.

— Хорошо. Я же знаю, что ты не захочешь сделать ничего такого, что осложнит жизнь твоих братьев и сестер.

Аннабел невольно попятилась. Неужели бабушка ей угрожает?

— О, ради Бога! — рявкнула леди Викерс. — Не стой как каменная. Можно подумать, ты решила, будто я стану тебя бить.

— Нет. Но просто...

— Ты выйдешь замуж за графа и возьмешь племянника в любовники. Тайно.

— Бабушка!

— Не смотри на меня, словно какая-то глупая пуританка. На лучшее тебе нечего и рассчитывать. Если даже заведешь ребенка не от того, по крайней мере, все останется в одной семье.

Аннабел лишилась дара речи.

— Да, кстати, Луиза тоже едет туда. Эта ее сморщенная тетка простудилась и не может на этой

неделе ее никуда сопровождать. Поэтому я сказала, что заберу ее с собой. Не можем же мы оставить ее плесневеть взаперти в ее комнате.

Аннабел молча кивнула.

— Хорошо. Будь в готовности. Мы уезжаем через час.

— Высказали через два.

— Разве? — Леди Викерс моргнула, потом пожала плечами. — Наверное, я что-то перепутала. По старой памяти...

Аннабел, раскрыв рот, наблюдала, как бабушка величественно выплыла из комнаты. Нет, она, разумеется, запомнит этот день как самый невероятный и судьбоносный день в своей жизни.

За исключением того, что завтрашний день наверняка может оказаться еще более непредсказуемым. Что-то будет?

Глава 19

На следующее утро

Себастьян точно знал, зачем был приглашен к леди Челлис. Она никогда его не любила и раньше его никогда в свой дом не приглашала. Но леди Челлис, несмотря на свои ханжеские взгляды, была дамой честолюбивой, и если ей представлялась возможность превратить свой прием в событие года, заманив под свою крышу одновременно Аннабел, Себастьяна и лорда Ньюбери, она сделает это.

Себу не слишком улыбалось стать чьей-то марионеткой, но он не собирался, отказавшись от приглашения, дать дядюшке Ньюбери беспрепятственный доступ к Аннабел.

Кроме того, он ведь сказал Аннабел, что дарит ей один день на раздумья о его предложении, и собирался свое обещание сдержать. И если в этот день она поехала в Беркшир к лорду и леди Челлис, так тому и быть.

Однако Себ дураком не был и понимал, что леди Викерс, Челлис и их приятельницы будут горячо приветствовать лорда Ньюбери и способствовать ему в битве за руку Аннабел. Поскольку самые успешные битвы не выигрывают в одиночку, он вытащил из постели Эдварда и зашвырнул его в экипаж, направлявшийся в Беркшир. Правда, Эдварда не приглашали, но он был молод, холост и, насколько было известно Себастьяну, не потерял еще ни одного зуба. А это означало, что ему никогда не откажут в приеме. Такого просто быть не могло.

— Гарри и Оливия знают, что ты украл их экипаж? — поинтересовался Эдвард, протирая глаза.

Правильнее было бы сказать «реквизировал», ну да ладно. Сейчас не до лексических тонкостей.

Да и к тому же Себастьян оставил им записку.

— Кто там должен быть? — зевнул Эдвард.

— Прикрывай рот, когда зеваешь.

Эдвард одарил его возмущенным взглядом. Но Себастьян лишь вздернул подбородок и уставился в окошко. Улица была запружена, так что их экипаж еле тащился.

— За исключением мисс Уинслоу и моего дядюшки понятия не имею.

— Мисс Уинслоу... — со вздохом произнес Эдвард.

— Не надо, — рявкнул Себ.

— Что — не надо?

— Не делай такое лицо, когда думаешь о ней.

— Какое такое лицо?

— Такое... — Себастьян принял тупой вид и свесил язык. — Вот какое.

— Ну, ты должен признать, что она очень...

— Лучше помолчи, — предостерегающе бросил Себ.

— Я собирался сказать «прелестна», — попытался оправдаться Эдвард. — У нее обворожительные...

— Эдвард, черт тебя побери!

— ...глаза, — глумливо ухмыльнулся Эдвард.

Себастьян яростно посмотрел на него, скрестил на груди руки и снова уставился в окошко. Немного погодя он развел руки, еще раз свирепо глянул на Эдварда и больно пнул его в голень.

— А это за что?

— За неприличное замечание, которое ты собирался сделать.

Эдвард расхохотался, и впервые за долгое время у Себастьяна не создалось впечатления, что тот смеется с ним заодно.

— Должен сказать, — не унимался Эдвард, — что очень забавно наблюдать, как тебе довелось влюбиться в женщину, на которой собирается жениться твой дядюшка.

Себастьян неловко заерзал на сиденье.

— Я не влюбился в нее.

— Нет? — с издевкой произнес Эдвард. — Ну конечно. Ты всего лишь хочешь на ней жениться.

— Это тебя Оливия просветила? — Проклятие! Он велел Оливии никому ничего не рассказывать!

— Нет, не она, — ухмыльнулся Эдвард. — Ты сам признался. Как ты думаешь, она скажет «да»?

— Почему бы ей, не ответить именно так? — словно защищаясь, пробормотал Себастьян.

— Пойми меня правильно. Если бы я был женщиной, я не мог бы представить себе лучшего кандидата в мужа...

— Кажется, я выскажусь за всех мужчин в мире, сказав, что рад отсутствию подобной перспективы.

Эдвард скорчил гримасу при таком замечании, но не обиделся, а лишь напомнил:

— Ньюбери может сделать ее графиней.

— Может, я тоже смогу, — пробормотал Себастьян.

— Я полагал, что ты равнодушен к титулу. Зачем он тебе?

— Это так. — И он действительно был к нему равнодушен... Но вот теперь над этим следовало бы призадуматься. — Во всяком случае, ради себя я бы не старался.

Эдвард пожал плечами и слегка склонил голову набок. Было в этом что-то знакомое, но что именно, Себастьян не мог припомнить... Пока не сообразил, что часто наблюдал это движение в зеркале.

— Она его ненавидит, — выпалил он неожиданно.

Эдвард зевнул.

— Она не первая женщина, которая выйдет за человека, которого ненавидит.

— Он в три раза ее старше.

— Такое случается не впервые.

Себ огорченно взглянул на него:

— Зачем ты мне все это говоришь?

Лицо Эдварда посерьезнело.

— Я просто хочу, чтобы ты был к этому готов.

— Значит, ты думаешь, что она ответит мне «нет»?

— Не знаю. Я никогда не видел вас двоих в одной комнате. И все же предпочту узреть тебя приятно удивленным, а не с разбитым сердцем.

— Мое сердце не разобьется, — проворчал Себ. Потому что не скажет она ему «нет». Она ведь заявила ему, что не в состоянии ясно думать в его присутствии. Если существовала на свете женщина, желавшая ответить ему «да», то это, конечно, Аннабел.

Но достаточно ли только хотеть сказать «да»? Ее дед и бабушка будут недовольны, если она предпочтет его Ньюбери. И кроме того, он знал, как она тревожится о безденежье своей семьи. Но ведь не пожертвует она своим счастьем ради скольких-то монет? Ведь не пребывали же ее родные на грани нищеты. Этого не могло быть, раз ее братья все еще учатся в школе. И потом, у Себастьяна все-таки есть деньги. Не так много, как у Ньюбери, — ладно, пусть далеко не столько, — но кое-что было. Во всяком случае, достаточно, чтобы оплатить образование ее

братьев.

Хотя Аннабел может этого не знать. Большая часть светского общества считала, что он не имеет лишнего гроша в кармане. Даже Гарри полагал, что он каждый день завтракает в его доме из-за того, что ему не хватает денег на пропитание.

Себастьян занимал определенное место в обществе благодаря своему обаянию, красивой внешности и веселому нраву. И еще потому, что существовала возможность того, что его дядюшка отойдет в лучший мир, так и не обзаведясь наследником. Но никто не предполагал, что у Себастьяна имеются какие-то источники дохода. И наверняка никто не подозревал, что он заработал кругленькую сумму, сочиняя готические романы под женским именем.

Когда экипаж наконец выбрался из скученного потока лондонского дорожного движения, Эдвард крепко спал. Он оставался в таком состоянии до того момента, пока они не замерли перед Стоункроссом, большим тюдоровским особняком, служившим местом сельского отдыха семейству Челлис. Себ вышел из экипажа и настроженно огляделся вокруг.

Казалось, он снова оказался на войне и теперь оценивал местность и расположение противника. А делал он именно это — наблюдал. Он никогда не был одним из солдат на передовой, никогда не принимал участия в рукопашной, никогда не смотрел врагу в глаза. Он находился в отдалении от непосредственных действий, наблюдал и стрелял издалека.

И никогда не промахивался.

Он обладал двумя качествами, характерными для выдающегося снайпера: отличной меткостью и бесконечным терпением. Он не делал ни единого выстрела, пока не наступал идеальный для этого момент, и никогда не терял головы. Даже в тот миг, когда чуть не убили Гарри — к нему сзади подкрадывался французский капитан, — Себастьян замер, наблюдая и выжидая, и не выстрелил, пока не возник шанс поразить врага наверняка. Гарри так никогда и не узнал, насколько был близок к смерти.

Потом Себастьяну стало плохо, и он некоторое время не показывался из кустов.

Странно, что сейчас он снова чувствовал себя солдатом. Хотя, может, и не странно. Он всю жизнь со своим дядюшкой находился в состоянии войны.

Утром за завтраком леди Челлис сообщила Аннабел и Луизе, что приезд большинства гостей, включая лорда Ньюбери, ожидается не ранее второй половины дня. Она не упомянула Себастьяна, и Аннабел не спросила о нем. О подобных вопросах будет тут же доложено ее бабушке, и Аннабел совсем не хотелось повторения беседы, которая была у нее с бабушкой накануне.

Стояло чудесное летнее утро, так что Аннабел с Луизой решили прогуляться к пруду. Немалую роль в их решении сыграло то, что больше никто идти туда не пожелал. Когда они туда дошли, Луиза схватила камешек и пустила его по воде.

— Как ты это делаешь? — поинтересовалась Аннабел.

— Блинчики на воде? А ты не умеешь?

— Нет. Мои братья всегда утверждали, что девчонкам это не дано.

— И ты им верила?

— Конечно, нет. Но я годами пыталась научиться, но так и не смогла. — Аннабел подобрала камешек и попыталась пустить его плашмя по воде, но он мгновенно утонул.

Как камню в общем-то и положено.

Луиза самодовольно усмехнулась, подобрала следующий камешек и пустила его в полет.

— Раз... два... три... четыре... пять!.. — торжествующе воскликнула она. — Вообще-то мой рекорд — шесть.

— Шесть? — тоскливо вздохнула Аннабел. — Неужели?

Луиза улыбнулась и взяла следующий камешек.

— Мой отец не обращает на меня никакого внимания в Шотландии, впрочем, как и в Лондоне. Разница лишь в том, что вместо балов и приемов там мое развлечение — озера и камни. — Она выбрала хороший плоский камешек. — И достаточно времени, чтобы тренироваться.

— Покажи мне, как ты это делаешь.

Но Луиза уже послала камешек по воде.

— Раз... два... три... четыре. — Она недовольно фыркнула. — Я знала, что этот камень слишком тяжел.

Аннабел недоверчиво наблюдала, как ее кузина пустила еще три камешка в полет по воде, причем каждый подпрыгнул по пять раз.

— Честно признаюсь, завидую, — наконец объявила она.

— Мне? — просияла Луиза.

— Ты выглядишь недостаточно сильной, чтобы поднять один из этих камней, тем более запустить их по озеру. И тем не менее...

— Ну-ну, Аннабел, — укорила ее Луиза, невольно улыбаясь при этом, — не вредничай.

Аннабел притворно насупилась:

— Я не умею быстро бегать, — сказала Луиза. — Мне запретили участвовать в турнирах по стрельбе из лука для безопасности других участников... И я абсолютно не умею играть в эти чертовы карты.

Луиза выругалась! Аннабел не могла поверить своим ушам.

— Зато я умею... — Луиза пустила еще один камень по воде, — мастерски запускать блинчики.

— Еще как можешь. — Аннабел была под большим впечатлением. — Покажешь мне, как это делать?

— Нет. — Луиза окинула ее надменным взглядом. — Я хочу уметь хоть что-то делать лучше тебя.

Аннабел огорченно вздохнула.

— Ты говорила, что можешь сделать шесть блинчиков.

— Могу, — настаивала Луиза.

— Я этого не увидела. — Аннабел подошла к большому камню, похлопала по его верхушке, проверяя, не сырой ли он, затем уселась на него. — У меня впереди целое утро для этого. Да, пожалуй, и весь день.

Луиза нахмурилась, что-то проворчала, потом стала собирать еще камни. Она добилась пяти, потом четырех и снова два раза по пять. А рекорд все не поддавался.

— Я жду! — крикнула Аннабел.

— У меня больше нет хороших камней!

— Славное объяснение. — Аннабел посмотрела на свои ногти: не набилась ли под них грязь, когда она подбирала свой жалкий камешек? Когда она подняла глаза, камень уже летел по поверхности воды. Один... два... три... четыре... пять... шесть!

— Ты сделала это! — воскликнула Аннабел, с восторгом вскакивая на ноги. — Шесть!

— Это не я, — призналась Луиза.

Они обе обернулись.

— Дамы, — произнес Себастьян, элегантно раскланиваясь. — Приветствую вас. — В солнечном свете утра он выглядел невероятно красивым. Аннабел никогда не замечала, что в его волосах есть золотистые оттенки. Впрочем, она вдруг осознала, что вообще никогда не видела его в утренние часы. Они встретились в лунном свете, виделись днем, а в опере она видела его в мерцании сотен свечей...

Утренний свет был совершенно иным.

— Мистер Грей, — пробормотала она, внезапно ощущая непонятное смущение.

— Это было изумительно! — воскликнула Луиза, имея в виду полет камешка. — А какой ваш рекорд?

— Семь.

— Неужели?!

Аннабел была не уверена, что видела когда-либо свою кузину такой оживленной. Разве что когда та рассуждала о романах миссис Горли, которые Аннабел еще предстояло прочесть. Она начала «Мисс Сейнсбери и загадочный полковник» накануне ночью, но успела прочитать только две главы. Однако нельзя было не смахнуть слезу над невзгодами, которые преодолевала мисс Сейнсбери на первых же двадцати четырех страницах. Она пережила холеру, нашествие мышей, да еще при этом дважды подвернула ногу.

По сравнению с этим неприятности Аннабел казались сущим пустяком.

— А вы умеете пускать блинчики камешками, мисс Уинслоу? — вежливо осведомился Себастьян.

— К моему великому стыду, нет.

— Я довела рекорд до шести раз, — промолвила Луиза.

— Но не сегодня, — не удержалась от колкости Аннабел.

Луиза с досадой протопала к берегу пруда, чтобы подобрать подходящий камешек. Себастьян подошел и встал рядом с Аннабел, заложив руки за спину.

— Она знает? — тихо спросил он, кивая в сторону Луизы.

— Нет, — покачала головой Аннабел.

— А кто-нибудь еще?

— Нет.

— Понимаю.

Аннабел не была уверена в том, что, по его мнению, он что-то понимает в возникшей ситуации, потому как она сама не понимала ничего.

— Довольно неожиданное приглашение за город. Как вы считаете? — пробормотал он.

Аннабел развела руками:

— По-моему, за этим стоит моя бабушка.

— Она пригласила и меня?

— Нет. Кажется, она сказала, что не сумела этому помешать.

На это он рассмеялся:

— Меня так любят, что никак не могут обойтись. Сердце Аннабел тревожно забило. Это не укрылось от Себа.

— В чем дело? — спросил он, видя, как она вздрогнула.

— Я не знаю. Я...

— Вот! — воскликнула Луиза, возвращаясь. Она держала в руке круглый плоский камень. — Это идеальный камешек для блинчиков.

— Можно мне взглянуть? — спросил Себастьян.

— Только если обещаете не бросать его.

— Даю вам слово чести.

Она протянула ему камень, он повертел его в руке, прикидывая вес и то, как он лежит в ладони потом, пожав плечами, вернул.

— Вы не считаете его хорошим? — разочарованно спросила Луиза.

— Ничего. Неплохой.

— Он пытается подорвать твою уверенность в себе! — крикнула кузине Аннабел.

— Это правда? — ахнула Луиза.

Себастьян вяло улыбнулся:

— Вы так хорошо меня знаете, мисс Уинслоу?

Луиза подошла к краю воды.

— Это было с вашей стороны совсем не по-джентльменски, мистер Грей. — Она смерила его недовольным взглядом.

Себастьян ответил кратким смешком и прислонился к валуну, на котором сидела Аннабел.

— Мне нравится ваша кузина, — промолвил он.

— Мне тоже.

Луиза глубоко вздохнула, сосредоточилась и послала камешек вперед, правда Аннабел подумала, что слишком резким движением запястья.

Все начали считать:

— Раз... два... три... четыре... пять... шесть!

— Шесть! — вскричала Луиза. — Я сделала это! Шесть! Ха! — Это последнее восклицание было обращено к Аннабел. — Я говорила тебе, что могу сделать шесть!

— Теперь вам нужно добиться семи, — спокойно резюмировал Себастьян.

Аннабел закатилась смехом.

— Не сегодня, — произнесла Луиза. — Сегодня не стану. Сегодня я буду наслаждаться своим триумфом.

— Все-таки у меня получилось, — заявила Луиза. — И вообще, — она склонила голову в сторону Себастьяна, — я не видела, чтобы вам удалось семь раз.

Он поднял руки, сдаваясь.

— Это было много лет назад.

Луиза одарила их обоих царственной улыбкой.

— На этой ноте я отправляюсь праздновать свою победу. Увижу вас обоих позже. Возможно, много позже. — С этими словами она удалилась, оставив молодых людей наедине.

— Я, кажется, говорил, что мне нравится ваша кузина? — размышлял вслух Себастьян. — Я ошибся: я ее обожаю. — И, склонив голову к Аннабел, продолжил: — Разумеется, платонически.

Аннабел набрала полную грудь воздуха и, когда выдохнула его, ощутила дрожь во всем теле и

головокружение. Она понимала, что он ждет ответа, что он заслуживает этого. Но ответа у нее не было. Только ужасная пустота внутри.

— У вас усталый вид, — нервно проговорила она. Потому что так оно и было.

Он пожал плечами:

— Я плохо спал. Со мной так часто бывает.

Голос его прозвучал странно, и она внимательнее всмотрелась в него. Он на нее не глядел, глаза его были устремлены куда-то вдаль. Или на корень дерева... Затем он посмотрел на свои ноги, одна из которых ковыряла носком землю. У него было какое-то знакомое ей выражение лица... И вдруг ее осенило: так он выглядел в тот день в парке, когда разнес выстрелом мишень...

А потом не хотел об этом говорить.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Я терпеть не могу, когда мне не спится. Такая мука!

Он снова пожал плечами, но движение выглядело напряженным.

— Я к этому привык.

Какое-то мгновение она молчала, а потом осознала, что напрашивается простой вопрос:

— Почему?

— Почему? — эхом повторил он.

— Да. Почему вам трудно заснуть? Вы это выяснили?

Себастьян сел рядом с ней и уставился на воду, где все еще расходились круги от бросания камешков. На какой-то момент он задумался, потом открыл рот, словно собираясь что-то сказать...

Но промолчал.

— Мне достаточно только закрыть глаза, — продолжала она.

Это привлекло его внимание.

— Когда я собираюсь заснуть, — объяснила она, — я должна закрыть глаза. Если я лежу и смотрю в потолок, можно сразу признать поражение. В конце концов, как заснуть с открытыми глазами?

Себастьян на миг представил себе это и, криво улыбнувшись, признался:

— Я смотрю в потолок.

— В этом и есть ваша проблема.

Он повернулся к ней. Она смотрела на него открыто, ясным взглядом. А он смотрел на нее и думал, как хотелось бы ему, чтобы все дело было только в этом... и вдруг ему подумалось: а может, и вправду это так? Возможно, самые мудреные вопросы имеют простые ответы. Жизнь

наверняка проще, чем мы о ней иногда думаем.

Возможно, для него таким простым ответом была именно она.

Ему захотелось ее поцеловать. Это желание нахлынуло внезапно... необоримо. На этот раз ему просто хотелось прижаться губами к ее губам. И ничего больше. Простым поцелуем благодарности... или дружбы, а возможно, настоящей любви.

Но он не станет этого делать. Пока не станет. Она склонила голову набок и посмотрела на него так, что он заинтересовался, о чем она сейчас думает. Он хотел узнать ее по-настоящему, хотел узнать ее мысли... надежды... страхи. Ему важно было выяснить, о чем она думает в те ночи, когда не может заснуть. А еще — о чем она мечтает, когда сон наконец овладевает ею.

— Я лично думаю о войне, — тихо произнес он. Он никогда никому об этом не рассказывал.

Она кивнула. Легкое крохотное движение, которое он едва заметил.

— Должно быть, это было ужасно.

— Не все. На войне бывают разные дни. Но то, что вспоминается мне по ночам... — Он закрыл на миг глаза, не в силах изгнать из памяти едкий запах порохового дыма, крови и — хуже всего — орудийного грома.

Она положила ладонь на его руку.

— Мне очень жаль.

— Сейчас уже не так плохо, как было раньше.

— Это хорошо. — Она ободряюще улыбнулась. — Что изменилось? Как вы думаете?

— Я... — Но нет, не мог он это сказать. Не мог рассказать ей. Пока не мог. Как мог он поведать ей о своем писательстве, когда даже не знал, понравилось ли ей прочитанное? Его совершенно не тревожило, что Гарри и Оливия считают романы Горли такими ужасными... ну, может, не совсем... Однако если Аннабел их возненавидит... что-то изменится в его жизни далеко не в лучшую сторону.

Этого он не вынесет.

— Думаю, что время берет свое, — сказал он. — Говорят, что оно залечивает все раны.

Она снова кивнула, этим маленьким движением, которое — ему приятно было так подумать — мог заметить только он. Затем она с любопытством посмотрела на него.

— В чем дело? — спросил он, видя, что она нахмурилась.

— Я подумала, что глаза у вас точно такого цвета, как мои, — с удивлением заметила она.

— Только подумать, какие у нас будут чудесные сероглазые дети, — выпалил он, не успев подумать.

Взгляд ее помрачнел, и она отвела глаза в сторону. Проклятие! Он вовсе не собирался на нее давить. По крайней мере, не так скоро. Сию минуту он был просто счастлив. Идеально и уютно. Он рассказал другому человеческому существу один из своих секретов, и небо не рухнуло на

землю. Поразительно, как великолепно он себя почувствовал.

Нет, это было неправильное определение. Это его огорчило уже как литератора. Его ремеслом было подбирать правильные слова и выражения, а тут он не знал, как правильно выразиться... Он ощутил подъем, невесомость, облегчение... И в то же время ему хотелось закрыть глаза, положить голову на подушку... рядом с ее головой и заснуть. Он никогда ничего подобного не испытывал.

А теперь он взял и все загубил. Она уставилась в землю, лицо ее вдруг осунулось. С него сбежала вся краска.

Это шло изнутри. И это разбило ему сердце.

Он внезапно увидел будущее... ее жизнь в качестве жены его дяди. Жизнь со стариком не ломает ее, но вытянет из нее все соки... иссушит.

Он не мог этого допустить. Просто не мог, и все!

— Вчера я попросил вас выйти за меня замуж, — произнес он.

Она отвела взгляд. Не стала смотреть на ноги, но и на него смотреть не стала.

У нее не было ответа. Он был потрясен, насколько это его уязвило. Она даже не отказывала ему, только просила у него еще времени.

Молча просила, поправил он себя. А может быть, еще точнее было бы сказать, что она избегала этого вопроса.

Но все же он ведь просил ее выйти за него замуж. Это факт! Она что, полагает, он легко, играючи сделал такое предложение? Он всегда считал, что когда наконец решится предложить женщине выйти за него замуж, эта женщина зальется счастливыми слезами и будет вне себя от радости и восторга. Радуга засияет на небе, над головой затанцуют бабочки, и весь мир запоеет, взявшись за руки.

И по крайней мере она скажет ему «да»! Он не считал себя мужчиной, которому женщина может сказать нечто противоположное.

Он поднялся на ноги, слишком взволнованный, чтобы продолжать сидеть. Весь его покой, вся счастливая невесомость пропали без следа.

Что, черт возьми, ему делать теперь?

Глава 20

Аннабел наблюдала, как Себастьян пошел к воде. Он остановился у самого края, так что почти замочил ботинки, и посмотрел на противоположный берег, замерев в позе напряженной и непреклонной.

Это было так на него не похоже. Как будто перед ней был другой человек.

Себастьян всегда двигался грациозно, держался раскованно. Каждое его движение напоминало своеобразный танец, каждая улыбка — скрытую поэму. А сейчас все было как-то неправильно... Это был не он.

Когда она успела так хорошо его изучить, что могла по линии спины сказать, что с ним не все ладно? И почему ей было так больно от этого? Неужели она так хорошо его знает? Когда же она успела его изучить?

Прошла, казалось, целая вечность, пока он повернулся к ней и произнес с терзающей сердце формальностью:

— По вашему молчанию я могу рассудить, что у вас нет для меня ответа.

Она слегка дернула головой. Крохотное движение, подтвердившее его слова.

— Это подрывает мою уверенность в себе, — продолжал он, — если взглянуть на происходящее сточки зрения психологии.

— Все так сложно, — промолвила Аннабел.

Он скрестил руки на груди и вопросительно вздернул бровь. В мгновение ока он вдруг сделался прежним, самим собой. Напряженность пропала, сменившись легкой непринужденностью, и когда он направился к ней, держался с той неуловимой грацией, которая так ее покоряла.

— Это вовсе не сложно, — сказал он. — Ничего не может быть проще. Я попросил вас выйти за меня замуж, и вы совсем не против. Все, что от вас требуется, — это сказать «да».

— Я не говорила...

— Но вы этого хотите, — произнес он с невероятной раздражающей уверенностью. — Вы же знаете, чего хотите.

Конечно, он был прав, но Аннабел не могла не рассердиться на его дерзкую самоуверенность.

— Вы слишком уверены в себе.

Он сделал еще шаг к ней и обольстительно улыбнулся:

— А разве у меня нет для этого оснований?

— Моя семья... — отчаянно прошептала она.

— С ней все будет в порядке. — Нежно тронув пальцем ее подбородок, он повернул ее личико к себе. — Я не нищий, Аннабел.

— Но нас восемь человек.

Он обдумал ее слова.

— Голодать, конечно, никто не станет, но, возможно, придется поужаться.

Она невольно улыбнулась. Ей не нравилось, что он может ее рассмешить даже в такой момент... Но она это обожала. Нет, она обожала его. Она его любила!

О Боже!

Аннабел отпрыгнула назад.

— Что такое? — спросил он.

Она помотала головой.

— Скажи мне, — настаивал он и, взяв ее за руку, притянул к себе, — что-то сейчас произошло. Я увидел это по твоим глазам.

— Но, мистер...

— Себастьян, — напомнил он, касаясь губами ее лба.

— Себастьян, — почти прохрипела она. Ей было трудно говорить, когда он стоял так близко. Трудно было соображать.

Его губы легко и нежно прошлись по ее щекам.

— У меня есть способ тебя разговорить, — прошептал он.

— Ч-что?

Он стал чуть покусывать ее нижнюю губку, затем перешел на ушко.

— Что ты теперь чувствуешь? — спросил Себ.

Она смогла лишь застонать.

— Мне нужно будет стать более убедительным. — Его руки скользнули вниз по ее спине, пока не легли плотно на ягодицы, притянув ее к его телу. Аннабел запрокинула голову, пытаясь держать ее подальше от его чувственного напора, но все еще едва могла дышать. Его тело было твердым и жарким, и она ощущала, как растет его мужская плоть, упираясь в нее. — Я хочу тебя, — прошептал он. — И знаю, что ты тоже.

— Прямо здесь? — ахнула она.

Он коротко засмеялся:

— Я, конечно, воспитанный человек. Но... — задумчиво добавил он, — мы здесь совершенно одни.

Она кивнула.

— Никто из гостей еще не приехал. — Он поцеловал нежное местечко у нее под ушком. — И я думаю, вполне разумно предположить, что твоя замечательная кухня нас не потревожит.

— Себастьян, я...

— Мы сделаем ее крестной матерью наших детей.

— Что? — Она едва могла выдохнуть это слово. Его рука пробралась ей под юбку и теперь безжалостно двигалась вверх по ее ноге. И все, что ей хотелось, — это... — прости ее Боже за эти грешные желания, — это чуточку нагнуться и встать свободнее, чтобы облегчить ему делать то... что ему только вздумается.

— Она сможет научить их пускать камешки по воде, — произнес он, добираясь до

чувствительной ямки у нее под коленом. Аннабел затрепетала. — Щекотно? — с улыбкой поинтересовался он и двинулся выше. — Думаю, у нас будет масса детей. Много, много, много.

Ей было необходимо остановить его. Что-то сказать насчет того, что она еще ничего не решила, что не может ничего пообещать, пока у нее не будет какого-то времени, чтобы все обдумать с ясной головой... чего она абсолютно не может делать в его присутствии. Он говорил о будущем, о детях, и она понимала, что ее молчание можно понять как согласие.

Он провел пальцем по внутренней стороне ее бедра.

— Я не могу себе представить, чтобы у нас не народилась целая куча детей, — пробормотал он. Его губы снова нашли ее ушко. — Я не выпущу тебя из постели.

Ее колени подогнулись.

Его палец скользнул еще выше и добрался до нежной складочки, где бедро переходило в ягодицу.

— Сказать тебе, что именно собираюсь я делать там? В нашей постели?

Она кивнула.

Он улыбнулся. Она почувствовала это по движению его губ у себя под ухом, ощутила, как его дыхание наполнилось радостью.

— Сначала, — тихо произнес он, — я доставлю тебе удовольствие.

Легкий стон сорвался с ее уст, а может, это был вскрик.

— Я начну с поцелуя, — промолвил он, и голос его близ ее кожи был низким и жарким. — Но где его поместить? Об этом надо подумать.

— Где? — прошептала она. Это был скорее не вопрос, а эхо сомнения.

Он прикоснулся к ее рту.

— К губам? Возможно. — Его палец лениво скользнул к ключице. — Мне нравится эта частичка твоего тела. И эти... — Он взял в пригоршню ее грудь и с придыханием сжал ее. — Я могу потратить целый день только на них.

Аннабел выгнулась ему навстречу, желая отдать ему больше. Ее тело взяло власть над ней и отчаянно жаждало его. Она не могла забыть то, что делал он с ней в гостиной Валентайн-Хауса. Как прикасался к ее грудям. Всю свою жизнь она их ненавидела. И прежде всего из-за взглядов, которые бросали на них мужчины, как они присвистывали, словно считали, будто она готова, чтобы ее «подцепили» и осчастливили вниманием.

Но Себастьян заставил ее почувствовать себя прекрасной. Он любил ее тело, и поэтому она тоже начинала это тело любить.

Он опустил руку в лиф ее платья. Его пальцы скользнули под сорочку и прошлись по соскам.

— Ты понятия не имеешь, — осипшим голосом произнес он, — как сильно буду я любить тебя в этом месте.

У нее перехватило дыхание, а когда он передвинул руку, она ощутила себя обездоленной. Это было неудобное для него положение, а она ничем не могла ему помочь, но подумала, что если сдвинет эту проклятую тряпку вниз, он сможет коснуться ее повсюду. Он сможет сжимать, мять и сосать ее плоть.

— О Боже мой! — простонала она.

— О чем ты сейчас думаешь? — прошептал он.

Она лишь помотала головой. Ни в коем случае не могла она произнести вслух те распутные мысли, что роились в ее голове.

— Ты думаешь о том, где еще я могу тебя целовать?

Боже, Боже! Она надеялась, что он не ждет от нее столь конкретного ответа.

— Я могу поцеловать тебя в совершенно другом месте, — дразнил ее он. Его другая рука — та, что лежала на ее бедре, — нежно сжала его. — Если я хочу доставить тебе удовольствие, — бормотал он. — Полное удовольствие, полагаю, ожидает тебя в одном укромном местечке.

Его палец нырнул между ее ног.

Она чуть не отпрыгнула назад. И отпрыгнула бы, если б его вторая рука не обвивала так крепко ее талию.

— Тебе это нравится? — бормотал он, рисуя маленькие кружочки там внутри, приближаясь к центру ее естества.

Она кивнула... А может, только подумала кивнуть... Но наверняка не сказала «нет».

Второй его палец присоединился к первому и с мучительной лаской побуждал ее открыться шире, гладил ее влажную плоть. Аннабел ощутила, как ее тело начало трепетать и содрогаться, и она вцепилась в его плечи, страшась, что он сейчас бросит ее и она просто лишится чувств.

— Я думаю, что меня ожидает вкус небес, — продолжал он, явно не желая останавливаться, пока она не взорвется под его руками. — Я полижу тебя именно здесь. — Он пробежал пальцами вверх и вниз по влажной складочке. — А потом здесь. — И он передвинул палец на другую сторону. — А потом я отправлюсь сюда. — И он дотронулся до самой чувствительной пуговки плоти, и она вскрикнула.

Его рот теснее прижался к ее ушку.

— Я лизну там тоже.

Аннабел вцепилась в него еще сильнее, вжимая бедра в его ладонь.

— Но даже этого может оказаться недостаточно, — шепнул он. — Ты женщина разборчивая и можешь заставить меня как следует поработать на твое удовольствие.

— О, Себастьян! — простонала она.

— Возможно, мне придется коснуться тебя поглубже. — Один из его пальцев начал кружить вокруг отверстия ее лона, затем бережно скользнул внутрь. — Вот так. Тебе это нравится?

— Да, — выдохнула она, — да!

Он стал двигаться в ней.

— А так?

— Да!

О, каким он был... проказливым! И она охотно ему подчинялась... и он проделывал с ней разные проказы. А она могла думать лишь о том, что они сейчас очень рискуют, поскольку в любой момент кто-нибудь может на них наткнуться... но почему-то от этого все становилось еще восхитительнее.

— Расслабься окончательно, Аннабел, — прошептал он ей в самое ушко.

— Не могу, — пролепетала она, сжимая ноги вокруг него. Внутри у нее все мучительно ныло, и она не знала, как ей поступить. Можно ли позволять ему так много? И вообще, хочет ли она, чтобы это прекратилось?

— Расслабься, — вновь прошептал он.

— Я... я...

Он откликнулся кратким смешком.

— Скажу тебе прямо, Анна...

— Ой-й!

Она не была уверена, отпустила она себя или нет, но что-то у нее внутри словно... взорвалось. Она прильнула к его плечам, держась за них, как за спасательный круг, а потом, когда она вся обмякла, он подхватил ее на руки и отнес на мягкий клочок травы неподалеку. Она села... затем легла безвольно, позволив солнцу согреть ее лицо.

— Я люблю тебя в зеленом, — промолвил он.

— Я сейчас в розовом, — отозвалась она, не открывая глаз. — Разве плохо?

— Ты будешь выглядеть еще лучше, если все с себя снимешь, — сказал он, бегло целуя ее в нос, — и остались бы только ты и трава.

— Я не знаю, что ты со мной только что проделал, — ошеломленно проговорила она. Кажется, никогда в жизни не была она настолько ошеломлена.

Он снова поцеловал ее.

— Я могу предложить, по крайней мере, еще десять чудесных вещей, какие мне хотелось бы проделать с тобой.

— Думаю, я такого не выдержу.

Он в ответ громко рассмеялся:

— Нам явно нужно больше практиковаться. Будем совершенствовать твою устойчивость к моим

ласкам.

Она наконец открыла глаза и посмотрела на него. Он лежал на боку, опершись головой на руку. В пальцах другой держал листок клевера.

Себ пощекотал им ее носик.

— Ты так красива, Аннабел.

Она счастливо вздохнула. С ним она и в самом деле ощущала себя красивой.

— Так ты выйдешь за меня замуж?

Она снова закрыла глаза. И почувствовала себя блаженно ленивой.

— Аннабел?

— Я хочу этого, — тихо промолвила она.

— Мне почему-то кажется, что это не то же самое, что сказать «да».

Она вздохнула еще раз. Солнце так приятно согревало ее лицо. Она даже не могла заставить себя тревожиться насчет веснушек.

— Что мне с тобой делать? — громко произнес он. Она услышала, как он передвинулся, а затем его голос прозвучал прямо вплотную к ее ушку. — Я могу отыскивать все новые и новые способы тебя скомпрометировать.

Она хихикнула.

— Дай мне подумать. Номер десять...

— Я тоже так делаю, — сказала она, блаженно улыбаясь. Реальные проблемы, с которыми она столкнулась, теперь казались такими далекими.

— Делаешь что?

— Компрометирую сама себя. Видно, так мне на роду написано.

Он прикусил мочку ее ушка.

— Мне нравятся приятные круглые вещи.

— Прекрати, — попросила она, но даже сама услышала, как неубедительно прозвучал этот ее возглас.

— Догадываешься, откуда я знаю, что ты выйдешь за меня замуж?

На это она не могла не открыть глаза. Он говорил так уверенно.

— Откуда?

— Посмотри на себя. Ты лежишь счастливая и довольная. Если бы ты не собиралась за меня замуж, то уже мчалась бы, как цыпленок, нет, индюшонок, с воплями насчет того, «что я наделал, что мы с тобой натворили?!».

— Я думаю обо всем этом, — сообщила она ему.

— Ну конечно, — фыркнул он.

— Ты мне не веришь?

— Ни на секунду. — Он поцеловал ее. — Но день еще не закончился, и я человек слова. И больше не стану терзать тебя этим вопросом. — Он встал и протянул ей руку.

Аннабел схватилась за нее и поднялась на ноги, недоверчиво улыбаясь.

— А все, что было до этого, не являлось «терзательством»?

— Дорогая моя мисс Уинслоу, я еще и не начинал вас терзать. — В глазах его заиграли дьявольски проказливые искорки. — Но я терпелив, могу и подождать.

— Что?

Он лишь усмехнулся и повел ее с холма к тропинке.

— Было или нет состязание «Кто из Уинслоу скорее удерет от терзаний и дразнилок»?

Она смеялась всю дорогу назад в Стоункросс.

Глава 21

Тем же вечером

— Ты видела его днем?

Аннабел подняла бы глаза на Луизу, которая только что вошла в комнату, если бы Нетти не вцепилась крепко в ее волосы.

— О ком ты говоришь? — спросила Аннабел и невольно вскрикнула. — Ох! Нетти!.. Что же ты делаешь?

Нетти потянула еще сильнее, скручивая тугую прядь и прищипывая ее на место.

— Сидите спокойно, и тогда все пойдет быстрее.

— Ты знаешь, кого я имею в виду, — ответила Луиза, подтягивая стул.

— Ты оделась в голубое, — улыбнулась ей Аннабел. — Это мой любимый цвет, он очень тебе идет.

— Не пытайся переменить тему.

— Она его не видела, — неожиданно заявила служанка.

— Нетти!

— Чего уж? Ведь не видели, — настаивала на своем горничная.

— Не видела, — подтвердила Аннабел. — После ленча.

Полуденную трапезу устроили на воздухе, так что никто не сидел на одном месте. В конце концов Аннабел оказалась за столиком на четверых вместе со Себастьяном, его кузеном Эдвардом и Луизой. Они чудесно проводили время, но настал момент, когда леди Викерс захотела сказать Аннабел несколько слов наедине.

— Что, по-твоему, ты творишь? — потребовала она объяснений, когда они отошли на достаточное расстояние.

— Ничего, — возмутилась Аннабел. — Просто мы с Луизой...

— Речь идет не о твоей кухне, — почти рявкнула леди Викерс. Она крепко ухватила Аннабел за предплечье. — Я говорю о мистере Грее, который, напоминая тебе, не является графом Ньюбери.

Аннабел заметила, что повышенный голос бабушки привлекает внимание, и поэтому понизила тон в надежде, что бабушка последует ее примеру.

— Лорд Ньюбери даже еще не приехал. Если бы он был здесь, то я...

— Сидела чинно рядом с ним? — Леди Викерс скептически вздернула бровь. — Ловила каждое его слово и не вела себя, всем на радость, как какая-то шлюха?

Аннабел ахнула и отпрянула от нее.

— Все вокруг на вас глазают, — прошипела леди Викерс. — Когда выйдешь замуж, можешь вытворять, что вздумается. Я даже подскажу тебе, как ловчее это делать. Но сейчас ты будешь оставаться — и твоя репутация тоже — чиста, как чертов нетронутый снег!

— Что вы вообразили себе? Что я, по-вашему, делаю? — тихо произнесла Аннабел. Ведь наверняка ее бабушка не могла знать, что произошло у пруда. Никто этого не мог видеть.

— Я что, ничему тебя не научила? — Глаза леди Викерс были ясными и трезвыми, какими Аннабел никогда раньше их не видела. Теперь они сурово уставились на нее. — Не важно, что ты делаешь, важно, что люди думают о твоих поступках. А ты глазеешь на этого мужчину так, словно влюблена в него.

Но она и в самом деле была в него влюблена!

— Я постараюсь исправиться, — только и смогла ответить Аннабел.

Она закончила трапезу, потому что никоим образом не хотела, чтобы люди видели, как она убегает в свою комнату сразу после того, как бабушка публично ее выругала. Но едва закончив есть, она извинилась и на весь остальной день укрылась у себя в комнате. Себастьяну она сказала, что нуждается в отдыхе. И это было правдой. И что она не хочет присутствовать при приезде его дядюшки. И это тоже соответствовало истине.

Поэтому она улеглась на постель с «мисс Сейнсбери и ее таинственном полковником». И сказала себе, что заслужила посвятить весь день себе самой. Ей нужно было о многом подумать. Ей хочется одного, а долг повелевает другое. И стало быть, это две вещи несовместные.

И еще она понимала, что если проведет весь день, погружившись в книгу, то, вполне возможно, сумеет на несколько часов изгнать из своих мыслей все эту ужасную неразбериху. Дать себе

небольшую паузу, забыть обо всем...

Может быть, если она подождет некоторое время, что-то произойдет, и ее проблемы разрешатся сами собой. Ну, к примеру...

Ее матушка найдет давно пропавшее бриллиантовое ожерелье.

Лорд Ньюбери отыщет девушку с еще более широкими бедрами.

Случится наводнение. Чума. Ведь в мире постоянно происходит столько разных бедствий! Взгляните, например, на злосчастную мисс Сейнсбери. В главах с третьей по восьмую она упала за борт корабля, была захвачена в плен пиратом и почти насмерть затоптана козлом.

Кто даст гарантию, что такое не может случиться и с ней?

Хотя... если выбирать, она предпочла бы найти бриллиантовое ожерелье. Как-то приятнее.

Но прятаться девушка могла лишь некоторое время, и вот она уже сидела перед зеркалом и ее волосы дергали туда и сюда, в то время как Луиза рассказывала ей о том, что она пропустила.

— Я видела лорда Ньюбери, — сообщила кузина.

Аннабел испустила полустон-полувздых.

— Он разговаривал с лордом Челлисом. Он... — Луиза глотнула и нервно поправила кружевную оборку на платье. — Он говорил что-то о специальной лицензии...

— Что?! О-о!

— Не двигайтесь так неожиданно, — укорила ее Нетти. — Мне трудно делать прическу.

— Что он говорил о специальной лицензии? — отчаянно прошептала Аннабел. Хотя необходимости в шепоте не было: Нетти знала все, что происходило вокруг. Аннабел уже пообещала ей за молчание две шляпки и пару туфельек.

— Просто сказал, что она у него уже есть. Поэтому он так задержался. Он заезжал в Кентербери.

— Ты с ним разговаривала?

Луиза покачала головой:

— Я даже не думаю, что он меня видел. Я читала в библиотеке, а дверь была открыта. Они стояли в коридоре.

— Специальная лицензия, — повторила Аннабел тусклым голосом. Специальная лицензия! Это означало, что пару могут поженить очень быстро, без задержки на предварительное оглашение в церкви... Сократить время до свадьбы на целых три недели, а саму церемонию проводить где угодно, в любом приходе... И в любое время... Хотя многие пары традиционно предпочитали утро субботы.

Аннабел поймала собственный взгляд в зеркале. Сегодня был четверг. Вечер. Что же делать? Времени совсем не остается.

Луиза взяла ее за руку.

— Я могу тебе помочь, — сказала она.

Аннабел повернулась к кухне. Что-то в голосе Луизы ее встревожило.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня... — Луиза замолчала и бросила взгляд на Нетти, которая вкалывала последнюю шпильку в прическу Аннабел. — Мне нужно поговорить с кухиной наедине.

— Еще минутку. — Она излишне сильно, по мнению Аннабел, потянула последнюю прядь, энергично вколола в нее шпильку и покинула комнату.

— У меня есть деньги, — призналась Луиза, едва дверь за служанкой захлопнулась. — Не очень много, но достаточно, чтобы помочь.

— Луиза, нет!

— Я никогда не трачу все деньги, которые выделяют мне на булавки. Отец дает мне гораздо больше, чем нужно. — Она чуть печально передернула плечами. — Словно в компенсацию за его отсутствие в других областях моей жизни. Но это не важно. А суть в том, что я могу посылать часть этих денег твоей семье. Этого хватит, чтобы держать твоих братьев в школе. По крайней мере, еще семестр.

— А следующий семестр? — вздохнула Аннабел. Потому что за этим семестром последует другой. А потом еще один. И как бы ни щедра была Луиза, ее финансовая помощь не может длиться вечно.

— Этим мы займемся, когда придет время. По крайней мере, мы выиграем для тебя отсрочку. Ты сможешь встретить кого-либо еще. А может, мистер Грей...

— Луиза!

— Нет, ты меня послушай, — прервала ее Луиза. — Может быть, у него есть деньги, о которых никто не знает.

— Ты не думаешь, что если б они у него были, он не стал бы утаивать это?

— А он промолчал?

— Увы, — оборвала ее Аннабел срывающимся голосом. Ей было очень тяжело. Ей трудно было думать о Себастьяне и обо всех причинах, по которым она не должна была выходить замуж за него. — Он сказал, что он не нищий, что мы с ним голодать не будем, но когда я напомнила ему, что нас восемь человек, он пошутил насчет того, что нам придется похудеть.

Луиза поморщилась, а потом попыталась отмахнуться от этого.

— Ну, мы ведь знаем, что, конечно, он не так богат, как граф. Да и кто еще так состоятелен? Но ведь тебе не нужны драгоценности и дворцы. Не так ли?

— Разумеется, нет. И если б не моя семья, я бы...

— Ты бы что, Аннабел? Что?

«Я вышла бы замуж за Себастьяна».

Однако она не осмелилась произнести это вслух.

— Ты должна задуматься о собственном счастье, — настаивала Луиза.

Аннабел фыркнула:

— А о чем, по-твоему, я думаю все время? Если бы я не мечтала о собственном счастье, я бы, наверное, сама попросила графа жениться на мне.

— Аннабел, ты не можешь выйти замуж за лорда Ньюбери!

Аннабел ошеломленно уставилась на кузину. Впервые услышала она, что Луиза повышает голос.

— Я не допущу этого! — с отчаянием воскликнула та.

— Неужели ты считаешь, что я сама этого хочу?

— Тогда не делай этого!

Аннабел в отчаянии стиснула зубы. Она досадовала не на Луизу, а на жизнь:

— У меня нет твоей свободы выбора, — наконец выговорила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно. — Я не дочь герцога Феннивика, и у меня нет приданого, которого хватило бы на покупку небольшого королевства в Альпах, и я не выросла во дворце, и...

Она замолчала. Огорчения на лице Луизы было достаточно, чтобы заткнуть ей рот.

— Я не хотела показаться невежливой, — тихо проговорила она.

Луиза смолкла, а потом сказала:

— Понимаю тебя. Но знаешь ли ты, что у меня тоже не было в свое время свободы выбора? Мужчины никогда не дрались из-за меня в «Уайтсе». Никто и никогда не флиртовал со мной в опере, и меня никогда не сравнивали с богиней плодородия.

Аннабел лишь тихо застонала:

— Ты и это слышала?

— Прости, — кивнула Луиза.

— Не извиняйся, — покачала головой Аннабел. — Наверное, это смешно для света — попадать в подобные ситуации, давать повод для сплетен.

— Нет, не смешно, — откликнулась Луиза, но губы ее дернулись, явно стремясь сдержать улыбку. Она бросила взгляд на Аннабел, увидела, что та тоже старается сохранить серьезность, и махнула рукой: — Конечно, тут можно отыскать при желании элемент юмора.

И обе расхохотались.

— Ох, Луиза, — промолвила Аннабел, когда они постепенно пришли в себя, — я тебя люблю.

Луиза нежно похлопала ее по руке.

— Я тоже тебя люблю, кузина. — Затем она отодвинула стул и поднялась на ноги. — Нам пора спускаться.

Аннабел встала и последовала за ней к двери.

Луиза вышла в коридор.

— Леди Челлис говорит, что после ужина будем играть в шарады.

— В шарады?.. — повторила Аннабел. — Моя жизнь теперь — сплошная шарада.

Леди Челлис пригласила всех гостей собраться перед ужином в гостиной. Аннабел выждала до последней минуты, чтобы присоединиться к остальным. Лорд Ньюбери глупцом не был, а она избегала его на протяжении нескольких дней и теперь подозревала, что он это понял. И угадала: когда она вошла в гостиную, он ждал ее у дверей. И кстати, Себастьян находился тут же.

— Мисс Уинслоу, — произнес граф, немедленно перехватывая ее, — мы должны поговорить.

— Но как же ужин? — ответила Аннабел, одновременно приседая в реверансе. — По-моему, пора идти на ужин.

— У нас есть время, — коротко ответил Ньюбери.

Уголкем глаза Аннабел заметила, что Себастьян медленно приближается к ним.

— Я говорил с вашим дедом, — продолжал Ньюбери. — Все решено.

Уже договорено и устроено? На языке у Аннабел вертелся вопрос: пришло ли ему в голову спросить об этом ее? Но она удержала язык за зубами. Меньше всего ей хотелось устроить сцену в гостиной леди Челлис. Не говоря уже о том, что лорд Ньюбери может принять это за приглашение предложить ей руку и сердце прямо здесь и сейчас.

А этого ей хотелось еще меньше.

— Право, милорд, сейчас не время говорить об этом, — попыталась уклониться от разговора она.

Но лицо Ньюбери напряглось. А Себастьян подходил все ближе.

— Я объявлю о помолвке сразу после ужина, — сообщил ей лорд Ньюбери.

— Вы не можете сделать это! — ахнула Аннабел.

Казалось, ее восклицание его позабавило.

— Неужели?

— Вы даже не спросили меня, — запротестовала она. И чуть не прикусила язык от огорчения. Вот тебе и все ее старания не дать ему возможности обязать ее, поставить в безвыходное положение.

Ньюбери хохотнул:

— Так в этом вся проблема? Ваша маленькая гордость уязвлена? Только и всего? Очень хорошо: после ужина я поднесу вам цветы. — Он похотливо улыбнулся, и его нижняя губа затряслась от напряжения. — И может быть, вы дадите мне что-нибудь взамен.

Он положил руку на предплечье Аннабел и затем дал ей соскользнуть на ее ягодицы.

— Лорд Ньюбери!

Он ущипнул ее.

Аннабел отскочила, но граф, посмеиваясь себе под нос, уже направлялся в столовую. Глядя ему вслед, она вдруг испытала очень странное чувство. Свободу!

Потому что наконец после всяческих проволочек и оттягивания решения, надежд на то, что ей не придется говорить «да» или «нет» человеку, чье предложение о браке решит все проблемы ее семьи, она поняла, что просто не сможет этого сделать.

Возможно, еще на прошлой неделе... возможно, до встречи с Себастьяном...

Нет, подумала она, как бы обаятелен и великолепен ни был Себастьян, как бы сильно ни обожала она его и ни надеялась, что он отвечает ей взаимностью, он не был единственной причиной, почему она не могла выйти замуж за лорда Ньюбери. Но он дал ей неожиданную альтернативу.

— Что, черт побери, тут произошло? — требовательно осведомился Себастьян, возникая рядом.

— Ничего, — ответила Аннабел и натянуто улыбнулась.

— Аннабел!..

— Нет, правда. Ничего. — Наконец-то она могла ответить так просто.

— Что ты имеешь в виду?

Она покачала головой. Толпа гостей направлялась на ужин.

— Я, расскажу тебе попозже.

Ее слишком развеселили собственные мысли, чтобы делиться ими даже с Себом. Кто мог бы подумать, что щипок за задницу может так окончательно все прояснить? Даже не собственно щипок, а выражение глаз, его сопровождавшее.

Этот взгляд собственника. Словно она уже его вещь.

В этот миг она поняла, что существует, по крайней мере, десять причин, по которым она никогда-никогда не сможет отдать себя этому человеку в жены.

Десять!.. А может, и все сто!

Глава 22

Во-первых, радостно думала Аннабел, занимая свое место за столом, лорд Ньюбери слишком

стар. Не говоря уже о во-вторых: он слишком жаждет обзавестись наследником и, вполне вероятно, покалечит ее в попытке этого достичь, и, конечно, женщина со сломанным бедром не сможет выносить ребенка в течение девяти месяцев. Ну и, разумеется...

— Почему ты улыбаешься? — прошептал Себастьян.

Он стоял за ней, видимо, на пути к собственному месту, находившемуся по диагонали от ее стула, то есть на два места ближе к голове стола, чем сидела она. Как мог кто-либо решить, что он подошел к ней по пути к своему месту, было выше ее соображения, и это навело ее на мысль о в-третьих: получалось, что она привлекла внимание самого обаятельного и чудесного мужчины в Англии, а кто из женщин мог даже помыслить, чтобы отвергнуть такую удачу?!

Леди Челлис была хозяйкой щепетильной, строго соблюдавшей все правила приличия, не допускавшей никаких отклонений от иерархического порядка рассаживания гостей по их рангу. А это означало, что между Аннабел и графом Ньюбери размещалось около сорока гостей, так что он находился от нее очень далеко.

Ей повезло и в том, что она сидела рядом с Эдвардом, кузеном Себастьяна, чьим обществом она наслаждалась за ленчем. И поскольку сидеть за столом задумавшись было невежливо, она быстро решила мысленно перечислить всех своих братьев и сестер (от в-четвертых до в-десятых). Они ведь наверняка достаточно любят ее, чтобы не желать ей из-за своих проблем такого ужасного брачного союза.

Сияя широкой улыбкой, она повернулась к мистеру Валентайну. Улыбка получилась такой ослепительной, что тот явно растерялся.

— Какой прекрасный вечер! Не правда ли? — промолвила она, потому что так ей теперь и казалось.

— Э-э... да. — Он заморгал растерянно и бросил быстрый взгляд на Себастьяна, словно спрашивая у него разрешения. А может быть, проверяя, не прислушивается ли он к их разговору.

— Я так рада, что вы тоже здесь присутствуете, — продолжала она, восторженно разглядывая суп. Она проголодалась. Счастье всегда делало ее голодной. Она снова перевела взгляд на мистера Валентайна, чтобы тот не подумал, будто она чересчур радуется супу (хотя так оно и было на самом деле), и прибавила: — Я не сообразила, что вы тоже будете здесь. — Ее бабушка раздобыла у леди Челлис список гостей, и Аннабел была уверена, что имени Валентайна там не было.

— Я — самое последнее добавление. Так сказать, сверх программы.

— Не сомневаюсь, что леди Челлис очень довольна, что вы приехали. — Она снова улыбнулась. Просто не могла не улыбаться. — А теперь, мистер Валентайн, мы должны поговорить о более важных вещах. Я уверена, что вам известно множество ужасно неприличных историй о вашем кузене, мистере Грее. — Она наклонилась вперед, глаза ее сверкали. — Я хочу услышать их все.

Себастьян никак не мог решить, заинтригован он или разозлен.

Нет, не так. Его злили две вещи... Однако он тут же вспомнил, что никогда не теряет присутствия духа, а потому решил, что предпочитает интригу.

Он чуть не вмешался, когда Ньюбери в гостиной загнал Аннабел в угол, а увидев, как тот ущипнул ее, он уже представлял себе, с каким наслаждением даст дядюшке в глаз. Но в тот момент, как он уже почти приблизился, лицо Аннабел внезапно необычайно преобразилось. На миг ему показалось, что она перенеслась в какую-то далекую блаженную даль.

У нее был такой вид, словно она вдруг воспарила, стала невесомой...

Себастьян понять не мог, что такого мог поведать ей дядюшка, чтобы она стала поистине счастливой. Но было невозможно выяснить это у нее сию минуту, так как все двинулись на ужин.

Поэтому он решил, что если Аннабел не рассердилась на Ньюбери за его выходку, этого не мог делать и он.

За ужином она просто светилась, что крайне его раздражало, потому что сидели они на противоположных сторонах стола и к тому же сдвинутыми на два места относительно друг друга. Он не мог радоваться ее прекрасному настроению, так как не считал это своей заслугой. Создавалось впечатление, что она наслаждается своей беседой с Эдвардом. Себастьян обнаружил, что если он наклонится вперед и чуть влево, то сможет услышать почти половину того, что они говорят.

Он расслышал бы больше, если б не его соседка слева, леди Миллисент Фарнсворт, которая была почти совсем глухой.

Каким наверняка станет и он к концу вечера.

— Это утка? — проорала она, указывая на ломтик птицы, лежавший у нее на тарелке, которая действительно была уткой.

Себастьян нервно глотнул, будто это действие могло вытеснить из его уха ее пронзительный голос, и сказал что-то насчет того, что это и впрямь утка и она восхитительна. Хотя он ее еще не попробовал.

Старуха покачала головой:

— Я не люблю утку, — а затем — слава Богу, шепотом — добавила: — У меня от нее бывает сыпь.

Себастьян тут же решил, что, пока сам не постареет настолько, чтобы иметь внуков, знать ничего не желает о женщинах старше семидесяти.

Пока леди Миллисент занялась мясом по-бургундски, Себастьян наклонил голову еще чуть левее, пытаясь расслышать, о чем говорят Аннабел и Эдвард.

— Я — самое последнее добавление, — сказал Эдвард.

Себастьян понял, что тот говорит о списке гостей.

Аннабел одарила его — не Себастьяна, а Эдварда — еще одной ослепительной улыбкой.

Себастьян неожиданно для себя почти зарычал:

— Что?

И отдернул голову. Это был естественный рефлекс: он очень ценил свое левое ухо.

— Разве эта говядина не чудесна? — обратился он к леди Миллисент, указывая на мясо, чтобы не возникло недоразумений.

Она кивнула, сказала что-то насчет парламента и ткнула вилкой в картофелину.

Себастьян вновь посмотрел на Аннабел, оживленно беседующую с Эдвардом.

«Посмотри на меня!» — мысленно приказал он ей.

Она и не подумала.

«Посмотри на меня!»

Никакого эффекта.

«Посмотри...»

— Куда это вы все смотрите? — прервал его ухищрения старушечий голос.

— Восхищаюсь вашей прелестной кожей, леди Миллисент, — мгновенно ответил Себастьян. Он всегда быстро соображал. — Вы, наверное, тщательно следите, чтобы на нее не попало солнце.

Она кивнула и пробормотала:

— Я всегда тщательно слежу за деньгами.

Себастьян растерялся. Он вовсе не имел в виду ее финансовые проблемы.

— Ешьте говядину. — Она проглотила еще кусок. — Это лучшее, что есть на этом столе.

Он положил мяса себе. Но мясо требовалось подсолить. Вернее, ему требовалось взять солонку, которая по случайности стояла прямо перед Аннабел.

— Эдвард, — произнес он, — не мог бы ты попросить у мисс Уинслоу соли? — Пожалуйста.

Эдвард повернулся к Аннабел и повторил его просьбу, хотя, по мнению Себастьяна, не было никакой необходимости сопровождать ее взглядом куда-то ниже ее лица.

— Разумеется, — пролепетала Аннабел и потянулась за солонкой.

«Посмотри на меня».

Она передала ее Эдварду.

«Посмотри на меня!»

Получилось. Он послал ей самую свою ласковую улыбку, обещающую тайные радости.

Она вспыхнула. От кончиков ушей до щек, до кожи ее груди, так прелестно сиявшей в обрамлении кружев ее лифа. Себастьян позволил себе удовлетворенный вздох.

— Мисс Уинслоу? — осведомился Эдвард. — Вам нехорошо?

— Все отлично, — ответила она, обмахиваясь веером. — Здесь несколько жарко.

— Пожалуй, вы правы, — промолвил он, покривив душой. На нем была рубашка, галстук, жилет и фрак... но он выглядел холодным, как снег. В то время как Аннабел, вырез платья которой был таким низким, что половина груди оказывалась на воздухе, только что сделала большой глоток вина.

— Кажется, мой суп бы чересчур горячим, — сказала она, бросив быстрый и красноречивый взгляд на Себастьяна. Он вернул его и слегка облизнул губы.

— Мисс Уинслоу? — снова спросил Эдвард, полный тревоги.

— Со мной все в порядке, — резко ответила она.

Себастьян хмыкнул.

— Попробуйте рыбу.

— С удовольствием, — улыбнулся Себастьян леди Миллисент. Он взял ломтик лососины, которая действительно оказалась очень вкусной — леди Миллисент, очевидно, неплохо разбиралась в рыбе, — и вновь исподтишка посмотрел на Аннабел, которая выглядела так, словно больше всего на свете мечтала о стакане холодной воды. А у Эдварда возник какой-то осоловевший взгляд, всегда появляющийся у него, когда он думал о груди Аннабел...

Себастьян пнул его ногой под столом.

Эдвард круто обернулся и посмотрел на него.

— Что-то не так, мистер Валентайн? — спросила Аннабел.

— У моего кузена, — спохватился тот, — необычайно длинные ноги.

— Он вас пнул? — Она торопливо повернулась к Себастьяну.

«Ты его пнул?» — одними губами выговорила она, взглянув на Себа.

Тот откусил еще немного рыбы. Она вновь повернулась к Эдварду:

— Что за странная фантазия?

Эдвард покраснел до кончиков ушей. Себастьян решил предоставить Аннабел самой догадаться, в чем дело. Она бросила ему хмурый взгляд, на который он отозвался вопросом:

— В чем дело, мисс Уинслоу?

— Вы говорили со мной? — неожиданно вклинилась в их разговор старушка.

— Мисс Уинслоу заинтересовалась, что за рыбу мы едим, — солгал Себастьян.

Леди Миллисент посмотрела на Аннабел как на полную идиотку и пробормотала что-то невнятное. Он подумал, что она сказала «лосось», но, возможно, это было «мясо». Не ужели его соседка права?

Он опустил глаза на свою тарелку, чтобы удостовериться, что знает каждую мясную

субстанцию на ней, и только затем, успокоившись, что все вроде бы выглядит как должно, положил в рот очередной кусочек.

— Хорошая говядина, — сказала леди Миллисент, подталкивая его под руку локтем.

Он улыбнулся и кивнул, обрадованный тем, что она наконец заговорила негромким голосом.

— Надо бы взять еще. Лучшее блюдо на столе.

Себастьян не был в этом уверен, но...

— Где говядина?

У Себастьяна чуть не лопнула барабанная перепонка.

Леди Миллисент изгибала шею, глядя туда и сюда. Она открыла рот, чтобы вновь испустить свой оглушительный вопль, но Себастьян поднял руку, призывая ее к молчанию, и махнул рукой слуге.

— Еще говядины даме, — попросил он.

Слуга со страдальческим видом объяснил, что говядины больше не осталось.

— Не могли бы вы подать ей что-нибудь внешне похожее на говядину?

— У нас имеется утка в таком же соусе.

— Господи, только не это! — Себастьян понятия не имел, как выглядит сыпь, о которой давеча говорила леди Миллисент, и сколько времени потребуется, чтобы она проявилась, но искренне надеялся, что ему не придется это узнать.

Широким жестом он указал куда-то на дальний конец стола, пробормотал что-то насчет говядины, и когда она повернулась туда, быстро переложил остаток этого блюда со своей тарелки к ней.

Не узрев вдали ничего похожего на любимое кушанье, леди Миллисент с раздраженным видом обернулась к нему, но Себастьян поспешно предвосхитил ее тираду:

— Они нашли для вас последнюю порцию.

Она довольно буркнула что-то и занялась едой. Себ рискнул бросить взгляд на Аннабел, которая удивленно наблюдала за происходящим.

Теперь она улыбалась, всем своим видом показывая, что находится в прекрасном расположении духа.

Себастьян подумал, что все леди, которых он встречал в Лондоне, взирали бы на этот небольшой эпизод с ужасом или отвращением или, если у них было чувство юмора, сдерживали бы улыбки, кусая губы или прикрывая рот салфеткой.

Но не Аннабел. Она улыбалась так же, как смеялась: широко, с озорными искорками в глазах. Ее серо-зеленые глаза, цвет которых притушила вечернее освещение, сверкали.

Он вдруг осознал — прямо здесь, за плотно уставленным фарфором и серебром столом леди

Челлис, — что никогда не сможет жить без нее. Она была такой красивой, такой великолепно-женственной, что у него буквально перехватило дыхание. Ее лицо с овалом сердечком и ротиком, который выглядел так, словно всегда хотел улыбаться, ее кожа, не такая белоснежная, как требовала мода, идеально ей соответствовала. Она выглядела здоровой и слегка обветренной, «поцелованной ветром».

Она относилась к тому типу женщин, которых мужчина хочет видеть, чтобы считать себя счастливым человеком. Нет, вернее, она была именно той женщиной, к которой он хотел приходить домой. Он попросил ее стать его женой... Но почему? Он едва ли мог четко обосновать. Она ему нравилась, он ее... вожделем, и — Бог свидетель — он всегда любил спасать женщин, нуждающихся в спасении. И он никогда не предлагал ни одной из них выйти за него замуж.

Неужели его сердце знало то, что не хотел осознать его разум?

Он ее любил.

Он ее обожал.

Он хотел каждую ночь забираться к ней в постель и заниматься любовью так, словно завтра никогда не наступит... хотел каждое утро просыпаться в ее объятиях, отдохнувший и удовлетворенный, готовый посвятить себя единственно стоящему делу: заставлять ее улыбаться.

Он поднес стакан к губам и улыбнулся. Мерцающий свет свечей играл в хрустале и серебре, украшавших стол. Себастьян Грей был счастлив.

По окончании трапезы дамы удалились, чтобы мужчины могли спокойно насладиться своим портвейном. Аннабел отыскала Луизу, которая была принуждена сидеть во главе стола рядом с лордом Ньюбери, и они рука об руку направились в гостиную.

— Леди Челлис сказала, что мы должны читать, писать и вышивать, пока мужчины не присоединятся к нам, — сообщила Луиза.

— Ты захватила с собой вышивание?

Луиза поморщилась:

— Она сказала, что предоставит нам такую возможность.

— Теперь проясняется истинная цель этого приглашения, — сухо откликнулась Аннабел. — К моменту нашего возвращения в Лондон у леди Челлис будет новый набор наволочек для подушек.

Луиза хихикнула и заметила:

— Я намерена попросить кого-нибудь принести мне мою книжку. Могу попросить и для тебя.

Аннабел кивнула, подождала, пока Луиза даст распоряжение горничной, а затем они вместе вошли в гостиную и заняли места поближе к стенке. Несколько минут спустя появилась горничная с двумя книжками в руках. Это был роман «Мисс Сейнсбери и загадочный полковник». Обе дамы тут же погрузились в него.

— О, как забавно, что мы читаем одну и ту же книжку! — воскликнула Луиза, поглядев на корешки.

Аннабел удивленно глянула на кузину.

— Разве ты уже не читала ее?

Луиза пожала плечами.

— Мне так понравилась «Мисс Трусдейл и молчаливый джентльмен», что я решила перечитать остальные три. — Она заглянула в экземпляр Аннабел: — В каком месте ты читаешь?

— Э-э... — Аннабел раскрыла роман и нашла место, на котором остановилась. — По-моему, мисс Сейнсбери как раз бросилась через изгородь...

— А-а, она спасалась от козла... — вздохнула Луиза. — Мне очень нравится это место. — Она подняла свой экземпляр. — А я все еще в начале.

Они уселись поуютнее с книжками, но прежде чем успели перевернуть страницу, рядом возникла леди Челлис.

— Что вы читаете? — поинтересовалась она.

— «Мисс Сейнсбери и загадочный полковник», — вежливо ответила Луиза.

— А вы, мисс Уинслоу?

— Вообще-то то же самое.

— Вы читаете одну и ту же книгу? Как мило! — Взмахом руки она подозвала свою приятельницу. — Только погляди на это, Ребекка. Они читают одну и ту же книжку. Удивительное единодушие!

Аннабел не очень поняла, почему это так необычно, но сидела тихо, ожидая приближения леди Уэстфилд.

— Кузины, — повторила леди Челлис, — и читают одну и ту же книжку.

— Вообще-то, — сказала Луиза, — я читала ее и раньше.

— Что за книжку? — осведомилась леди Уэстфилд.

— «Мисс Сейнсбери и загадочный полковник», — сказала Аннабел.

— О-о, миссис Горли... Мне очень понравился этот роман. Особенно тот момент, когда пират оказывается...

— Ничего не говорите! — воскликнула Луиза. — Аннабел еще не закончила читать. Иначе ей будет неинтересно.

— О, тогда конечно.

— Это одна из моих любимых книжек Горли, — заметила Луиза.

Леди Уэстфилд обратила внимание на Аннабел.

— А вам, мисс Уинслоу, этот роман нравится?

Аннабел откашлялась. Она не была уверена, так ли уж по душе этот роман, но и сказать, что он ей не нравится, она тоже не могла. В нем было нечто успокоительное. Почему-то некоторые реплики героев напоминали ей высказывания Себастьяна. Миссис Горли была одним из его любимых авторов, и она теперь понимала почему. Подчас фразы звучали так, словно их произносил он.

— Мисс Уинслоу? — повторила леди Уэстфилд. — Вам нравится эта книга?

Аннабел вздрогнула, потом сообразила, что так и не ответила на вопрос.

— Полагаю, что да. История увлекательная, хоть и несколько невероятная.

— «Несколько»? — рассмеялась Луиза. — Она абсолютно невозможная. Но это и делает ее такой замечательной.

— Наверное, — с сомнением промолвила Аннабел, — мне просто хотелось бы, чтобы стиль не был таким цветистым. Иногда мне кажется, что я тону в прилагательных.

— О, у меня появилась замечательная идея! — воскликнула леди Челлис, хлопая в ладоши. — Мы оставим шарады на следующий вечер.

Аннабел испустила глубокий вздох облегчения. Она всегда терпеть не могла шарады.

— Вместо этого у нас будет чтение!

Аннабел резко вздернула подбородок и посмотрела на нее:

— Что?

— Чтение. У нас здесь уже имеются два экземпляра одной книги, и я не сомневаюсь, что в библиотеке отыщется еще один. Трех будет вполне достаточно.

— Вы собираетесь читать вслух «Мисс Сейнсбери»? — спросила Луиза.

— О, только не я. — Леди Челлис приложила руку к сердцу. — Хозяйка дома никогда не играет роль в представлении. Она организует его.

Аннабел была уверена, что это не так, но ничего не могла поделать с ситуацией.

— Возьмете на себя одну из ролей, мисс Уинслоу? — продолжала леди Челлис. — Вы так эмоциональны.

Аннабел ни на миг не усомнилась, что это не комплимент. Однако она согласилась читать, потому что, как и ранее, ничего не могла с этим поделать.

— Вам следует попросить мистера Грея принять участие в нашей затее, — предложила Луиза.

Аннабел решила, что при первой возможности даст ей хорошего пинка. Сейчас она просто не могла до нее дотянуться.

Он большой поклонник миссис Горли, — добавила Луиза.

— Неужели? — пробормотала леди Челлис.

— Это так, — подтвердила Луиза. — Мы недавно пришли к выводу, что все вместе восхищаемся этим автором.

— Что ж, так тому и быть, — решила леди Челлис. — Пусть участвует и мистер Грей, и, думаю, вы тоже, леди Луиза.

— О нет! — сразу покраснела Луиза, давая всем понять, что она просто в отчаянии от такого предложения. — Я не смогу. Я... я совершенно беспомощна в подобных вещах.

— Значит, сейчас самое время попрактиковаться. Не так ли?

Аннабел понравилась мысль о заслуженной «мести» кухне, но все же она сочла предложение слишком жестоким.

— Леди Челлис, я уверена, что мы найдем кого-нибудь другого, кто будет рад принять в этом участие. А может быть, Луиза станет нами руководить?

— А вам разве нужен руководитель?

— Я хочу сказать: так полагается. Во всех театральных постановках требуется руководитель-постановщик. А что такое подобное чтение, как не маленький спектакль?

— Ладно, — махнула рукой леди Челлис. — Можете разобраться с этим между собой. А теперь простите меня, я пойду выясню, что задерживает джентльменов.

— Спасибо, — промолвила Луиза, едва леди Челлис их покинула. — Я никогда не смогла бы читать на публику. Нет у меня артистического таланта.

— Знаю, — кивнула Аннабел. Ей самой не особенно хотелось читать роман перед всеми гостями, но, по крайней мере, у нее в этом деле была некоторая практика. Они с братьями и сестрами часто устраивали дома спектакли и чтения вслух.

— Какую часть мы станем представлять? — спросила Луиза, листая страницы.

— Понятия не имею. Я не дочитала даже до середины. Только, пожалуйста, — резко проговорила она, — не вздумай делать меня козлом. Там есть такой персонаж.

Луиза фыркнула:

— Нет-нет, ты, разумеется, станешь мисс Сейнсбери. А мистер Грей будет полковником. О Боже, нам потребуется еще рассказчик! Может быть, на это согласится кузен мистера Грея?

— Мне кажется, будет гораздо смешнее, если за мисс Сейнсбери станет читать мистер Грей, — небрежно предложила Аннабел.

Луиза ахнула:

— Аннабел, какая же ты вредная!

Та пожала плечами:

— Я могу быть рассказчиком.

— О нет! Если ты намерена превратить мистера Грея в мисс Сейнсбери, то сама должна стать полковником. Рассказчиком будет мистер Валентайн. — Луиза нахмурилась. — Но вероятно, нам следует спросить мистера Валентайна, согласен ли он принять в этом участие.

— У меня-то выбора не было, — напомнила ей Аннабел.

Луиза обдумала ее слова.

— Ну что ж, хорошо. Дай мне найти подходящий отрывок. Как ты считаешь, сколько времени должно продолжаться чтение?

— Оно должно быть как можно короче, — твердо заявила Аннабел.

Луиза снова открыла книжку и пролиставала несколько страниц.

— Это трудно, если мы хотим избежать козла.

— Луиза!.. — угрожающе произнесла Аннабел.

— Полагаю, твой запрет распространяется и на овец?

— На всех четвероногих!

Луиза покачала головой:

— Ты очень затрудняешь мне выбор. Мне придется тогда выбросить все сцены на корабле.

Аннабел перегнулась через ее плечо, бормоча:

— До этого места я еще не дошла.

— Тут еще описывается доение коз, — заметила Луиза.

— Что вы, леди, изучаете?

Аннабел подняла глаза, и внутри у нее все растаяло. Рядом с ними стоял Себастьян. Он явно не видел, над чем они склонились: книгу закрывали их затылки.

— Мы будем разыгрывать сцену, — сказала она с извиняющейся улыбкой, — из «Мисс Сейнсбери и загадочного полковника».

— Неужели? — Он тут же уселся рядом с ними. — Какую же именно сцену?

— Я пытаюсь решить, — сообщила ему Луиза, поднимая голову. — Да, кстати, вы — мисс Сейнсбери.

Он растерянно моргнул:

— Правда?

Луиза слегка кивнула в сторону кухни:

— Аннабел будет полковником.

— Как-то шиворот-навыворот. Вам не кажется?

— Так будет гораздо забавнее, — объяснила Луиза. — Это придумала сама Аннабел.

Себастьян устремил пронизательный взгляд на Аннабел и сухо пробормотал:

— Почему меня это не удивляет?

Он сидел совсем близко к ней, не касаясь, потому что никогда не допустил бы подобной нескромности прилюдно. Однако у нее было ощущение, что они соприкоснулись. Воздух между ними потеплел, и ее кожу стало покалывать. Дрожь прокатилась по ее телу.

В это мгновение она вдруг очутилась на берегу пруда, его руки лежали на ее коже, его губы были повсюду. Ее сердце бешено забилося, и она пожалела, что не захватила веер. Пришелся бы кстати и стакан прохладительного напитка...

— Ваш кузен будет рассказчиком, — заявила Луиза, абсолютно не замечая, что Аннабел бросило в жар. И реальный веер сейчас бы ей очень не помешал.

— Эдвард? — удивился Себастьян, откидываясь назад с совершенно невозмутимым видом. — Впрочем, ему это понравится.

— Правда? — улыбнулась Луиза, подняв на него глаза. — Мне только нужно подобрать подходящую сцену.

— Надеюсь, что-нибудь драматическое?

Луиза кивнула.

— Но Аннабел настаивает, чтобы не было никаких коз и козлов.

Аннабел захотелось произнести что-то язвительное в адрес кухни, но она никак не могла справиться с дыханием.

— Согласен. Не думаю, что леди Челлис одобрит появление козла в своей гостиной, — кивнул Себастьян.

Аннабел наконец удалось задышать ровно, но трепет пробежал по всему ее телу. А сердце словно рвалось куда-то бежать, напоминая тугую пружину.

— Я никогда еще не видела живую козу, — со смехом сказала Луиза.

— А вы попробуйте привлечь в ваш спектакль мистера Хэммонда-Беттса, — предложил Себастьян. — У него такая пушистая шевелюра.

Аннабел попыталась сосредоточиться на точке прямо перед собой. Она сидела в кресле, над ее головой шли разговоры о козах, а у нее возникло ощущение, что она в любую минуту может вспыхнуть жарким пламенем. Как могут они этого не замечать?

— Не думаю, что сей джентльмен благожелательно отнесется к такой просьбе, — хихикнула Луиза.

— А жаль, — пробормотал Себастьян. — Он очень подошел бы к этой роли. Один к одному.

Аннабел сделала неглубокий вдох. Когда Себастьян так понижал голос и тот звучал мягко и чуть хрипловато, у нее мурашки пробежали по коже.

— А пожалуй, вот неплохая сцена! — возбужденно воскликнула Луиза. — Что вы думаете о ней? — Она потянулась через Аннабел, предлагая книгу Себастьяну, и это, конечно, означало, что он тоже должен был тянуться через Аннабел.

Его рука прошла по ее рукаву. Его бедро оперлось на нее.

Аннабел вскочила на ноги, выбив книжку из руки... она не видела, из чьей именно, и это было ей все равно.

— Извините меня, — почти вскрикнула она.

— Что-то неладно? — спросила Луиза.

— Ничего. Я просто... э-э... — Она откашлялась. — Я тут же вернусь. — И снова кашлянула. — Простите меня... я на минутку... — И снова... — Я...

— Иди, иди, — кивнула Луиза.

Она пошла. Точнее, попыталась. Она так спешила, что не смотрела, куда идет, и, когда добралась до двери, только чудом не избежала столкновения с входившим в гостиную джентльменом.

С лордом Ньюбери.

Кипучее головокружение, заполнявшее Аннабел, сразу угасло.

— Лорд Ньюбери, — пробормотала она, приседая в почтительном реверансе. Ей не хотелось озлоблять его. Она просто не хотела выходить за него замуж.

— Мисс Уинслоу. — Его глаза быстро обежали комнату и лишь затем обратились к Аннабел. Она увидела, как сжались его зубы, когда он заметил Себастьяна, но, за исключением этого слабого признака гнева, он выглядел вполне удовлетворенным. Отчего Аннабел сразу встревожилась.

— Я объявлю о нашей помолвке прямо сейчас, — сообщил он ей.

— Что? — Она с трудом подавила вскрик. — Милорд, — сказала она, стараясь говорить умиротворяющим тоном... или по крайней мере рассудительным, — право сейчас не время.

— Чепуха, — отмахнулся он. — Кажется, здесь присутствуют все.

— Я не сказала вам «да», — почти простонала она.

Он обернулся к ней с уничижающим взглядом, полным ярости. Но затем ничего не сказал, словно в этом не было нужды.

Он даже не счел ее заслуживающей ответа! Аннабел расствирепела.

— Лорд Ньюбери, — решительно и твердо проговорила она, кладя руку ему на предплечье, — я запрещаю вам делать это объявление.

Его лицо, и так достаточно красное, сделалось попросту лиловым, а на шее начала пульсировать надувшаяся вена. Аннабел убрала ладонь с его руки и осторожно сделала шаг назад. Она не думала, что он ударит ее в таком публичном месте, но ведь он нанес же удар Себастьяну на глазах всего аристократического клуба. Было только разумно держаться от него подальше.

— Я не сказала «да», — повторила она, потому что он никак не отреагировал на ее слова. Он просто смотрел на нее с грозным видом, и на какой-то миг она решила, что его сейчас хватит апоплексический удар. Никогда в жизни не видела она человека в такой ярости. Слюна закипала в уголках его рта, налившись кровью глаза готовы были выпрыгнуть из орбит. Это было страшно. Этот человек был страшен.

— Вам и не надо говорить «да», — наконец выплюнул он хриплым шепотом. — Или «нет». Вы уже куплены и проданы, и на следующей неделе вы раскинете ноги и выполните свой супружеский долг. И будете делать это снова и снова, пока не произведете на свет здорового мальчишку. Все ясно?

— Нет, — произнесла Аннабел, стараясь только, чтобы голос ее звучал отчетливо, — ничего не ясно.

Глава 23

— Давайте посмотрим, леди Луиза, какую сцену вы выбрали, — проговорил Себастьян, протягивая руку за «Мисс Сейнсбери», упавшей на ковер, когда Аннабел выбила ее из его рук. Как забавно будет ему читать вслух перед публикой свое собственное произведение! Немножко нелепо, что он будет произносить текст за мисс Сейнсбери, но он был достаточно уверен в своем мастерстве, так что выполнит это задание даже с апломбом.

Кроме того, ему вообще прекрасно удавались подобные перевоплощения. По крайней мере он сам так считал. И не важно, что когда, последний раз он этим занимался перед аудиторией, то упал со стола и вывихнул плечо. Он ничуть не жалел об этом. Зато служанки были в слезах. В слезах!

Это был прекрасный момент.

Он подобрал книжку и выпрямился с целью передать ее Луизе, чтобы она могла снова отыскать выбранное место, но затем увидел тревожное выражение ее лица и обернулся, следуя за ее взглядом.

Аннабел стояла возле двери. И там же находился его дядя.

— Я его ненавижу, — яростно прошептала Луиза.

— Я и сам не слишком его люблю.

Луиза схватила его руку с силой, которой он в ней не подозревал, и когда он повернулся к ней лицом, то с изумлением увидел ненависть в ее взгляде. Она была вроде бы таким бесцветным существом, но в эту минуту буквально пылала гневом.

— Вы не можете позволить ей выйти за него, — произнесла она.

Себастьян снова обернулся к двери и сузил глаза.

— Я и не собираюсь.

Он подождал, чтобы увидеть, не разрешится ли ситуация сама собой. Ради Аннабел он не хотел устраивать в обществе скандал. Он прекрасно понимал, что леди Челлис спланировала этот свой домашний прием так, чтобы главным развлечением для присутствующих стал любовный треугольник Грей—Уинслоу—Ньюбери. Все, что содержит хотя бы отдаленный намек на скандал, завтра будет обсуждать весь Лондон. Неудивительно, что взоры всех присутствующих в гостиной были устремлены на Аннабел и лорда Ньюбери.

Украдкой их бросали и на Себастьяна.

Он действительно не собирался вмешиваться. Но когда его дядюшку начало трясти и он расвирепел, а его лицо от злобы пошло пятнами и он прошипел что-то Аннабел... Себастьян уже не мог оставаться в стороне. Есть же какой-то предел!

— Какая-то проблема? — осведомился он холодным тоном, подходя к ним и становясь позади и несколько сбоку от Аннабел.

— Не твоя забота! — выплюнул дядя.

— Я думаю иначе, — тихо произнес Себастьян. — Леди в беде всегда становились моей заботой.

— Эта леди — моя нареченная невеста, — рявкнул Ньюбери, — и поэтому никогда твоей заботой не будет.

— Это правда? — обратился Себастьян к Аннабел. Не потому, что поверил в это, а потому что хотел дать ей возможность публично отрицать такое заявление.

Она покачала головой.

— Нет!

Себастьян вновь повернулся к дяде.

— У мисс Уинслоу явно сложилось представление, что она не является вашей нареченной.

— Мисс Уинслоу — идиотка.

У Себастьяна все внутри сжалось, а кончики пальцев стало покалывать от того странного чувства, которое заставляет пальцы сжиматься в кулаки. Однако он сохранил холодную выдержку и только поднял брови, заметив одновременно:

— И все-таки вы хотите жениться на ней.

— Держись подальше от этого, — предостерег его дядя.

— Я мог бы, — пробормотал Себ, — однако наутро я испытал бы жгучее чувство вины из-за того, что допустил прелестную юную леди под венец с вами. Для нее это равносильно смерти. Глаза Ньюбери сузились в щелочки.

— Ты несколько не меняешься. Не так ли?

Себастьян, продолжая сохранять невозмутимое выражение лица, промолвил:

— Если вы имеете в виду, что я всегда обаятелен...

Ньюбери выдвинул подбородок.

— Некоторые даже могли бы назвать меня притягательным. — Себастьян понимал, что нарывается на скандал, но удержаться от этого было так трудно. В этом споре было некое дежа-вю. Аргументы никогда не менялись. Дядя твердил, какое жалкое существо его племянник, а Себастьян, скучая, ждал, пока дядюшка исчерпает свои речи. Поэтому когда Ньюбери набрал воздуха для последней тирады, Себастьян просто скрестил руки на груди, пошире расставил ноги для устойчивости и приготовился ждать, когда тот выдохнется.

— Всю твою жизнь, — ярился Ньюбери, — ты плыл по течению без цели и смысла, блудил направо и налево, проваливал учебу...

— Но вот это неправда, — возмутился Себастьян, чувствуя необходимость защитить свою репутацию перед такой большой аудиторией. Он никогда не бывал в числе первых учеников, но никогда не был и в последних.

Однако дядя заканчивать свои обвинения не собирался.

— Кто, как ты думаешь, платил за твое чертово образование? Твой отец? — Он презрительно фыркнул. — У него никогда не было и двух шиллингов в кармане. Я всю жизнь оплачивал его счета.

На мгновение Себастьян растерялся.

— Что ж, тогда я, наверное, должен вас поблагодарить, — тихо произнес он. — Я этого не знал.

— Разумеется, ты этого не знал, — не унимался дядя. — Ты никогда ни на что не обращаешь внимания. Никогда. Ты просто шествуешь по жизни, спишь с чужими женами, убегаешь, бросая свою страну, оставляя нам всем разбираться с твоими проказами и нести ответственность.

Но это уже было чересчур. А когда Себастьян злился, он становился наглым. И дерзким. И чертовски остроумным. Он повернулся к Аннабел и воздел к ней руки, словно говоря: «Как такое может быть?»

— А я-то думал, что пошел в армию ради короля, страны и...

К этому моменту вокруг них собралась маленькая толпа. Гости леди Челлис отбросили всякие правила приличия.

— Надеюсь, что не ошибся. — Себ обернулся к зрителям с преувеличенным недоумением на лице. — Я перестрелял кучу французских солдат. Что ж, на войне как на войне.

Кто-то хихикнул. Кто-то успел сдержать смех ладонью. Но никто, как заметил Себастьян, не поспешил вмешаться. Он подумал, вел ли бы себя так же, будучи зрителем.

Возможно, нет. Сцена получалась довольно забавной. Граф захлебывался слюной от злости, а племянник насмеялся. Как понимал Себастьян, этого от него и ждали. Его юмор всегда был острым, обаяние — легендарным, и он никогда не выходил из себя.

Лицо Ньюбери приобрело еще более темный красно-оранжевый цвет. Он понимал, что

Себастьян со своим юмором владеет толпой. В конечном итоге все встанут на сторону титула и богатства, но в данный момент граф выглядел шутком. И Себастьян знал, как тому это ненавистно.

— Не суй свой нос, куда не просят, — рявкнул дядюшка. Толстым пальцем он ткнул в Себастьяна, едва не упершись тому в грудь. — Ты и не думал интересоваться мисс Уинслоу, пока не услышал, что я намерен на ней жениться.

— На самом деле это неправда, — почти благожелательно проговорил Себастьян. — И я мог бы возразить, что это вы решили покончить с ней, пока не подумали, что я могу ею заинтересоваться.

— Последнее, чего я хочу, — это занять одну из твоих потаскушек, которой она, — он резко мотнул головой в сторону Аннабел, с ужасом наблюдавшей за разворачивающейся ссорой, — скоро может стать.

Внутри у Себастьяна все перевернулось.

— Осторожнее, — предупредил он, Голос его звучал с опасной мягкостью. — Вы оскорбляете леди.

Лорд Ньюбери выкатил глаза.

— Я оскорбляю шлюху!

Ну вот и все. Себастьян Грей, человек, всегда уходивший прочь от конфликтов, человек, прошедший всю войну вдаль от переднего края, отстреливавший противников поодиночке, человек, считавший гнев чем-то непрофессиональным...

Он озверел.

Он не думал ни о чем в этот момент, он даже ничего не ощущал, он понятия не имел, что говорится и делается вокруг него. Все его существо сжалось и скрутилось, жуткий первобытный крик вырвался из его горла... Он не больше мог его контролировать, чем остальное свое тело, которое бросилось вперед, почти перелетело разделяющее их пространство и сбilo дядю на пол.

Они задели столик, и масса тела лорда Ньюбери расщепила дерево, а два канделябра с зажженными свечами кувырком полетели на ковер.

Раздался крик. Себастьян смутно видел, что кто-то затоптал пламя, но весь дом мог гореть в огне, и это не отвратило бы его от намеченной цели.

Обхватив крепкими пальцами горло дяди, он прорычал:

— Извинись перед леди! — Коленом он нажал туда, где было всего больнее.

Ньюбери взвыл от этого оскорбительного удара.

Большие пальцы Себастьяна давили на кадык Ньюбери.

— Это не похоже на извинение.

Его дядя яростно сверкнул глазами и плюнул ему в лицо.

Себастьян даже не поморщился.

— Извиняйтесь, — повторил он, выговаривая каждый слог четко и жестко.

Люди вокруг кричали, кто-то даже ухватил его за одну руку, пытаясь оторвать от дяди, пока он его не убил. Но Себастьян не мог осознать, что они говорят. Ничто не могло проникнуть сквозь жаркий рев гнева, заполнившего его голову. Он служил в армии. Со своего снайперского наседа он застрелил больше дюжины французских солдат, но ни когда не испытывал желания видеть другого человека мертвым.

Но, Боже, сейчас он жаждал этого.

— Извиняйтесь, или, помоги мне Господь, я вас убью, — отрывисто выплюнул он. Он сильнее сжал пальцы и со злорадством почувствовал, как наливается темной кровью лицо дяди и выпучиваются его глаза...

А затем его оторвали от Ньюбери и держали за руки, и Эдвард, задыхаясь от усилия, прошипел:

— Возьми себя в руки.

— Извинитесь перед мисс Уинслоу! — прорычал Себастьян, обращаясь к дяде и стараясь освободиться от сковывающих его рук. Но Эдвард и лорд Челлис крепко держали его.

Два других джентльмена помогли лорду Ньюбери подняться в сидячее положение там же, на полу, среди мусора от перебитых ими безделушек со столика. Он хватал ртом воздух, и кожа его все еще была жуткого розового оттенка, но в нем хватало ненависти, чтобы попытаться плюнуть на Аннабел, хрипло изрыгая:

— Шлюха!

Себастьян снова испустил бешеный рев и бросился на дядю, таща за собой Эдварда и лорда Челлиса. Они вместе пробежали несколько шагов, но им удалось сдержать Себастьяна до того, как он добрался до дяди.

— Извинись перед леди! — рявкнул он.

— Нет.

— Извинись! — взревел Себастьян.

— Все в порядке, — сказала Аннабел. Или не сказала... Даже она не могла пробиться сквозь пелену гнева, застилавшего ему глаза.

Он рванулся вперед, снова пытаясь добраться до дяди. Кровь стучала в его висках, пульс бешено ускорился, все тело содрогалось от жажды битвы. Он хотел причинить вред этому негодяю. Хотел искалечить его. Но Эдвард и лорд Челлис не отпускали его. Поэтому, выровняв усилием воли свое дыхание, он заявил:

— Извинитесь перед мисс Уинслоу, или, Бог свидетель, я потребую у вас сатисфакции.

Несколько голов круто обернулись к нему. Неужели он предложил дуэль?! Даже Себастьян сам не был в этом уверен.

Но лорд Ньюбери, только что вскарабкавшийся на ноги, сказал:

— Уберите его от меня.

Несмотря на уговоры двух мужчин, пытавшихся его оттащить, Себастьян отступать не собирался. Он наблюдал, как Ньюбери отряхивал рукава, и мозг его сверлила мысль: это неправильно. Не может это закончиться тем, что его дядя спокойно уйдет. Это было несправедливо и неправильно. И Аннабел заслуживала лучшего итога.

И поэтому ясным звучным голосом он произнес:

— Назовите своих секундантов.

— Нет! — вскричала Аннабел.

— Что, черт побери, ты творишь? — прошептал Эдвард и дернул его в сторону.

Лорд Ньюбери медленно обернулся и с потрясенным видом уставился на него.

— Ты сошел с ума? — прошипел Эдвард тихо, но доходчиво.

Себастьян наконец вырвался от Эдварда.

— Он оскорбил Аннабел, и я требую сатисфакции.

— Он твой дядя!

— Я его не выбирал.

— Если ты его убьешь... — Эдвард отчаянно затряс головой. Он посмотрел на лорда Ньюбери, затем перевел взгляд на Аннабел, снова на Ньюбери, наконец сдался и с выражением полной паники на лице повернулся к Себастьяну: — Ты его наследник. Все подумают, что ты убил его ради титула. Тебя бросят в тюрьму.

«Скорее всего, повесят», — мрачно подумал Себастьян. Но продолжал стоять на своем:

— Он оскорбил Аннабел.

— Мне это безразлично, — сказала она, втискиваясь между ним и Эдвардом. — Честно, мне все равно.

— А мне нет.

— Себастьян, пожалуйста, — взмолилась она. — Это только запутает все окончательно, и тебе же будет хуже.

— Подумай, — настаивал Эдвард. — Ты ничего этим не достигнешь. Ровным счетом.

Себастьян в глубине души понимал, что они правы, но не мог достаточно успокоиться, чтобы принять их совет. Всю его жизнь дядя его оскорблял. Он обзывал его, давал презрительные прозвища, иногда справедливые, но чаще нет. Себастьян отмахивался от этого, потому что такова была его натура. Но когда Ньюбери оскорбил Аннабел...

Вынести это было невозможно.

— Я знаю, что я не... не та, кем он меня назвал, — мягко промолвила Аннабел, кладя руку ему на плечо. — И я знаю, что вы тоже это знаете. Только это имеет для меня значение.

Однако Себастьян жаждал мести. Он ничего не мог с этим поделать. Это было мелко и по-детски, но он хотел причинить дяде ощутимый вред. Он жаждал унижить его. И это стремление вполне согласовывалось с другой единственной целью его жизни: сделать Аннабел Уинслоу своей женой.

— Я забираю обратно свой вызов, — громко произнес он. — Живи, мерзавец.

Раздался общий вздох. Все в комнате, казалось, напряглись, все смотрели на происходящее с тревожным ожиданием.

Лорд Ньюбери продолжал стоять в дверях, ведущих в коридор. Глаза его напряженно сузились.

Себастьян не терял времени. Взяв руку Аннабел в свои, он упал на одно колено.

— О мой Бог! — ахнул кто-то. Кто-то произнес имя Ньюбери, видимо, желая предотвратить его уход.

— Аннабел Уинслоу, — провозгласил Себастьян и посмотрел на нее, но не тем жарким взглядом, от которого сердца женщин таяли и проваливались куда-то в неизвестность. Сейчас не было на его лице и той суховатой полу улыбки, словно говорившей, что он знает некие вещи, некие тайны, которые может сообщить шепотом вам на ушко, чтобы вы тоже их узнали. Он смотрел на нее просто — как мужчина смотрит на женщину, надеясь и молясь, что она полюбит его так, как любит ее он.

Он поднес ее руку к губам.

— Не окажете ли вы мне великую честь стать моей женой?

Ее губы задрожали, и она прошептала:

— Да, — а потом повторила громче: — Да!

Он поднялся на ноги и схватил ее в объятия. Люди вокруг разразились приветственными возгласами. Не все, конечно, однако вполне достаточное количество, чтобы сделать этот момент торжественным и даже несколько мелодраматическим. Чего, как с запозданием сообразил Себастьян, ему вовсе не хотелось. Он не отрицал небольшой вспышки радости оттого, что так публично победил своего дядю. (Он никогда не был таким бескорыстным и добросердечным, чтобы отрицать это.) Но когда он обнимал Аннабел, улыбаясь в ее волосы, несколько человек начали скандировать: «Поцелуй! Поцелуй!» — и он осознал, что не хочет делать это перед зрителями.

Этот момент был священным. Он принадлежал им, и только им... и он не собирался делить его ни с кем.

Они еще будут счастливы, поклялся он себе, отпуская Аннабел и улыбаясь весело Эдварду, и Луизе, и всем гостям леди Челлис.

Позднее. У них все еще впереди.

Если бы он описывал эту историю, решил Себастьян, он именно так бы и сделал.

Кто-то находился в ее комнате.

Аннабел замерла на постели, едва дыша под одеялами. Она заснула с большим трудом, голова шла кругом, мысли бежали, не останавливаясь, и она была возбуждена до головокружения от окончательного своего решения отбросить всякую осторожность и выйти замуж за Себастьяна. Однако свалившаяся на нее усталость и этот фокус с крепко зажмуренными глазами, в конце концов, помогли, и она заснула.

Но должно быть, это был не слишком глубокий сон или прошло лишь несколько минут после того, как она задремала, потому что что-то ее разбудило. Возможно, какой-то шум. А возможно, какое-то движение в комнате. Кто-то определенно тут находился.

Может быть, вор? В таком случае ей лучше всего оставаться абсолютно неподвижной. У нее в комнате ведь нет ничего ценного. Сережки были поддельными, и даже экземпляр романа «Мисс Сейнсбери и загадочный полковник» был третьего издания.

Если это вор, то он скоро все поймет и удалится.

А если это не вор... Ад и все его дьяволы!.. Тогда она оказывалась в очень затруднительном положении. Ей потребуется оружие, а все, что было у нее под рукой, — это подушка, одеяло и книжка.

Опять-таки «Мисс Сейнсбери». Почему-то Аннабел сомневалась, что та ее спасет.

Если это не вор, ей, наверное, лучше всего выскользнуть из постели? Спрятаться? Посмотреть, не удастся ли добраться до двери? Должна ли она вообще что-то предпринимать? Должна или нет? Должна?.. Что, если... Но может быть...

Она крепко зажмурилась... только на мгновение... чтобы успокоиться. Сердце билось как бешеное, и от нее потребовалось невероятное усилие воли, чтобы дышать тихо и ровно. Ей надо поразмыслить. Сохранить хладнокровие. В комнате темно. Очень. Занавеси на окнах были плотными и закрывали все окно. Даже в полнолуние — а сегодня его не было — только слабое сияние пробилось бы по их краям. Она не могла разглядеть даже силуэт пришельца. Единственными признаками его присутствия были тихие шаги по ковру и временами легкий скрип половиц под ковром.

Он двигался медленно. Кто бы ни находился в комнате, но двигался он крайне осторожно. И подходил все ближе...

Сердце Аннабел стучало так громко, что ей показалось, будто от него может затрястись кровать. Ночной гость приближался. Он явно стремился к постели. Это не был вор. Это был кто-то, настроенный причинить ей вред... или боль... или Боже мой! Ей нужно срочно выбираться отсюда.

Моля небо, чтобы гость был так же слеп в темноте, как и она, Аннабел осторожно скользнула поперек постели, надеясь, что тот не услышит ее движения. Он приближался справа, поэтому Аннабел двинулась налево, спустила ноги с постели и...

Закричала. Нет, не кричала. Жесткая рука зажала ей рот, придавив шею, и всякий звук, который она сумела бы издать, потерялся в испуганном придушенном всхлипе.

— Для тебя лучше будет лежать тихо.

Глаза Аннабел в ужасе распахнулись: это был граф Ньюбери. Она узнала его голос и даже его запах, этот мерзкий запах пота, приправленный бренди и рыбой.

— Если закричишь, — произнес он почти весело, — кто-нибудь сюда прибежит. Возможно, твоя бабушка или кузина. Кажется, кто-то из них спит в соседней комнате.

Аннабел кивнула, при этом ее подбородок два или три раза стукнулся о его мясистое предплечье. На нем была рубашка, но все равно он был каким-то липким. И от этого ее затошнило.

— Представь только, — продолжал он со злорадным смешком. — Заявляется сюда благопристойная и чистая леди Луиза. Она тут же закричит: мужчина в женской постели!.. Она, конечно, будет потрясена.

Аннабел ничего не ответила. Впрочем, она и не могла ничего сказать, так как его ладонь по-прежнему зажимала ей рот.

— Затем сюда сбежится весь дом. Какой разразится скандал! Твоя репутация будет навсегда погублена. Твой дурак-жених не захочет тебя. Ведь так?

Это было неправдой. Себастьян ее не бросит. Аннабел знала, что он этого не сделает.

— Ты станешь падшей женщиной, — продолжал Ньюбери, явно наслаждаясь своей фантазией. Он подвинул руку вниз, достаточно низко, чтобы взять в горсть одну грудь и больно сжать ее. — Впрочем, ты всегда так выглядела.

Аннабел расстроено всхлипнула.

— Тебе ведь нравится это, — хохотнул он, стискивая грудь еще сильнее.

— Нет, — попыталась сказать она, но его рука снова помешала ей говорить.

— Некоторые скажут, что ты должна будешь выйти за меня замуж. — Он продолжал небрежно тискать ее грудь, — Но я вот думаю: сочтет ли кто-нибудь меня обязанным на тебе жениться? Я могу просто сказать, что ты оказалась не девственницей, что нарочно стравливала дядю и племянника, как хитрая и коварная женщина...

Не в силах больше терпеть, Аннабел дернула голову в одну сторону, потом в другую, пытаясь сбросить его руку. Наконец он со смешком убрал ее.

— Помни, — произнес он, прижав вялые мокрые губы к ее уху, — не делай слишком много шума.

— Вы знаете, что это неправда, — хрипло прошептала Аннабел.

— Что именно? Насчет твоей непорочности? Говоришь, что ты не девственница? — Резким движением он отбросил одеяло и, перевернув ее на спину, грубо оседлал. Его ладони легли ей на плечи, пригвозждая к матрасу. — Ай-ай-ай! Это в корне меняет все дело.

— Нет, — тихо воскликнула она, — насчет моего стравливания вас...

О-о, какой толк был это ему говорить? Убеждать его в чем-то было бессмысленно. Он жаждал

мести. Ей или Себастьяну, а может, всему свету. Этим вечером его выставили болваном и полным идиотом перед более чем десятком пэров.

И он не был тем человеком, который может от этого легко отмахнуться.

— Ты глупая, глупая девчонка, — сказал он, качая головой. — Ты могла стать графиней. О чем ты только думала?

Аннабел лежала тихо, собираясь с силами. Она точно не могла вырваться на свободу, пока он налегал на нее всем телом. Ей нужно было выждать момент, когда он сдвинется, и она сможет лишить его равновесия. Но даже тогда ей понадобятся силы.

— Я был так уверен, что нашел наконец подходящую женщину.

Аннабел недоверчиво посмотрела на него. В его голосе слышно было искреннее огорчение.

— Все, чего я хотел, — это наследника. Одного тщедушного сыночка, чтобы не наследовал мне этот тупой племянник.

Она хотела возразить, сказать ему, что Себастьян во многих отношениях прекрасный человек. У него поразительное воображение, он изумительный рассказчик и собеседник. Что нет никого остроумнее его. Никого. И он умеет быть забавным. Господи, да он умеет рассмешить ее, как никто на свете.

И еще он был очень проницателен. И наблюдателен. Он замечал все и всех. Он понимал людей, их мечты и надежды. Если этот ум нельзя назвать блестящим, то она не знала, какой можно.

— Почему вы его так ненавидите? — прошептала она.

— Потому что он осел, — отрезал лорд Ньюбери.

«Это не ответ», — хотелось сказать Аннабел.

— Но теперь это уже не имеет никакого значения, — не унимался он. — Он льстит себе, если думает, что я искал жену, чтобы помешать его амбициям. По-моему, вполне естественно, что мужчина намерен оставить свой дом и титул своему собственному сыну. Тем более что у него уже был сын, но он умер.

— Нет, — мягко откликнулась Аннабел. Мягко, потому что хотела, чтобы граф понял: она говорит как друг, и не надо причинять ей вред. Конечно, то, к чему он стремился, желая иметь наследника, можно было понять. Неправильно было то, каким образом он этого добивался. — Как он умер?

Ньюбери замер.

— Ваш сын, — уточнила Аннабел.

— От лихорадки, — коротко ответил он. — Порезал ногу.

Аннабел кивнула. Она знала несколько случаев, когда людей губила лихорадка. Глубокий порез всегда мог вызвать заражение. Он мог воспалиться. Покраснеть. Стать горячим. Рана, не заживавшая нормально, обычно приводила к горячке, которая слишком часто вела к смерти. Аннабел порой задумывалась, почему некоторые раны заживают быстро, а некоторые нет. Не было в этом никакой логики, действовала только несправедливая, капризная рука судьбы.

— Мне жаль, — промолвила она.

На какой-то миг она подумала, что он ей поверил. Его руки, до этого жестко прижимавшие ее плечи, слегка обмякли. А взгляд его — впрочем, возможно, это была всего лишь игра полумрака — вроде бы смягчился. Но затем он фыркнул носом и объявил:

— Не надо лукавить.

Ирония заключалась в том, что ей действительно было его жалко. Она испытывала даже некоторую симпатию к нему по этому поводу. Но это чувство тотчас пропало, когда его руки вернулись к ее горлу.

— Вот так он поступил со мной, — произнес лорд Ньюбери. Слова его с трудом проходили сквозь стиснутые зубы. — Перед всеми.

Господи Боже! Он, кажется, собирался ее задушить? Дыхание Аннабел участилось, каждый нерв, каждая клеточка напряглись в ожидании возможности побега. Но лорд Ньюбери был вдвое тяжелее ее, и никакая, даже вызванная паникой, сила не могла ей помочь сбросить его.

— Я выйду за вас, — выпалила она, когда его пальцы сомкнулись на ее горле.

— Что?

Аннабел давилась и задыхалась, не в силах вымолвить ни звука. Он слегка ослабил хватку.

— Я выйду за вас замуж, — взмолилась она. — Я брошу его... и выйду за вас. Не убивайте меня.

Лорд Ньюбери громко рассмеялся, и Аннабел в панике посмотрела на дверь. Он собирался разбудить всех, хотя и предупреждал ее не делать этого.

— Ты думаешь, что я намереваюсь тебя убить? — поинтересовался он, снимая одну руку с ее горла, чтобы смахнуть с глаза слезу веселья. — Ох, как смешно!

Он лишился рассудка. Это все, что могла подумать Аннабел, хотя знала, что он в своем уме.

— Я не убью тебя, — проговорил он, все еще веселясь. — Я буду первым, на кого падет подозрение, и хотя сомневаюсь, что меня накажут, это будет мне как-то неудобно.

Неудобно... Убийство... Возможно, он все-таки сошел сума?

— Не говоря уже о том, что это может отпугнуть других молодых леди. Ты не единственная, кого я заметил. У Стинтонов младшая... немного плосковата вверху, но бедра достаточно широкие для деторождения. И она разговаривает, только когда к ней обратятся.

«Потому что ей пятнадцать! — пришла в ужас Аннабел. — Господи, он собирается взять в жены ребенка!»

— Конечно, ублажать ее будет не так весело, как тебя, но жена нужна мне не для этого. — Он склонился ближе к ней. Глаза его неестественно сверкали в полумраке. — Может, для этого я возьму тебя.

— Нет, — всхлипнула Аннабел, не сдержав ужаса. И точно, он заулыбался, получая огромное удовольствие от ее тревоги. Он ее ненавидит, вдруг осознала Аннабел. Он теперь ненавидит ее так же, как Себастьяна. Слепо... неразумно...

И готов на все, чтобы навредить ей.

Однако когда он склонился к ней, ему пришлось приподнять свое тело над ее бедрами и животом. Аннабел поспешно набрала воздух в расправившиеся легкие и, инстинктивно сообразив, что это скорее всего единственный ее шанс, рванула вверх ногу, согнутую в колене. Она сильно ударила его между ног, так что он взвыл от боли. Этого не хватило Аннабел, чтобы совсем сбросить его с себя, так что она повторила это, причем еще жестче, а затем подняв руки, пихнула его изо всех сил. Лорд Ньюбери испустил отчаянный вопль, но Аннабел снова подтянула вверх колено, на этот раз чтобы упереться в него ногами и хорошенько отпихнуть. Наконец-то она отбросила его и, сразу соскочив с постели, кинулась к двери.

Он свалился на ковер с шумом и проклятиями, но успел ухватить бегущую к двери Аннабел за лодыжку.

— Пустите меня! — задыхаясь, воскликнула Аннабел.

— Ах ты, маленькая сучка! — был его ответ.

Аннабел тянула и дергала ногу, но он второй рукой обхватил ее икру и использовал ее тело как опору, чтобы неуклюже подняться с пола.

— Пустите! — вскричала она. Она понимала, что если сумеет освободиться, то будет спасена. Если она способна обогнать индюка — будь он проклят! — она сможет обогнать и этого, по словам бабушки, тяжеловесного аристократа.

Она рвалась изо всех сил и почти высвободилась. Они оба дернулись вперед, причем Ньюбери скользил по ковру, как какое-то жуткое выброшенное на берег чудовище, а Аннабел чуть не упала, но, к счастью, уже находилась рядом со стеной и, выбросив вперед руки, смогла этому помешать. Именно в этот момент она поняла, что находится около камина. Упираясь в стену одной рукой, она слепо пошарила второй и чуть не закричала торжествуя, когда нащупала твердую железную рукоятку кочерги.

Быстро схватив ее двумя руками, она извернулась, так чтобы снова оказаться к нему лицом. Он пытался подняться, что было нелегким делом, так как обеими руками продолжал сжимать ее левую щиколотку.

— Отпустите меня! — крикнула она, вскидывая над головой кочергу. Пустите, или, клянусь, я...

Его рука разжалась.

Аннабел тут же отскочила и стала прокрадываться вдоль стенки к двери. Но лорд Ньюбери не шевелился. Не издавал ни единого звука.

— О Боже мой! — выдохнула она. — Боже мой!..

И повторила это снова, потому что не знала, что еще сказать... и что делать.

Себастьян тихо передвигался по дому, направляясь к комнате Аннабел на втором этаже. Он был знатоком по части ночных свиданий, что требовало сноровки, которая — радостно осознал он — больше ему не понадобится.

Это было, размышлял он, наукой и искусством одновременно. Требовалось все разведать

заранее, провести настоящее исследование: определить местоположение комнаты, разузнать личности соседей и пройти по всему маршруту, опять-таки заранее, чтобы опробовать пол на предмет скрипящих половиц и неровных их стыков.

Себастьян любил действовать подготовленно.

На этот раз он не смог проделать обычную репетицию своего похода: не было подходящего момента после того, как он сделал предложение Аннабел. Однако он знал, в какой она комнате и что бабушка ее спит по соседству на север, а кухня — на юг.

Напротив находилась комната леди Миллисент, что было сущей удачей. Она не услышит его, разве что он выстрелит под ее дверь из пушки.

Единственное, чего он не знал, — это существовали ли сообщающиеся двери между тремя спальнями. Но это его не тревожило. Это была важная подробность, но ее не обязательно было узнавать заранее. Достаточно будет все уточнить, когда он окажется на месте.

Полы в Стоункроссе были отличные, и, пробираясь к комнате Аннабел, Себастьян не производил ни малейшего шума. Он положил пальцы на ручку. Она оказалась слегка влажной. Любопытно. Он покачал головой. В котором часу заставляет леди Челлис своих служанок делать уборку?

Себ очень медленно повернул ручку, чтобы не вызвать скрипа. Она сразу же повиновалась и беззвучно повернулась по часовой стрелке. Он толкнул дверь, проскользнул сквозь узкую щель и тихонько затворил за собой дверь.

Но когда он ступил внутрь, ему хватило секунды, чтобы понять, что здесь происходит что-то неладное. Не слышно было легкого сонного дыхания... Оно было хриплым и натужным и... Он открыл дверь пошире, чтобы пустить в комнату свет.

— Аннабел?

Она стояла неподалеку от камина, высоко подняв над головой судорожно сжатую в ладонях кочергу. На полу лежал абсолютно неподвижный лорд Ньюбери.

— Аннабел? — повторил он. Она явно была в шоке. Даже не повернулась к нему... вообще никак не отреагировала на его появление.

Он бросился к ней и осторожно вынул из ее рук кочергу.

— Я не ударила его, — произнесла она, не сводя глаз с тела на полу. — Вовсе даже не коснулась.

— Что случилось? — Несмотря на ее уверения, он осмотрел кочергу. На ней не было крови и ничего, что указывало бы на то, что ею нанесли удар.

— Я думаю, он мертв, — ответила она тем же странным монотонным шепотом. — Он держал меня за щиколотку. Я собиралась ударить его, если он меня не отпустит... а потом он вдруг отпустил меня и...

— Его сердце, — сказал Себастьян, прерывая ее, чтобы ей не нужно было продолжать. — Вероятно, все дело в его сердце. — Он опустил кочергу и аккуратно положил ее на место. Металл звякнул, но звук был приглушенным, так что Себастьян не думал, что это привлечет

чьего-то внимание.

Вернувшись к Аннабел, он взял ее за руку, а затем прикоснулся к щеке.

— С тобой все в порядке? — осторожно поинтересовался он. — Он причинил тебе боль? — Он с ужасом ждал ответа, но должен был спросить. Если он собирается ей помочь, то должен выяснить, что произошло.

— Он был... он вошел и... — Но она еле могла выдавливать из себя слова, и когда он обвил ее руками, Аннабел просто свалилась ему на грудь. Казалось, из нее в мгновение ока ушли все силы.

— Ш-ш-ш... — умиротворяюще шептал он, любовно баюкая ее в своих объятиях. — Все хорошо. Я здесь. Больше ничего не случится.

Не отклоняясь от него, она кивнула, но не заплакала. Она дрожала и хватала ртом воздух, но изо всех сил старалась сохранять самообладание.

— Он не... Он не добрался... Я вырвалась раньше, чем...

Слава Богу! Себастьян мысленно вознес молитву небесам. Если бы его дядя ее изнасиловал... Господи, он вернул бы его из мертвых, чтобы убить снова. Себастьян видел изнасилования на войне. Не воочию, но смотрел в глаза женщинам, над которыми надругались. Они выглядели мертвыми внутри, и Себастьян понимал, что в каком-то смысле их тоже убили, как мужчин, ушедших в бой. Женщинам было хуже. Их тела продолжали жить с мертвой душой внутри.

— Что мы будем делать? — спросила она.

— Не знаю, — признался он. — Что-нибудь придумаю.

Но что? Он знал, как вести себя почти в любой ситуации, но эта... мертвое тело его дяди в комнате его невесты...

Господи Боже! Такое и вообразить было невозможно.

«Думай». Он должен что-то придумать. А если бы он описывал это в романе?..

— Сначала мы закроем дверь, — решительно объявил он, стараясь, чтобы это прозвучало так, будто он все решил и знает, что делает. Он бережно разнял руки и выпустил Аннабел из объятий. Удостоверившись, что она уже способна сама стоять на ногах, он тихонько подошел к двери, закрыл ее и затем пересек комнату, чтобы зажечь свечу.

Аннабел все еще стояла там, где он ее оставил, обхватив себя руками. Было видно, что она замерзает.

— Укройся одеялом, — предложил он. Предложение казалось нелепым, но ей было холодно, а он был джентльменом, и некоторые вещи слишком глубоко укоренились, чтобы их не замечать.

Она покачала головой.

Себ уперся руками в бока и уставился на дядю, неподвижно лежавшего на ковре лицом вниз. Он не задумывался над тем, как закончатся их взаимоотношения, но точно не таким образом. Проклятие! Что же ему делать теперь?

— Если бы я описывал это в романе... — пробормотал он себе под нос, пытаясь напрячь все свое воображение, обычно приберегаемое им для его персонажей. — Если бы я это описывал...

— Что ты сказал?

Он обернулся к Аннабел. Он так погрузился в свои мысли, что почти забыл о ее присутствии.

— Ничего, — произнес он, тряхнув головой. Она наверняка решит, что он несет полную чушь.

— Мне уже лучше, — объявила она.

— Что?

Она мотнула головой, махнула рукой.

— Рассчитывай на меня. Что бы ни понадобилось, я смогу сделать это.

Он моргнул, удивляясь, как быстро она пришла в себя.

— Ты уверена? Я могу...

— Я поплачу, когда мы все закончим, — резко проговорила она.

— Я люблю тебя, — сказал он, хотя и понимал, что сейчас самый неподходящий момент для такого заявления. Но было что-то в том, как она стояла в своей простой полотняной ночной рубашке, что-то обыденное и сильное. В ней чувствовалась богиня. Ну как он мог не любить ее?! — Я уже говорил тебе это? — осведомился Себ с улыбкой.

Она покачала головой, дрожащие губы сложились в улыбку.

— Я тоже тебя люблю.

— Хорошо, — просто ответил он, потому что момент не подходил для сердечных излияний и цветов. Впрочем, он не смог удержаться и добавил: — Мне было бы чертовски неудобно жить на свете, если бы ты меня не любила.

— Я думаю, что нам следует отнести его обратно в его комнату, — промолвила она, с отвращением глядя на тело Ньюбери.

Себастьян кивнул, мрачно прикидывая вес дяди. Это было трудно осуществить даже им вдвоем.

— А ты знаешь, где его комната? — осведомился он.

Она покачала головой.

— А ты?

— Нет.

Вот проклятие!

— Мы можем положить его в салоне, — предложила она. — Или куда-нибудь еще, где есть выпивка. Если считать, что он напился, то мог бы и свалиться замертво. — Она нервно глотнула. — Например, ударился головой.

Себастьян глубоко вздохнул и, упершись руками в бока, еще раз оценивающе посмотрел вниз на дядю. В смерти тот выглядел еще безобразнее, чем в жизни. Огромный, раздутый... По крайней мере, никто не усомнится, что у него могло сдать сердце, особенно после треволнений нынешнего дня.

— Голова... сердце, — пробормотал он. — Не имеет значения. Мне становится нехорошо даже при одном взгляде на него. — Он постоял еще минуту, откладывая неизбежное, но в конце концов расправил плечи и сказал: — Я ухвачу его под мышками, а ты берись за ноги. Но сначала нам нужно будет переложить его на спину.

Они переложили его навзничь, затем встали на оговоренные места и попытались его поднять.

— Господи, — проворчал Себастьян, слова невольно слетели с его губ.

— Не получится, — вздохнула Аннабел.

— Должно получиться.

Они поднимали и тянули, задыхаясь от напряжения, но не могли оторвать тело от пола больше чем на секунду. Никким образом они не могли доставить его в салон, не создавая такого шума, который поднимет всех на ноги.

— Нам придется разбудить Эдварда, — наконец проговорил Себастьян.

Глаза Аннабел взметнулись к его лицу.

— Я могу доверить ему свою жизнь.

Она кивнула.

— И может быть, Луиза...

— Она и перышка не поднимет.

— Я думаю, что она сильнее, чем кажется. — Но, говоря это, Аннабел понимала, что в ее голосе звучит скорее надежда, чем уверенность. Она прикусила губку и снова взглянула на Ньюбери. — Полагаю, нам понадобится вся помощь, которую мы сможем добыть.

Себастьян начал кивать, потому что без чьей-то поддержки им явно было не обойтись. Но тут оказалось, что помощь подоспела, и притом в самой неожиданной форме...

Глава 25

— Что, черт побери, здесь происходит?

Аннабел окаменела. Не от ужаса. Происходящее превосходило всякий ужас.

— Аннабел? — рявкнула ее бабушка, почти строевым шагом входя в соединяющую комнаты дверь. — Шум стоит, как от стада слонов. Как, по-твоему, может женщина заснуть в такой обстановке?.. О-о! — Она остановилась на полпути при виде Себастьяна. Затем она опустила глаза и увидела графа. — Ад и все его дьяволы!

Она издала звук, который Аннабел не поняла: толи вздох, толи ворчание... Скорее, знак крайнего раздражения.

— Кто из вас его убил? — требовательно осведомилась она.

— Никто, — поспешно ответила Аннабел. — Он просто... умер. По собственной инициативе.

— В твоей комнате?

— Я его сюда не звала, — возмутилась Аннабел.

— Нет. Ты б не стала. И будь все проклято! — В голосе бабушки прозвучало почти сожаление. Аннабел могла лишь уставиться на нее потрясенно... Или изумленно... — Ну а вы что здесь делаете? — Леди Викерс обратила свой ледяной взор на Себастьяна.

— Именно то, что вы думаете, миледи, — промолвил он. — К сожалению, выбранный мною момент оказался не слишком подходящим. — Он посмотрел вниз, на тело дяди. — Он уже пребывал в таком виде, когда я появился.

— Оно и к лучшему, — пробормотала леди Викерс. — Если бы он пришел и застал вас на ней... Господи Боже, я и представить себе не могу, какой поднялся бы шум!

«Мне нужно было бы покраснеть, — подумала Аннабел. — Действительно, нужно!» Но сил на это не было; она не была уверена даже в том, что вообще когда-нибудь будет способна испытывать смущение.

— Что ж, нам нужно от него избавиться, — проговорила бабушка так, словно речь шла о старом диване. — Должна заметить, что для тебя все складывается отлично.

— О чем вы говорите? — ужаснулась Аннабел.

— Он-то теперь граф. — Леди Викерс щелкнула пальцами в сторону Себастьяна. — И он будет чертовски более приемлемым, чем был Роберт.

«Роберт?» — удивилась Аннабел, глядя вниз, на лорда Ньюбери. Она даже не знала его имени. Почему-то это было особенно странным. Этот мужчина хотел на ней жениться, он напал на нее, а потом умер у ее ног. А она даже не знала его имени...

На какое-то мгновение они застыли над телом. Наконец леди Викерс нарушила затянувшееся молчание:

— Проклятие! Он слишком толстый...

Аннабел резко прихлопнула рот ладонью, пытаясь сдержать смех. Потому что это было не смешно. Совсем не смешно!.. В ее комнате — покойник.

Однако в этот момент ей хотелось засмеяться.

— Не думаю, что мы сможем перетащить его в салон, не перебудив полдома, — сказал Себастьян. Он посмотрел на леди Викерс: — И вряд ли вы знаете, где расположена его комната.

— По крайней мере, не ближе салона. И прямо по соседству со спальней Челлисов. Вам не удастся затащить его туда, не разбудив их.

— Я собирался разбудить моего кузена, — сообщил ей Себ. — С помощью еще одного мужчины нам, может, это удастся.

— Нам не удастся это с помощью даже пятерых мужчин, — возразила леди Викерс. — Во всяком случае, бесшумно.

Аннабел шагнула вперед:

— Возможно, если мы...

Но бабушка прервала ее величественным жестом, достойным театральной королевы.

— За мной! — произнесла она, взмахнув рукой. — Положим его в мою постель.

— Что?! — ахнула Аннабел.

— Мы просто дадим понять всем, что он умер, занимаясь со мной сексом.

— Но... но... — Аннабел уставилась на свою бабушку, потом на лорда Ньюбери и, наконец, на Себастьяна, который, казалось, лишился дара речи.

Себастьян, лишился дара речи?! Видимо, такой поворот дела его добил.

— О, ради всего святого! — фыркнула леди Викерс, явно раздосадованная их бездействием. — Ведь нельзя сказать, что мы не делали этого раньше.

Аннабел втянула в себя воздух с такой силой, что чуть не задохнулась.

— Вы... что?

— Это было много лет назад, — ответила бабушка и взмахнула рукой, словно отгоняла муху. — Но все знают об этом.

— И вы хотели, чтобы я вышла за него?!

Леди Викерс подбоченилась и мрачно пронзила Аннабел взглядом:

— Ты что, действительно думаешь, что сейчас время ныть? Кроме того, он был не так уж плох, если понимаешь, что я имею в виду. И твой дядя Персиваль удался на славу.

— Боже мой! — простонала Аннабел. — Дядя Перси!..

— Получается, что он мой дядя Перси, — хмыкнул Себастьян, качая головой.

— Насколько я понимаю, кузен, — коротко уточнила леди Викерс. — Ну хватит. Будем мы его перетаскивать или нет? И я еще не слышала благодарности ни от одного из вас за то, что расстаюсь с собственной репутацией добропорядочной старой леди.

Это была чистая правда. Точно так же как бабушка впутала ее в эту неурядицу, настаивая с самого начала, чтобы Аннабел вышла замуж за лорда Ньюбери, теперь она делала все возможное, чтобы выпутать внучку из беды. Будет, конечно, ужасающий скандал... Аннабел и думать боялась, какие шаржи и карикатуры появятся в газетах-сплетницах. Хотя она подозревала, что бабушка не станет особенно возражать против такой лихой известности в ее почтенном возрасте.

— Благодарю вас, — наконец нашелся Себастьян. — Я очень это ценю. Вы святая женщина.

— Хватит болтать, — торопила их леди Викерс резкими приглашающими жестами. — К делу. Он не залезет сам в мою постель. Уж теперь-то точно. Надо ему помочь.

Себастьян ухватил дядюшку под мышками, Аннабел двинулась к его ногам, но когда она взялась за его лодыжки и стала их поднимать, она услышала неясный странный звук. И когда подняла взгляд, вздрогнула от ужаса перед тем, что увидела...

Ньюбери открыл глаза.

Аннабел взвизгнула и уронила его.

— Господь Всемогущий! — воскликнула ее бабушка. — Неужели никто из вас не удосужился проверить, мертв он или нет?!

— Я пришла к такому выводу, — запротестовала Аннабел. Сердце ее билось как бешеное, и она никак не могла успокоить дыхание. Потом в изнеможении прислонилась к краю постели. Такой страх она испытала до этой минуты только однажды в жизни, когда на Хэллоуин ее братья, набросив на головы простыни, выпрыгнули на нее из кустов. Только на этот раз все было гораздо хуже. Во много тысяч раз.

Леди Викерс обратила яростный взор на Себастьяна.

— Я ей поверил, — промолвил он, бережно опуская голову лорда Ньюбери на ковер. Все они впились взглядами в графа. Его глаза снова закрылись.

— Он что, снова умер? — жалобно прошептала Аннабел.

— Если тебе повезет, — язвительно откликнулась бабушка.

Аннабел с отчаянием посмотрела на Себастьяна. Он укоризненно глядел на нее, словно говоря: «Ты не проверила? Как же так?»

Она попыталась ответить ему, раскрыв пошире глаза и разводя в недоумении руки, но понимала, что это ничего ему не объясняет, так что, в конце концов, Себастьян просто спросил:

— Что ты говоришь?

— Я сама не знаю... — всхлипнула она.

— Вы двое — абсолютно бесполезные существа, — проворчала леди Викерс. Она промаршировала вперед и присела рядом с Ньюбери на корточки. — Ньюбери! — рявкнула она. — Проснись, черт тебя побери!

Аннабел прикусила нижнюю губку и нервно посмотрела на дверь. Они уже давно перестали стараться соблюдать тишину.

— Просыпайся!

Лорд Ньюбери начал издавать стонущие звуки и что-то невнятно бормотать.

— Роберт! — пресекла его попытки леди Викерс. — Проснись! — И она хлестко ударила его по щеке. Сильно.

Аннабел посмотрела на Себастьяна. Он был потрясен, так же как она, и при этом явно был рад предоставить бабушке руководство происходящим.

Лорд Ньюбери снова открыл глаза. Его ресницы трепетали, как что-то среднее между крыльями бабочки и колыханием медузы. Он вздохнул, подавился воздухом и попытался поднять свое тело на локтях. При виде леди Викерс он вновь заморгал и наконец вымолвил:

— Маргарет?

Она еще раз ударила его по лицу.

— Идиот!

Он снова упал на ковер.

— Что за черт?!

— Она моя внучка, Роберт, — зло прошипела леди Викерс. — Моя внучка! Как ты посмел?!

Аннабел подумала, что временами в бабушке просыпается любовь к ней... и обычно выражается весьма странным образом.

— Она должна была выйти за меня замуж, — брызгаясь слюной, заявил лорд Ньюбери, медленно приходя в себя.

— А теперь не выйдет. И вообще, это не дает тебе никакого права нападать на нее.

Аннабел почувствовала, как пальцы Себастьяна скользнули в ее ладошку. Они принесли долгожданное тепло и покой. Она слегка сжала их.

— Она пыталась меня убить, — не унимался лорд Ньюбери.

— Я не пыталась! — Аннабел рванулась было вперед, но Себастьян усилил хватку на ее руке и удержал на месте, пробормотав:

— Пусть твоя бабушка позаботится об этом.

Однако Аннабел не могла пропустить безмолвно такое оскорбление и жарко вознегодовала:

— Я просто защищалась.

— Кочергой? — насмешливо возразил Ньюбери.

Аннабел недоверчиво обернулась к бабушке:

— Как же еще я могла защититься?

— Да уж, Роберт, — проговорила леди Викерс с сарказмом.

Ему наконец удалось, кряхтя и охая, принять сидячее положение.

— Ради Бога! — грубо рыкнул он. — Кто-нибудь поможет мне, в конце концов?

Никто не пошевелился.

— Я не достаточно сильная, — пожалала плечами леди Викерс.

— А что он здесь делает? — Лорд Ньюбери ткнул пальцем в Себастьяна.

Себастьян скрестил руки на груди, меряя дядю свирепым взглядом.

— Не думаю, что в вашем положении уместно задавать вопросы.

— Совершенно очевидно, что я должна взять дело в свои руки, — объявила леди Викерс, как будто до данного момента она этого не делала. — Ньюбери, — рывкнула она, — ты сейчас отправишься в свою комнату и утром сразу же уедешь.

— И не подумаю, — напыжился он.

— Боишься, что все решат, будто ты улизнул, поджавши хвост? — проницательно заметила бабушка. — Что ж, рассмотрим альтернативу. Если ты еще будешь находиться здесь, когда я проснусь, я объявлю всем, что ты провел эту ночь со мной.

Лорд Ньюбери побледнел.

— Бабушка обычно спит допоздна, — попыталась быть полезной Аннабел. Она уже почти пришла в себя и после всего, что сделал с ней лорд Ньюбери, не могла удержаться, чтобы не подколоть его. Она услышала, как рядом подавился смехом Себастьян, и добавила: — А я так долго спать не могу.

— Кроме того, — продолжала леди Викерс, бросив предварительно уничижающий взгляд на Аннабел за то, что та осмелилась ее перебить, — ты прекратишь эту смехотворную погоню за невестами. Моя внучка выходит замуж за твоего племянника, и ты дашь ему спокойно тебя наследовать.

— Ну нет... — разъярился вновь лорд Ньюбери.

— Молчать! — рыкнула леди Викерс. — Роберт, ты старше меня. Поиски девочек — это непристойно в твоём возрасте.

— Ты собиралась разрешить мне жениться на ней, — напомнил лорд Ньюбери.

— Это потому, что я думала, что ты скоро умрешь.

От такого объяснения он растерялся.

— Выйди из положения с достоинством, — сказала она. — Ради всего святого, посмотри на себя. Если ты возьмешь жену, ты, вероятно, покалечишь ее в процессе... Или умрешь прямо на ней. А вы двое... — Она резко повернулась лицом к Аннабел и Себастьяну, которые с трудом удерживались от смеха. — Здесь нет ничего смешного!

— Вообще-то, — осторожно пробормотал Себастьян, — немножко есть.

Леди Викерс покачала головой с таким видом, словно с радостью избавилась бы от них всех.

— Убирайся отсюда, — обратилась она к лорду Ньюбери.

Он так и поступил, продолжая на ходу изрыгать невнятные проклятия.

Однако все они понимали, что утром его здесь не будет. Весьма вероятно, что он все же возобновит свои поиски невесты: не так уж он был укрощен леди Викерс. Но всем его угрозам браку Аннабел и Себастьяна пришел конец.

— А вы! — с драматическим пафосом воскликнула леди Викерс, устремив взор между внучкой и Себастьяном, так что нельзя было понять, к кому она обращается. — Вы!

— Я? — спросила Аннабел.

— Вы оба. — Она испустила очередной театральный вздох и указала на Себастьяна: — Вы собираетесь на ней жениться? Ведь так?

— Женюсь, — торжественно объявил Себастьян.

— Хорошо, — проворчала она. — Не знаю, как я смогла бы пережить еще одну напасть. — Она похлопала себя по груди. — Знаете ли, мое сердце...

Аннабел подозревала, что сердце бабушки перестанет биться только после ее собственного.

— Я отправляюсь в постель, — заявила леди Викерс. — И не желаю, чтобы меня больше беспокоили.

— Разумеется, нет, — пробормотал Себастьян, а Аннабел, чувствуя, что случившееся требует какого-то родственного завершающего высказывания, добавила: — Могу я вам что-либо принести?

— Ты можешь принести мне тишину. — Леди Викерс снова посмотрела на Себастьяна, на этот раз слегка прищурившись. — Вы понимаете, что я имею в виду? А?

Он, улыбаясь, кивнул.

— Я отправляюсь в свою комнату, — повторила леди Викерс. — Вы двое можете делать все, что захотите. Только не разбудите меня!

С этими словами она удалилась, плотно закрыв за собой дверь между комнатами.

Аннабел посмотрела на дверь, потом ошарашено на Себастьяна.

— По-моему, моя бабушка только что дала мне разрешение погубить мою репутацию.

— Сегодня ночью я этим займусь, — ухмыльнулся он, — если ты не возражаешь.

Аннабел, открыв рот, снова посмотрела на дверь, потом на него и наконец заключила:

— Кажется, она сошла с ума.

— Напротив, — возразил Себастьян, подходя к ней сзади, — она выказала себя самой разумной из всех нас. — Он наклонился и поцеловал Аннабел в затылок. — Теперь мы точно в одиночестве.

Аннабел повернулась в его объятиях.

— Я не чувствую себя одинокой. — Она махнула рукой в сторону бабушкиной комнаты.

Он обвил ее руками и опустил голову, чтобы дотронуться губами ямки под ключицей. На какой-то миг Аннабел показалось, что он пытается ее ласкать, но потом она поняла, что Себастьян смеется. Или по крайней мере старается сдержать смех.

— В чем дело? — спросила она.

— Я представляю себе, как она подслушивает под дверь, — приглушенно ответил он.

— И это смешно?

— Безусловно. — В голосе его все-таки звучало некоторое недоумение.

— У нее была связь с твоим дядей, — напомнила ему Аннабел.

Себастьян замер.

— Если ты хочешь наверняка убить мою страсть, эта картина убьет ее наповал.

— Я знала, что мои дяди Томас и Артур не от дедушки, но Перси... — Аннабел покачала головой, будучи все еще не в силах поверить в события нынешних вечера и ночи.

— Я понятия не имела. — Вздохнув, она приникла к нему, спиной прижимаясь к его груди, но вдруг выпрямилась, как струна.

— В чем дело?

— Моя матушка. Я теперь не знаю...

— Она Викерс, — произнес Себ с полной уверенностью. — У тебя глаза твоего деда.

— Правда?

— Не по цвету, а по разрезу глаз. — Он повернул ее к себе лицом и положил ей руки на плечи. — Вот здесь, — и он бережно коснулся кончиком пальца внешнего края ее века, — тот же изгиб.

Склонив голову набок, он стал рассматривать ее лицо с нежной сосредоточенностью.

— И скулы тоже, — пробормотал он.

— Я очень похожа на мою маму, — пролепетала она, не в силах отвести от него глаз.

— Ты Викерс, — заключил он с добродушной улыбкой.

Она попыталась сдержать свою улыбку. Чего бы это ни стоило.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — промолвил он и поцеловал уголок ее рта. — Как ты думаешь, она уже заснула?

Аннабел покачала головой.

Он поцеловал другой уголок.

— А теперь?

Она снова потрясла головой.

Он отклонился, и она со смехом наблюдала, как он, глядя в потолок, стал серьезно считать до десяти.

Аннабел не отводила от него глаз, и в ней бурлил смех, не выходя, впрочем, на поверхность. Кончив считать, он снова посмотрел на нее, в глазах его светилось ожидание, как у мальчишки на Рождество.

А что будет теперь?

Она приоткрыла губы, намереваясь поругать его, велеть быть терпеливее, но это было не в ее характере. Она была так поглощена любовью к нему... и потом, она же собиралась за него замуж. Кроме того, в этот день столько всего случилось, чтобы заставить ее понять: надо жить полной жизнью, и если у нее появился шанс на счастье, его нужно хватать обеими руками и никогда не выпускать.

— Да, — промолвила она и обвила руками его шею. — Я думаю, что теперь бабушка уже заснула.

Глава 26

Если бы, подумал Себастьян, подхватывая Аннабел на руки, он описывал все это в романе, подобный эпизод стал бы концом главы. Нет, глава закончилась бы тремя страницами раньше без каких-либо намеков на интим или оболение, и, уж точно, ничего не было бы сказано о том всепоглощающем вожделении, которое водопадом пронеслось по нему, когда Аннабел закинула руки ему на шею и подняла к нему свое личико. Но подобные вещи не позволено заносить на бумагу. Ни один редактор не пропустит.

Однако сейчас он не писал роман, а проживал его. Так что когда он поднял ее на руки и понес на постель, он решил, что все происходящее просто замечательно.

— Я люблю тебя, — прошептал он, укладывая ее на одеяло. Ее волосы распустились и упали темной волнистой массой наслаждения. Ему хотелось проследить изгиб каждого локона, чтобы каждый из них обвился вокруг его пальцев. Он хотел ощущать их шелковистость на своей коже, чувствовать их скольжение по своей груди, их щекотку на своих плечах. Он хотел всем телом прочувствовать ее всю... прильнувшую к нему... Он хотел, чтобы так было во все оставшиеся дни его жизни.

Он уселся на постель. Немножко рядом с ней, немножко на ней, заставляя себя помедлить, чтобы радоваться... и наслаждаться... и благодарить. Она смотрела на него снизу вверх, и в глазах ее светилась вся любовь мира. И она лишила его дара речи, заставила ощутить смирение, не оставила ему ничего, кроме поразительного чувства благоговейного почитания и ответственности.

Теперь он принадлежал другому человеку. Его поступки... теперь они касались не только его одного. То, что он делал, то, что он говорил... теперь имело значение не только для него. Если он причинит ей боль, разочарует ее...

— Ты выглядишь таким серьезным, — прошептала она и коснулась его щеки. Рука ее была холодной, и он уткнулся в нее, целуя нежную ладонь.

— У меня всегда холодные руки, — промолвила она.

Он почувствовал, что улыбается.

— Ты говоришь это так, словно раскрываешь большой мрачный секрет.

— И ноги у меня холодные.

Он уронил нежный серьезный поцелуй ей на носик.

— Клянусь посвятить остаток своей жизни согреванию твоих рук и ног.

Она улыбнулась своей широкой, ослепительной, роскошной улыбкой, которая так часто переходила в роскошный, изумительный, раскатистый смех.

— Я клянусь...

— ...любить меня, даже если я растеряю все свои волосы, — предложил он.

— Согласна.

— Играть со мной в дартс, даже несмотря на то, что я всегда выигрываю.

— Ну, в этом я не была бы так уверена...

— И еще... — Он на мгновение задумался. — Вообще-то это все.

— Неужели? А как же насчет вечной верности?

— Это входит в пункт о моих волосах.

— Дружбе на всю жизнь?

— В том же пункте что и дартс.

Она рассмеялась:

— Тебя легко любить, Себастьян Грей.

Он одарил ее скромной улыбкой.

— Я стараюсь.

— У меня есть еще секрет.

— Правда? — Он облизнул губы. — Я обожаю секреты.

— Наклонись, — велела она.

Он послушался.

— Ближе. — Потом: — Еще ближе.

Он поднес ухо почти к самым ее губам.

— Я повинуюсь тебе во всем.

— Я очень хорошо играю в дартс.

Он начал смеяться. Тихо... но так, что смех сотряс все его тело. Затем он прижал рот совсем близко к ее ушку. Он даже дотронулся до него губами, так что она почувствовала тепло его дыхания, и прошептал:

— Я лучше.

Она протянула к нему руки и, обхватив его лицо ладонями, повернула его так, чтобы ее рот оказался прижатым к уху Себастьяна.

— Ты властная, — промолвил он, прежде чем она успела слово сказать.

— Я «Уинслоу, самая вероятная победительница в дартс» — все, что наконец произнесла она.

— А-а-а... Но со следующего месяца ты уже будешь Грей.

Она вздохнула глубоко и счастливо. Ему хотелось всю остальную жизнь слушать подобные звуки.

— погоди, — вдруг встрепенулся он, отодвигаясь. Он почти забыл. Он же пришел этой ночью к ней в спальню с вполне определенной целью.

— Я хочу сделать это снова, — объявил он.

Она растерянно склонила голову набок.

— Когда я просил тебя стать моей женой, — сообщил он, — я сделал это не по правилам.

Она открыла рот, чтобы возразить, но он приложил палец к ее губам.

— Я знаю, что это будет против всех твоих естественных порывов, тем более что ты старший ребенок в семье, но сейчас ты станешь молчать и слушать.

Она послушно кивнула, но глаза ее ярко блеснули.

— Я должен спросить тебя снова, — продолжал он. — Я делаю это лишь один раз — ну, несколько раз, но по отношению к одной и той же женщине, — так что обязан сделать все правильно.

А затем он понял, что, в сущности, не знает, что говорить. Он не сомневался, что твердил где-то в голове какую-то речь, но теперь, глядя в ее лицо, в ее внимательно всматривающиеся в него глаза, глядя, как шевелятся ее губы, хотя с них не слетает ни звука...

Все заготовленные им слова куда-то исчезли.

Он был человеком, ремеслом которого была игра словами. Он писал романы, он с необычайной легкостью вел разговоры, а теперь, когда это было так важно, все слова куда-то подевались.

Их просто у него не оказалось. Не было у него слов достаточно хороших для того, чтобы выразить свои чувства. Все, что он мог сказать, было лишь слабым подобием того, что находилось в его сердце. Контурным рисунком вместо сочного и красочного полотна. А Аннабел, его Аннабел, была именно такой красочной картиной, полной сияющего света.

Но он попытается. Он никогда раньше не любил и не собирался влюбляться в другой раз... снова... когда теперь она была в его объятиях, в мерцании свечей. Нет, он должен сделать все правильно.

— Я прошу вас выйти за меня замуж, — произнес он, — потому что я вас люблю. Я не знаю, как это случилось так быстро, но знаю, что это правда. Когда я смотрю на вас...

Он должен был остановиться. Его голос осел, затем у него перехватило дыхание, он должен был глотнуть, чтобы из горла ушел болезненный комок эмоций, мешавший ему выговорить хоть слово.

— Когда я смотрю на вас, — прошептал он, — я просто уверен.

И в этот миг он понял, что иногда хватает самых простых слов. Он любил ее, и ничего больше не было нужно.

— Я вас люблю, — повторил он. — Я люблю тебя. — Он нежно поцеловал ее. — Я люблю тебя и буду горд, если ты подаришь мне привилегию провести остаток моей жизни, делая тебя счастливой.

Она кивнула. Из глаз ее лились слезы.

— Только если ты позволишь мне делать то же самое, — прошептала она.

Он снова поцеловал ее, на этот раз крепче.

— Это станет моей радостью.

Время слов кончилось. Он встал на колени, стащил с себя рубашку и плавным движением отшвырнул ее прочь. При виде его обнаженной груди глаза ее расширились, и он задрожал от желания, глядя, как она медленно потянулась к нему, чтобы прикоснуться к его коже.

А потом, когда она это сделала, когда ее рука легла ему на сердце, он застонал, будучи не в силах поверить, что одно крохотное прикосновение способно так его воспламенить.

Он хотел ее. Господи Боже, как же он ее хотел... как никогда не хотел никого и ничего... как не мог представить себе, что такое бывает!

— Я люблю тебя, — повторил он снова, потому что это чувство переполняло его и рвалось наружу. Он готов был произносить эту фразу без конца. Он твердил это, снимая с нее ночную сорочку, твердил, освобождаясь от остатков своей одежды. Он повторял это, привлекая ее к себе, целиком и полностью, когда между ними не осталось ни лоскутка, он повторял это, устроившись меж ее ног, готовясь совершить последний рывок, войти в нее и соединить их навеки.

Она была такой жаркой, влажной и влекущей, он помедлил, заставляя себя сдерживать бешеное желание.

— Аннабел, — прохрипел он, давая ей эту последнюю возможность сказать «нет», сказать, что она еще не готова, что сначала хочет услышать слова в церкви... Это его убьет, но он остановится. И он надеялся, ради всего святого, что она это понимает, потому что не думал, что может выговорить еще хоть слово, тем более целую фразу.

Он посмотрел вниз, на ее лицо, разгоревшееся от страсти. Она тяжело дышала, и он ощущал каждый ее вдох по тому, как вздымалась и опускалась ее грудь. Он хотел взять обе ее руки в свои и завести их ей за голову, сделать ее своей пленницей и целую вечность держать ее в плену.

И еще ему хотелось целовать ее нежно и сладостно. Всюду.

Он хотел вонзиться в нее, доказать ей самым примитивным образом, что она принадлежит ему, и только ему.

А еще он хотел встать перед ней на колени и молить ее любить его вечно.

Он хотел от нее всего.

Он хотел от нее все равно чего.

Он хотел слышать ее голос. Особенно заветные три слова: «Я люблю тебя».

Она шептала эти слова. Они шли откуда-то из глубины ее горла, из самой глубины ее существа, и этого было достаточно, чтобы он дал себе волю.

Он со стоном толкнулся вперед и ощутил, как она захватывает, затягивает его в себя.

— Ты такая... такая... — Но он не мог закончить мысль. Он мог только чувствовать и ощущать и позволить своему телу взять верх над рассудком.

Он был создан, сотворен для этого. Для этого момента... С ней.

— О Господи! — простонал он. — О, Аннабел...

Она содрогалась с каждым его выпадом, выгибала спину, поднимала бедра, притягивала его, втягивала все глубже. Он старался двигаться медленно, чтобы дать ей время привыкнуть к нему. Но каждый ее полустон-полувздых, словно искра, воспламенял его кровь. А когда она шевелилась, это еще больше соединяло их друг с другом.

Он взял в ладонь одну из ее грудей и почти потерял себя в приливе чувственного восторга. Она была совершенной, нежной, великолепной... она переполняла его пальцы.

— Я хочу попробовать тебя на вкус, — выдохнул он и, поднеся этот сочный плод ко рту, лизнул его нежную вершинку, ощущая миг чисто мужского торжества, когда она испустила легкий вскрик, и ее словно подбросило на постели.

Что, конечно, соединило их еще теснее.

Тогда он стал сосать отвердевший бутон соска, думая лишь о том, что она самое прекрасное, самое женственное, самое роскошное создание на свете. Он хотел оставаться с ней всегда. С ней... в ней... Любить ее.

Просто ее любить.

Ему хотелось, чтобы ей было так же хорошо. Нет, он хотел, чтобы это было изумительно. Но для нее это был первый раз, а ему говорили, что первый раз для женщин редко доставляет им удовольствие. И еще он страшно боялся, что потеряет над собой контроль и достигнет пика своего удовольствия до того, как она получит свое. Он не мог вспомнить, когда в последний раз

так нервничал, занимаясь любовью с женщиной. Но все-таки то, что он делал раньше... не было занятием любовью. Он осознал это только сейчас. Существовала огромная разница... и эта разница покоилась сейчас в его объятиях.

— Аннабел, — прошептал он, едва узнавая собственный голос. — Как ты?.. Ты... — Он глотнул, пытаясь сформулировать четко мысль. — Тебе было больно?

Она покачала головой:

— Только мгновение. Но теперь...

Он затаил дыхание.

— Чувство странное, — закончила она, — но чудесное.

— Будет становиться все лучше, — успокоил он ее. — Ты скоро почувствуешь. — Он начал снова двигаться в ней. Это были не те робкие движения, когда он старался не причинить ей боль, но нечто настоящее. Он двигался как мужчина, который нашел свой дом.

Он протиснул между ними руку, стараясь дотронуться до нее одновременно со своими выпадами. Когда он наконец обнаружил ее суть, ее чуть не подбросило на кровати. А он все дразнил и гладил, побуждаемый к действию ее краткими всхлипами. Она вцепилась ему в плечи напряженными скрючившимися пальцами и наконец выкрикнула его имя с мольбой об удовлетворении самого страстного желания.

Она его хотела.

Она умоляла его дать ей освобождение.

И он мысленно клялся, что непременно так и поступит. Уже совсем скоро.

Он вновь приблизил голову к ее груди, лизнул и легонько куснул. Если б он мог, то любил бы ее всю и сразу везде. Возможно, она ощутила то же, что и он, так как в тот миг, когда он почувствовал, что больше не может сдерживаться, она резко выгнулась ему навстречу и напряглась под ним. Ее пальцы впились в его кожу, она сжалась вокруг него, дрожа и втягивая его в себя. Она была такой сильной, такой узкой, что почти вытолкнула его из себя, но он мощно рванулся вперед и, прежде чем осознал, излился в нее, достигнув своего пика в тот самый момент, когда она начала спускаться со своего.

— Я люблю тебя, — сказал он, свернулся вокруг нее и притянул к себе... Они лежали уютно, как будто и были созданы друг для друга... Он закрыл глаза и провалился в сон.

Глава 27

В это время года солнце встает рано, и когда Аннабел открыла глаза и посмотрела на часы на прикроватном столике, было всего полпятого. В спальне было еще совсем темно, так что она выскользнула из постели, накинула халат и подошла к окну, чтобы раздвинуть занавеси. Пусть ее бабушка накануне безмолвно разрешила Себастьяну остаться в ее комнате, но Аннабел сознавала, что он не может находиться здесь, когда проснется весь дом.

Ее комната была обращена к востоку, поэтому она на минуту застыла у окна, чтобы полюбоваться рассветом. Большая часть неба все еще сохраняла лиловые краски ночи, но вдоль горизонта солнце уже нарисовало оранжевым и розовым сверкающую полосу.

И желтым. Совсем внизу золотистый оттенок начал уверенно ползти вверх.

«Косые лучи восходящего солнца...» — подумалось ей. Она все еще никак не могла закончить чтение книжки Горли, но почему-то первая строчка запала ей в память. Она понравилась Аннабел. Она ее понимала, и, хотя не обладала особым зрительным воображением, что-то в этом описании нашло отклик в ее душе.

Она услышала, как за ее спиной зашевелился на постели Себастьян, и обернулась к нему. Он моргал, просыпаясь.

— Уже утро, — улыбнулась она.

— Почти, — зевнул он.

— Почти, — согласилась она и вновь повернулась к окну.

Она услышала, как он снова зевнул и стал вылезать из постели. Он подошел к ней сзади и обвил руками, опустив подбородок ей на макушку.

— Какой красивый рассвет, — пробормотал он.

— Он уже сильно изменился за те несколько минут, пока я на него смотрела.

Аннабел почувствовала, как он кивнул.

— Я почти никогда не наблюдала рассвет в это время года, — проговорила она, начиная зевать. — Он происходит слишком рано.

— Я полагал, что ты любишь рано вставать.

— Люблю. Но обычно не настолько. — Она повернулась в его объятиях и подняла к нему лицо: — А ты?.. Такое необходимо знать о будущем муже.

— Нет, — мягко произнес он. — Когда я вижу встающее солнце, это происходит обычно, потому что я слишком долго не спал.

Она чуть было не пошутила насчет многочисленных поздних вечеринок, но ее остановило выражение безысходности в его глазах.

— Потому что ты не можешь заснуть? — тихо спросила она.

Он кивнул.

— Ты спал прошлой ночью, — промолвила она, вспоминая его ровное медленное дыхание. — И спал очень крепко.

Он моргнул, и на лице его отразилось большое удивление. Можно даже сказать — радостное изумление.

— Действительно спал!

Она порывисто поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

— Возможно, это новый рассвет и для тебя.

Несколько мгновений он молча смотрел на нее, словно не зная, что сказать.

— Я люблю тебя, — наконец произнес он и ответил ей поцелуем на поцелуй. Поцелуем в губы, полным нежности и любви. — Давай выйдем наружу, — вдруг сказал он.

— Что?

Он выпустил ее из рук и направился к постели, к лежавшей на полу рядом с ней куче одежды.

— Давай, — настаивал он. — Одевайся.

Аннабел позволила себе несколько мгновений полюбоваться его голой спиной, но тут же одернула себя.

— Зачем ты хочешь выйти наружу? — поинтересовалась она, начиная, впрочем, соображать, что ей надеть.

— Меня не должны обнаружить здесь, — объяснил он, но я не хочу с тобой расставаться. Мы скажем всем, что встретились для ранней утренней прогулки.

— Но нам никто не поверит.

— Разумеется, нет, но доказать, что мы лжем, они тоже не смогут. — Он послал ей проказливую ухмылку. Его веселье было таким заразительным, что Аннабел чуть не бегом бросилась натягивать одежду. Прежде чем она успела одеться, он схватил ее за руку и потащил по дому. Оба еле сдерживали смех. Им встретились несколько служанок, снующих вверх и вниз по лестницам с кувшинами теплой воды для гостей, но Аннабел и Себастьян прошмыгнули мимо них и, спотыкаясь, добрались наконец до входной двери и чистого утреннего воздуха.

Аннабел вздохнула полной грудью. Чудесный воздух, чистый и бодрящий, был достаточно влажным, чтобы она ощутила его росистую свежесть и почувствовала себя обновленной.

— Спустимся к пруду? — спросил Себастьян. Он наклонился к ней и чмокнул в розовое ушко. — У меня об этом пруде сохранились восхитительные воспоминания.

Щеки Аннабел залило краской, хотя она, казалось, уже должна была перестать краснеть от смущения.

— Я научу тебя делать блинчики на воде, — подкупающе промолвил он.

— Ох, не думаю, что тебе это удастся. Я старалась этому научиться многие годы. Братья махнули на меня рукой.

Себ бросил на нее пронизывающий взгляд:

— Ты уверена, что они не пытались... немножко саботировать обучение?

Аннабел растерянно открыла рот.

— Если бы я был твоим братом, — продолжал он, — а нам обоим нужно поблагодарить Всевышнего, что это не так, я пожалуй счел бы забавным давать тебе неверные инструкции.

— Они бы не стали!..

Себастьян пожал плечами:

— Поскольку я никогда с ними не встречался, то не могу с уверенностью это утверждать. Но я повстречал тебя и могу сказать, что наверняка поступил бы именно так.

Она стукнула его по плечу.

— Правда-правда, — не унимался он. — «Уинслоу, чаще всех выигрывающая в дартс», «Уинслоу, обгоняющая индюка чаще всех...».

— В этом я была всего лишь третьей.

— Ты раздражающе ловкая, — закончил он.

— Раздражающе?!

— Мужчина любит чувствовать себя хозяином положения, — пробормотал он.

— Раздражающе!

Он поцеловал ее в носик.

— Ты раздражающе обворожительна.

Они как раз в этот момент подошли к берегу, так что Аннабел высвободила у него свою руку и зашагала по узкой полоске песка.

— Я отыщу подходящий камешек, — объявила она, — и если ты не научишь меня к концу дня их запускать по воде блинчиками — берегись. — Она замолчала.

Он рассмеялся и пошел с ней рядом.

— Сначала ты должна найти хороший камешек.

— Это-то я знаю, — фыркнула она.

— Он должен быть плоским и не тяжелым.

— Это я тоже учитываю.

— Я начинаю понимать, почему твои братья не хотят тебя учить.

Она сердито посмотрела на него, но он только рассмеялся.

— Вот, — сказал он и поднял небольшой камешек. — Вот этот хорош. Держать его нужно так. — Он показал как, а затем вложил камешек ей в ладонку и согнул ее пальцы вокруг него. — Свое запястье ты должна держать так. Потом...

Она подняла на него глаза.

— Ну и что потом?

Он замолчал и внимательно уставился на пруд.

— Ничего, — промолвил он, качнув головой. — Просто солнце сверкает на воде.

Аннабел повернулась к пруду потом обратно к нему. Отражение солнца на воде было изумительно красиво, но она обнаружила, что предпочитает смотреть на него. Он смотрел на пруд так сосредоточенно, словно пытался запомнить каждый солнечный блик. Она знала, что он прославился в свете своим беспечным обаянием. Все называли его забавником, остроумцем, таким смешным... Но теперь, когда он стоял и молча глядел куда-то вдаль, она вдруг задумалась, а знает ли кто-нибудь его по-настоящему?

— Косые лучи восходящего солнца... — произнесла она.

Он круто обернулся к ней:

— Что ты сказала?

— Я, конечно, понимаю, что восход уже состоялся, но ненамного раньше этой минуты.

— Почему ты произнесла эти слова?

Она заморгала. Он вел себя странно.

— Не знаю. — Она снова перевела взгляд на воду. Солнечный свет еще оставался неярким, почти персикового оттенка, а пруд, угнездившийся среди деревьев и холмов, казался волшебным зеркалом. — Мне просто понравилась эта фраза... этот образ. Я подумала, что это хорошее описание... Знаешь, оно из «Мисс Сейнсбери».

— Я понял.

Она пожала плечами:

— Я все никак ее не дочитаю.

— Она тебе нравится?

Аннабел полностью повернулась к нему. Он вел себя так скованно, говорил так напряженно... Совсем на него не похоже.

— Наверное, — не слишком внятно промолвила она.

Он долгую минуту смотрел на нее. В глазах его светилось нетерпение.

— Не понял: либо тебе она нравится, либо нет.

— Ты не прав. Там есть некоторые вещи, которые мне очень симпатичны, а есть и не очень. И вообще, я думаю, что мне нужно дочитать ее до конца, прежде чем выносить суждение.

— Как далеко ты дошла?

— Почему тебя это так волнует?

— Вовсе нет, — запротестовал он. Но выглядел при этом, как ее брат Фредерик, когда она обвинила его в том, что он влюбился в Дженни Питт, жительницу их деревни. Фредерик тогда подбоченился и громко заявил: «Вовсе нет!» Однако было ясно, что на самом деле так оно и есть.

— Мне просто нравятся ее книги. Вот и все, — пробормотал он.

— Мне нравится йоркширский пудинг, но я не обижаюсь, если другим он не нравится.

На это он ничего не ответил, и она, пожав плечами, вернулась к изучению камешка в своей руке, пытаясь повторить прием, который он только что ей показал.

— А что тебе не понравилось? — поинтересовался он.

Она недоуменно посмотрела на него. Ей казалось, что они закончили разговор о книге.

— Может быть, сюжет?

— Нет, — ответила она и с любопытством окинула его взглядом. — Сюжет увлекательный. Он несколько невероятный, конечно, но это, пожалуй, делает его интересным.

— Тогда что?

— Ну-у, не знаю. — Она нахмурилась и вздохнула, пытаясь определиться с ответом на его вопрос. — Стиль порой становится таким тяжеловесным.

— Тяжеловесным? — уточнил он.

— Там столько прилагательных... Но, — жизнерадостно добавила она, — ей очень удаются описания. В конце концов, мне очень понравились эти косые лучи восхода. И вообще, трудно что-то описывать без прилагательных, — примиряюще сказала она.

— Я мог бы попытаться, но...

Он поспешно закрыл рот, внезапно оборвав себя на полуслове.

— Что-что? — требовательно проговорила она. — Повтори!

— Ничего.

Но фраза уже была произнесена.

— Ты сказал... — Она вдруг ахнула. — Это ты!

Он ничего не ответил, просто скрестил руки на груди и посмотрел на нее, выражая на лице что-то вроде: «Понятия не имею, о чем ты говоришь!»

А у нее голова пошла кругом. Как она раньше не догадалась?! Ведь было столько подсказок. После того как дядюшка подбил ему глаз, Себастьян сказал, что никогда не знаешь, когда понадобится описать нечто подобное. А эти подписанные автором книжки!.. А эти его слова в опере! Он заявил что-то насчет того, что герой не падает в обморок уже на первой странице. Не в первой сцене, а на первой странице!..

— Ты и есть Сара Горли! — воскликнула она. — Ты — это она! У вас даже одинаковые инициалы.

— Право же, Аннабел...

— Только не лги мне. Я собираюсь стать твоей женой. Ты не можешь мне лгать. Я знаю, что это ты. Я даже подумала, когда читала, что у этой книжки твоя интонация. — Она застенчиво улыбнулась ему. — По правде говоря, это мне понравилось больше всего.

— Правда? — У него загорелись глаза, а она подумала, понимает ли он, что сейчас во всем признался.

Она кивнула.

— Как, ради всего святого, тебе удалось столько времени хранить это в тайне? Как я понимаю, никто этого не знает? Леди Оливия наверняка не назвала бы эти книжки ужасными, если бы знала... — Аннабел поморщилась. — Что же мне теперь делать?

— Да ничего не надо делать, — объяснил он. — Пожалей свою кузину.

— У тебя очень доброе сердце, — сказала Аннабел и тут же ахнула. — А сэр Гарри?

— Он понятия не имеет, — успокоил ее Себ.

— Но он же переводит тебя! — Она помедлила. — Я имею в виду — твои книжки.

Себастьян только пожал плечами.

— О-о! Он тоже почувствовал бы себя ужасно, — покачала головой Аннабел, пытаясь представить себе это. Она не слишком хорошо знала сэра Гарри... но все же... Они же так тесно общались. — И Гарри с супругой ни разу тебя не заподозрили? — усомнилась она.

— Нет, не думаю.

— О Боже! — Она опустилась на большой плоский камень. — Чудны дела твои.

Он сел рядом с ней.

— Найдутся люди, — осторожно произнес он, — которые сочтут это занятие глупым и недостойным.

— Только не я, — мгновенно возразила она, качая головой. Надо же, Себастьян был Сарой Горли. Она выходила замуж за Сару Горли!

Тут она вздрогнула: наверное, ей не стоит даже думать в таких выражениях. Светское общение предполагает осторожность.

— По-моему, это замечательно, — объявила она, поворачивая к нему лицо.

— Ты так считаешь? — Он внимательно вглядывался в нее. И в этот момент она поняла, каким важным было для него ее мнение. Он был так уверен в себе всегда, так естественно держался, был так непринужденно общителен... Это явилось одним из первых его качеств, которые она заметила. Прежде даже чем узнала его имя.

— Это просто прекрасно, — кивнула она, размышляя о том, очень ли она плохая, раз ей нравится его уязвимость, легко читаемая сейчас в его глазах. Однако она не могла ни чего поделывать: ей нравилось сознавать, что она так много для него значит. — Это будет нашим секретом. — А затем она рассмеялась.

— В чем дело?

— Когда я впервые встретила тебя — до того как узнала твое имя, — помню, что подумала, будто ты улыбаешься так, словно у тебя есть какая-то заветная тайна. И мне захотелось стать

ее частью.

— Так будет всегда, — торжественно заявил он.

— Возможно, я даже смогу помочь с названием, — предложила она с лукавой улыбкой, — «Мисс Уинслоу и загадочный автор».

Он помедлил минуту, соображая, а затем глаза его заискрились смехом.

— Я не могу снова использовать в названии слово «загадочный». У меня уже был «загадочный полковник».

Она фыркнула с притворной досадой:

— Какое это трудное занятие — писательство!

— Может, «Мисс Уинслоу и великолепный любовник»? — предложил он.

— Слишком эротично, — хлопнула она его по руке. — Ты растеряешь всех нежных читательниц, и где тогда мы окажемся? Как будем кормить всех своих сероглазых детишек?

Глаза его вспыхнули от полноты чувств, но он продолжал игру:

— А что, если «Мисс Уинслоу и ненадежный наследник»?

— О, право, не знаю! Вполне возможно, что ты так и не унаследуешь титул (хотя я, слава Богу, не буду иметь к этому никакого отношения), но все же «ненадежный» звучит как-то очень...

— Ненадежно?

— Вот именно, — согласилась она, хотя его сарказм был очевидно откровенным. — И вообще, как насчет миссис Грей?

— Миссис Грей? — вопросительно повторил он.

— Мне нравится, как это звучит.

Он кивнул.

— «Миссис Грей и ее покорный муж»?

— Скорее — «Миссис Грей и любимый муж». Нет-нет, лучше «Миссис Грей и ее возлюбленный муж», — проговорила она, делая ударение на слове «ее».

— Это будет история с продолжением? — осведомился он.

— Скорее всего. — Она потянулась поцеловать его и осталась потом в той же позиции, так что их лица соприкасались. — Если только ты согласен, чтобы каждый день имел счастливое окончание.

— Кажется, это потребует большой работы... — пробормотал он.

Она откинулась немного и смерила его строгим взглядом.

— Но оно того стоит.

— Это не похоже на вопрос, — весело хмыкнул он.

— Без экивоков, мистер Грей. Прямо и недвусмысленно.

— Вот это я и люблю в тебе, будущая моя миссис Грей.

— А не кажется тебе, что «моя будущая миссис Грей» звучит лучше?

— Ты уже меня редактируешь?

— Предлагаю.

— Вообще-то, — сказал он, надменно глядя на нее сверху вниз, — я прав: «будущая» должно стоять после «моя», а то получится, что ты будешь неизвестно чьей миссис.

Она обдумала его слова.

Он смотрел на нее с превосходством.

— Ладно, — сдалась Аннабел. — Но во всем остальном права я.

— Во всем?

Она обольстительно улыбнулась:

— Я же выбрала тебя.

— «Мистер Грей и его возлюбленная жена». — Он поцеловал ее один раз, потом еще разок. — Пожалуй, мне это нравится.

— Я это обожаю.

И это была истинная правда.

Эпилог

Четыре года спустя

— Ключ к успешному браку, — объявил сидевший за письменным столом Себастьян, — это женитьба на великолепной жене.

Поскольку это заявление прозвучало внезапно, без всякой видимой причины, после часа, проведенного в душевном молчании, Аннабел Грей готова была воспринять его со щепоткой здорового недоверия. Себастьяну было свойственно начинать разговор с какого-нибудь экстравагантного комплимента, особенно когда он хотел добиться ее одобрения или, по крайней мере, согласия относительно вещей, не имевших никакого отношения к вышесказанной похвале.

Было, однако, в этом его высказывании десять пунктов, которые не могли не согреть ее сердце.

Во-первых, Себ выглядел необычайно красивым, когда это говорил, таким взъерошенным, с теплым волнующим взглядом. Во-вторых, вышеупомянутой женой была она сама, из чего логично вытекало в-третьих: этим утром она исполнила разнообразнейшие чудесные

обязанности жены, которые, если учесть их предыдущую историю, вероятнее всего, приведут через девять месяцев к в-четвертых: еще одному сероглазому малышу в добавление к трем, уже топочущим в детской.

Меньшим, но не менее важным достоинством было в-пятых: ни один из этих маленьких Греев категорически не был похож на лорда Ньюбери, по всей видимости, полностью растерявшего мозги после того, как свалился без чувств в спальне Аннабел четырьмя годами ранее. Он сел на диету для похудания и женился на вдове с достоверной способностью к деторождению. Но, увы, в-шестых, так и не сумел завести ребенка, ни сына, ни дочери.

А это, в свою очередь, означало, что, в-седьмых, Себастьян оставался предполагаемым наследником графского титула, хоть это и не имело большого значения, потому что, в-восьмых, его книжки продавались в огромных количествах, особенно после выхода романа «Мисс Спенсер и буйный шотландец», который, в-девятых, сам король объявил «восхитительным». Это в сочетании с тем, что Сара Горли стала чуть не самым популярным автором в России, означало, что, в-девятых, все братья и сестры Аннабел были хорошо устроены в жизни, и как следствие привело к в-десятым: Аннабел никогда не пришлось пожалеть о том, что ее решение искать своего счастья не нанесло ущерба ее родным.

В-одиннадцатых...

Аннабел улыбнулась: когда счет переходит за десять, это говорит о том, что все в ее жизни чудесно:

— Чему ты улыбаешься?

Она посмотрела на Себастьяна, по-прежнему продолжавшего сидеть за письменным столом и притворяться, что работает.

— О многих вещах, — блаженно потянулась она.

— Как интригующе! Я тоже размышляю о многих вещах. — Неужели?

— О десяти, если точнее.

— А я думала об одиннадцати.

— Ты всегда стремишься вырваться вперед.

— «Грей, которая, вероятнее всех, обгонит индюка», — напомнила она ему, — не говоря уже о блинчиках на воде.

Она уже дошла до шести. Это был потрясающий момент. Особенно если учесть, что никто не видел, как Себастьяну удастся запустить семью!

Он выгнул бровь и, изобразив на лице глубокую снисходительность, произнес:

— «Качество важнее количества». К этому выводу я пришел давно. Я думал о десяти качествах, за которые я тебя люблю.

У нее перехватило дыхание.

— Во-первых, — начал он, — твоя улыбка, лучше которой, во-вторых, только твой смех, берущий начало в— третьих, в абсолютной искренности и щедрости твоего сердца.

Аннабел нервно глотнула. Слезы набежали ей на глаза и наверняка скоро поползут по щекам.

— В-четвертых, — продолжал он, — ты отлично умеешь хранить секреты, и, в-пятых, ты научилась не делать предложений касательно моей писательской карьеры.

— Нет, почему же? — запротестовала она сквозь слезы. — «Мисс Форсби и швейцар» будет звучать изумительно.

— Это низвергнет меня в пылающую бездну разорения.

— Но...

— Ты обратила внимание, что в списке твоих достоинств ничего не говорится о привычке не перебивать меня? — Он откашлялся. — В-шестых, ты наградила меня тремя замечательными талантливыми детишками, и, в-седьмых, ты потрясающая мать. Я, с другой стороны, полный эгоист, и потому, в-восьмых, это все о том, как горячо ты меня любишь, — он наклонился вперед и поиграл бровями, — во всех смыслах и всеми способами.

— Себастьян!

— Вообще-то я, пожалуй, сделаю это пунктом девятым. — Он наградил ее особенно жаркой улыбкой. — Считаю, что это заслуживает отдельного номера.

Она мило покраснела. Поверить трудно, но он умел вогнать ее в краску даже после четырех лет супружества.

— В-десятых, — не унимался он, вставая на ноги и направляясь к ней. Он опустился перед ней на колени и, взяв ее руки в свои, нежно по очереди поцеловал, — ты — это просто ты. Ты самая удивительная, умная, добрая, забавно обожающая состязания женщина, которую я когда-либо встречал. И ты, несомненно, можешь обогнать индюка.

Она смотрела на него во все глаза, не обращая внимания на непросохшие слезы, на то, что глаза ее наверняка покраснели и ей был позарез нужен носовой платок... Она любила его. Только это имело значение.

— Думаю, что пунктов получилось больше десяти, — прошептала она.

— Разве? — Он поцелуем стер ее слезы. — Я разучился считать.